

№ 11

2007

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ
Генеральный директор В. Г. КОЧЕНОВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Н. Н. ЖОРОВ**
(г. Уральск), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ**
(г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ** (г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ**
(г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ** (первый зам. главного
редактора), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО**
(г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Проза

И. Масалин. Записки сумасшедшего. *Рассказ* **3**
В. Дианов. Быстрина, Ночное такси. *Рассказы* **36**
А. Кротов. Четыре рассказа **48**

Поэзия

М. Кангожин. «Есть у поэта лишь доблесть одна...». *Стихи* **27**
С. Лешаков. «День наполнен радостью прозрачной...». *Стихи* ... **41**
Н. Ковтун. «Прошу у Бога света и тепла...». *Стихи* **55**
Т. Егорова. «Горе проходит — любовь остаётся...». *Стихи* **149**

Документальная проза

- Ю. Поминов.** Хроника смутного времени.
Записки редактора (продолжение) 60
-

Наследие

- М. Немцев.** Тайна «Розовых мальв» 154
Е. Ватман. Розовые мальвы. *Рассказ* 156
-

Культура. Общество. Личность

- Е. Усова.** Светлое имя Пушкин 164
В. Владимиров. Реквием по верному другу 172
-

Искусство

- Е. Малиновская.** Планета, сотворённая художником 176
-

Из почты «НИВЫ»

- Л. Владимирова.** Мы все влюбились в Казахстан! 179
-

Приключения. Детектив. Фантастика

- В. Орешкина.** Машина времени.
Историко-фантастический рассказ 181
-

Сатира и юмор

- А. Власенко.** Захват, Торговка и поэт. *Юморески* 189
-

Изоальбом «НИВЫ»: из работ Чингиза Ногайбаева. На первой странице обложки — «Натюрморт с гитарой», на четвёртой — «Алпамыс».

Июлай МАСАЛИН

Записки сумасшедшего

Рассказ

В конце дня телефакс принёс сообщение о присуждении ежегодной премии Международного сообщества энтомологов научному сотруднику Казахского института зоологии, известному среди своих коллег по прозвищу “Студент”, которое закрепилось за ним с тех пор, как он, будучи ещё студентом, проходил практику в составе полевой экспедиции института. Академик, занимающий должность директора института, трижды перечитал поздравление Международного сообщества энтомологов и известие о предоставлении молодому учёному месячной командировки в Намибию за счёт организации, присудившей премию. Впервые за многолетнюю историю института никому не известный учёный удостоился международного признания. Везёт же молодым, хмыкнул про себя пятидесятипятилетний Академик. Затем, поразмыслив немного, он вызвал к себе счастливицу.

Перед Академиком предстал худощавый парень лет двадцати пяти, среднего роста, с невозмутимым лицом и грустным вопрошающим взглядом. Академик подумал: “Способен ли этот угрюмый молодой человек улыбаться как все нормальные люди?”.

После рукопожатия Академик сообщил Студенту приятную новость. Затем перевёл разговор в обычное деловое русло.

— Молодой человек, впредь вы должны помнить об обязательности обсуждения на учёном совете института научных работ, предлагаемых зарубежным изданиям, для получения разрешения на публикацию...

Июлай МАСАЛИН

родился 10 июля 1949 года в Гурьевской (ныне Атырауской) области. В 1973 году окончил политехнический институт в Алматы по специальности “Горный инженер-гидролог”. Работал в различных полевых геологических организациях Целиноградской области. Заочно без отрыва от производства закончил аспирантуру. С 1981 года кандидат геолого-минералогических наук. В 1989-1998

годах преподавал в Кокшетауском университете в должности доцента и заведовал кафедрой горного дела. Самостоятельно изучив английский язык, с 1998 года и по настоящее время работает профессиональным переводчиком в зарубежных фирмах. В свободное время пишет прозу на английском и русском языках. С 2004 года постоянный автор “Нивы”.

Живёт в Астане.

Слова Академика содержали смешанные оттенки недоумения, недовольства и ещё скрытую угрозу, адресованные Студенту.

— Статья, о которой идёт речь, обобщила результаты исследований, выполненных мною за собственный счёт и не входивших в тематический план института. Каждый год свой летний отпуск я провожу в песчаной пустыне, наблюдая за “чёрными вдовами”, так называемыми ядовитыми пауками.

— Почему вы выбрали пустыню и “чёрных вдов”? И какие научные эксперименты вы там проводили?

— На первый взгляд, пустыня под палящим зноем солнца безлика и безжизненна. И только с наступлением ночи зверьки и насекомые выбираются из своих укрытий и отправляются на поиски пищи до рассвета, пока норковый рефлекс им не подскажет покинуть освещённое пространство. Моя цель заключалась в составлении прогноза популяции “чёрных вдов” с учётом особенностей их размножения. Подтвердился известный факт умерщвления “чёрными вдовами” своих партнёров по спариванию. Однако проведённые исследования позволили мне внести одно уточнение в это общепризнанное понятие. После совокупления крупный самец может благополучно отбиться от паука-самки. “Чёрная вдова” также может оставлять в живых и менее крупного самца, который ей под силу, если имело место неполное оплодотворение. Это объясняется тем, что “чёрная вдова” имеет двуполостную матку, и каждая полость может оплодотворяться разными самцами поочередно. Согласно моей гипотезе, агрессивность женской особи или “чёрных вдов” объясняется тревогой за жизнь будущего потомства. Нередко молодой выводок становится жертвой голодных взрослых пауков. Кроме того, спариваясь с более крупным партнёром, “чёрная вдова” может произвести на свет большее количество потомства, чем в результате совокупления с менее крупным партнёром. Предположим, что смертоносная агрессивность “чёрной вдовы” в отношении своего партнёра оправдана необходимостью выживания этого биологического вида...

Академик перестал слушать молодого коллегу в мыслях о том, что автором подобного открытия мог бы стать он. Академик спрашивал себя: “Что случилось бы с ним, если бы каждый день он совершал подобные открытия? Стал бы он тогда счастливым человеком? Или могло ли тогда с ним случиться нечто непоправимое как неизбежная расплата за истину?..”.

Заметив, что Академик перестал его слушать, Студент возмутился:

— Разве рассказ о “чёрных вдовах” вам совсем неинтересен? Разве не вы попросили рассказать о проведённых мною экспериментах?

— Простите, пожалуйста! Я задумался о чём-то другом, — пробормотал Академик в оправдание.

Через полтора месяца “Боинг” доставил Студента на африканский континент. В столичном аэропорту его встретила молодая симпатичная девушка по имени Джейн Вуд. В этой африканской стране она работала координатором научных программ Международного сообщества энтомологов. Управляя джипом, по дороге она живо интересовалась кругом научных интересов Студента, расспрашивала о Казахстане и начала скупые ответы на свои вопросы. Похвалив Студента за хорошее владение английским языком, Джейн чистосердечно призналась, что в этой стране для него выбор невелик. И предложила Студенту в течение

месяца практиковаться, наблюдая за термитами в естественных условиях их обитания.

Наступила пауза. Управляя автомобилем, краешком глаза Джейн продолжала наблюдать за Студентом. Он сидел рядом с ней в задумчивости. Автомобиль преодолевал бесконечные холмы, покрытые густой зеленью после недавних дождей. С переходом возвышенности в равнину на горизонте показались синие горы. К этому времени Джейн сделала вывод о Студенте как нелюбознательном и необщительном молодом человеке. Разве такой человек может стать настоящим учёным, — думала она.

Джип остановился у термитника высотой около 10 метров. Рядом с ним стояли две палатки.

— Это наш полевой лагерь, где ведутся научные наблюдения за термитами, — пояснила Джейн.

Им навстречу вышли два африканца, мужчины около тридцати и сорока лет. Джейн представила им Студента.

После непродолжительного отдыха старший из африканцев, научный сотрудник по имени Кипчого, стал объяснять Студенту его обязанности.

Термитник был оснащён новейшими приборами. Самый сложный из них, действующий с подпиткой от солнечной энергии, предназначался для изучения жизнедеятельности насекомых внутри термитника с экрана монитора, установленного в полутёмной брезентовой палатке. Прибор ночного видения обеспечивал круглосуточное наблюдение за перемещением термитов. Кипчого подробно объяснил Студенту устройство каждого блока, предназначение каждой кнопки и показывал, каким образом снимаются показатели влажности и температуры, а также другие параметры. Другой африканец по имени Мугу, лаборант, наблюдал за Студентом со стороны.

Через два дня, как только Студент начал работать самостоятельно, Кипчого и Мугу покинули лагерь. А ещё через день, поздно вечером, Джейн заявила о своём отъезде, пообещав скоро вернуться. Они договорились поддерживать связь по мобильному телефону. На прощанье Студент спросил:

— Не страшно ли вам ездить одной в такое позднее время без сопровождения?

— Абсолютно нет, — ответила Джейн, — я знаю местных людей так же хорошо, как они знают меня и боятся...

— Боятся?!

— Да. Местные люди считают меня колдуньей.

— Почему?

— Однажды в небольшой деревне я оказалась в центре внимания её жителей. После знакомства мы дружно беседовали. Говорили о чудесах, загадочных явлениях, вспоминали страшные истории. Вдруг мною овладело странное желание пошутить. Я сказала, что если захочу, то школьное здание, стоявшее перед нами в пятидесяти ярдах, обрушится как карточный домик. Со всех сторон раздались восклицания: “Этого не может быть!”. Когда вдруг я начала красноречиво говорить о собственных необычных способностях, не замеченных никем до сих пор, постепенно неверие окружающих уступило место любопытству. Толпа пришла в возбуждение в предвкушении предсказанного мною “чуда” и стала требовать от меня действия. Наступил момент, когда я не помнила, как всё началось с безобидной шутки. Когда мне передалось возбуждение окружающих, мне

показалось, что я действую по чужой воле. Если до того момента для толпы я была молодой и интересной белой женщиной, то теперь предстала ещё и загадочной личностью. Я начала произносить слова, сформированные не в моём сознании: *“Считаю до трёх, и на счёт “три”, когда я хлопну ладонями, здание разрушится”*. И начала считать: “один”, затем “два”, а когда хлопнула ладонями на счёт “три”, школьное здание рухнуло на самом деле. Не описать мне словами состояние толпы, в один миг парализованной от испуга и удивления. Мужчины, женщины и дети долго стояли в молчании как на похоронах, поглядывая то на меня, то на разрушенное здание. Немного придя в себя, они начали расходиться по домам, не задавая мне ни единого вопроса. А я осталась одна, расстроенная, несчастная, с чувством вины. Сказать честно, я не была сильно удивлена этим событием, хотя до сих пор ищу ответ на вопросы: *каким образом я могла почувствовать момент разрушения здания? Кто мне подсказывал слова, произнесённые затем мною, предсказывая разрушение?*

Вопросов много, хотя не только я, но и все местные жители знали об аварийном состоянии школы. Её деревянный материал изнутри разъедался термитами. По этой причине школьное здание изучалось в рамках нашей научной программы. Но никто не ожидал разрушения так скоро. Также я не могу утверждать о том, что в тот момент слышала скрипы чрезмерно деформированной древесины. Можно было бы сослаться на случайность, если тогда я не уступила чужой воле. Остаётся единственная смутная догадка, связанная с термитами, которые являются наиболее таинственными и мало изученными насекомыми на нашей планете. Они даже могут далеко путешествовать от родного термитника, используя птиц в качестве транспортного средства. А как это им удаётся, не знает никто. Учёные безуспешно пытаются разгадать эту тайну. А как термиты строят друг с другом отношения! Разумность их действий поражает человеческое воображение. Одним словом, жизнь термитов окутана мистической тайной. Возможно, в определённых ситуациях термиты могут оказывать влияние и на людей.

Услышанный рассказ подогрел интерес Студента к этим насекомым. После отъезда Джейн, отложив приготовление ужина на более позднее время, Студент расположился перед экраном и с огромным желанием начал наблюдать за термитами.

Это же самые настоящие желтоголовые тараканы, а не родственники муравьёв, подумал Студент, наблюдая за обстановкой внутри термитника. Если движение муравьёв похоже на плавное течение с завихрением в самом центре муравейника, то зрелище перед ним напоминало обыкновенную бытовую обстановку из жизни людей. При встрече торопящиеся насекомые останавливались, как бы приветствуя друг друга в поцелуе. При более внимательном наблюдении с многократным увеличением фокуса обзора Студент выяснил, что ритуал, похожий на поцелуй, оказался процессом кормления “из желудка в желудок” одних проголодавшихся термитов другими более сытыми, подкрепившимися за пределами термитника. Ещё через полчаса Студент догадался, что в процессе подобного рода коллективного питания подсчитываются потери в живой силе и происходит обмен информацией, которая вместе с пищей в последнюю очередь передаётся Королю и Королеве для регулирования численности термитов. Одни термиты, ответственные за обеспечение едой всех обитателей

термитника, отправлялись на поиски пропитания, тогда как другие, уже насытившиеся, возвращались назад, неся во рту добычу подобно муравьям. Караульные термиты, обходя сквозные вентиляционные отверстия, непременно замирали перед ними и, нервно шевеля усиками, улавливали сквозняк, циркулирующий через “форточки”. Эти караульные несли вахту, опасаясь угрозы извне.

Внимание Студента переключилось на Королеву, лежавшую на гладкой поверхности внутри дворца и принимавшую пищу от рабочих термитов, которые, уходя, уносили с собой крошечные фрагменты соломы с естественными выделениями от Королевы. Свободного пространства внутри дворца было настолько мало, и Студент невольно приметил скромный образ жизни королевской четы. Несколько рабочих термитов по очереди подхватывали откладываемые Королевой яйца и через узкий коридор передавали их другим термитам, которые размещали бесценный дар в других камерах вокруг дворца. Двигались все, кто рангом ниже Короля и Королевы, за исключением наиболее крупных термитов, стоявших вокруг Королевы в равном интервале друг от друга в почётном карауле и пропускающая к Королеве только обслуживающий персонал, её кормильцев и следивших за порядком “полицейских”.

А что делал Король? Примерно за пару минут он обходил Королеву. И каждый раз, завершив обход, прижимался к белому брюху Королевы, исполняя супружеский долг.

Наиболее интенсивное движение наблюдалось в “детском саду”, где термиты-малыши затевали хаотичную беготню, часто прерываемую взрослыми термитами-воспитателями. Ещё через полчаса непрерывного наблюдения Студент воскликнул от удивления: “Школа, где никто не наказывает учеников за непослушание!”.

Хотя Студент много читал о термитах, увиденное своими глазами превзошло все ожидания. Он даже мысленно приказал себе: “Перестань так сильно удивляться и прекрати наблюдение! Пора готовить ужин!”. А когда засобирался выключить монитор, неожиданно почувствовал дискомфорт. Следом его мозг стал улавливать странный импульс, доносивший до него просьбу: “*Прекратите землетрясение, прекратите это землетрясение!*”.

Оглянувшись, вокруг себя Студент никого не обнаружил. А просьба продолжала повторяться. Только спустя какое-то время Студент догадался, что слышит не голос, а улавливает чужую мысль. Он спросил мысленно: “Кто вы? О каком землетрясении вы говорите?”.

“К вам обращается Королева из Царства термитов. Вы являетесь сверхчувствительным человеком, способным воспринимать мои мысли. При таком сильном землетрясении благородные существа в моём желудке — *жгутиконосоцы*, перестанут перерабатывать твёрдую пищу в сахар. И тогда я могу умереть от голода. Источник землетрясения находится рядом с вами. Его привёл в действие ваш коллега Кипчого. Прошу вас, выключите его!”.

Оглянувшись, в дальнем углу палатки Студент заметил радио.

“Это вовсе не источник землетрясения, а радио, передающее музыку Бетховена”.

“Неважно. Прошу вас остановить этот звуковой хаос! Я не удивлюсь, если Бетховен был таким же глухим, как мы, — термиты. Однако мы не только глухие, но и слепые. Но имеем чёткое представление

об окружающей нас среде, как и все зрячие существа. Тонко чувствуя еле уловимый поток воздуха, мы получаем сложное объёмное представление об объекте и определяем расстояние до него с помощью излучаемых нами инфракрасных волн. Мы чувствуем даже слабейшую дрожь земли и колебание воздуха в результате движения живых существ и перемещения предметов. Невыносимое угнетение от происходящего шума заставило меня обратиться к вам. Было нелегко решиться на контакт с вами. За исключением паразитов, любое насекомое, замеченное человеком, считает себя оскорблённым”.

“Почему?”.

“Из всех немногих двуногих существ, живущих на земле, только человек постоянно настроен на насилие. Например, если взять человека и обезьяну, из них в своём развитии по пути агрессии идёт человек, а не обезьяна”.

Выключив радио, Студент продолжал улавливать чужие мысли.

“Спасибо вам! Каким образом мне отблагодарить вас?”.

“Я хочу больше знать о термитах...”.

“Ваша просьба выполнима. Вы можете знать больше не только о термитах. Но прежде чем заключить подобную сделку со мной, подумайте хорошенько. Нельзя подняться на пьедестал и не иметь последствий. Не нужно нацеливаться на неведомое. Приближаясь к истине, человек подвергает себя опасности. Абсолютная истина недоступна человеческому разуму. Каждый человек счастлив, ощущая свою правоту в заблуждениях. Существуют границы, преступив которые, человек обрушится в бездну болезненного состояния. И тогда, если даже он не погибнет, в лучшем случае окажется в числе тех, кто составляет определённый процент несчастных людей, установленный для них природой. Больше знать о термитах означает быть со мной в мысленном контакте для обмена информацией. Без труда я могу предсказать, к чему это вас приведёт”.

“Не нуждаюсь я в ваших предсказаниях. Я — учёный, которого наука делает оптимистом. Человеческая любознательность сильнее инстинкта самосохранения”.

“Человек не может одновременно иметь успех, доступный только избранным, и счастье. Если вы осознали эту истину, я исполню вашу просьбу. Отныне между нами будет существовать некая тайная связь, какая существует между врачом и больным, понимающими друг друга без слов в критических ситуациях. Разве вас не интересует вопрос: *кто из нас может оказаться в роли врача, а кто в роли больного?*”.

“Когда не нуждаюсь во врачах, я о них не вспоминаю”.

“Если так, начиная с этого момента, стоит только подумать о чём-либо, вы будете получать информацию от первоисточника через меня, можете прикоснуться к тайнам мироздания. Запоминайте и записывайте, направляйте затем ваши знания во благо всех живых существ на земле”.

“Я непременно отпраздную это событие!”.

“Разве люди празднуют свои неудачи? Хотя возможно, что ваши старания внесут лепту в защиту биологического разнообразия на Земле. Подумайте только, что около 99 % процентов земных обитателей уже вымерли. Представьте себе ситуацию, если человек, просыпаясь однажды утром, обнаружит, что он потерял 99 % своей памяти. Но пока это случилось не с человечеством, а с природой, и, таким образом, сейчас жизнь на Земле

представляет собой лишь воспоминание о тех угасших жизнях. До появления человека в первозданной природе царила гармония. А теперь каждый день безвозвратно погибают неповторимые по красоте дикие цветы только потому, что их некому опылять. Вымирают природные опылители. Но люди об этом особо не жалеют. Им важны только воспоминания об испытанных удовольствиях. Мне приятно общаться с вами. Красота мужчины в его схожести с ребёнком. Вы напомнили мне ребёнка, который задаёт много вопросов, верит сказкам и желает обеспечить бессмертие людям”.

“Мой первый вопрос: правда ли, что термиты могут путешествовать, пользуясь птиц?” — спросил Студент.

“Да, правда. Термиты могут совершать путешествия до нужного места и обратно, пользуясь услугами птиц. Однако это может происходить только в крайне редких или чрезвычайных случаях, например, при поиске нового района для сооружения термитника вдали от обжитого места”, — ответила Королева.

“А как это происходит? Каким образом термиты управляют птицей?”.

“Прежде всего, особая трудность и печальная необходимость для термитов заключается в заманивании птицы. Вначале кучка термитов жертвует собой во благо большого семейства, добровольно став приманкой для птицы, заманивания её выделением особого запаха. Затем появляется птица, и начинает их склёвывать. В это время другие термиты скрытно цепляются за ноги птицы и забираются на неё. А как мы управляем птицей, пусть останется нашей тайной. Овладев секретом, как управляют термиты пернатыми, люди могут создать психотропное оружие, намного страшнее, чем ядерное”.

“А почему термиты так усердно трудятся?”, — спросил Студент.

“Мы влюблены в свою работу, помня, что важно прожить свою жизнь, а не чужую”.

“Разве возможно сохранить свободу в рабском труде?”.

“Свободу можно потерять другим образом. Хотя для людей существует соблазн не работать, работа с самоотдачей намного интереснее, чем развлечение. Из всех благ мы имеем только самое необходимое. Когда у вас есть то, чего нет у других, вы становитесь сильно зависимым от материального блага, отнимающего свободу. А человеку разве не тесно и не неуютно в мире, замкнутом в клетку денег, успеха и телеэкрана?”.

“А вы счастливы?” — вместо ответа поинтересовался Студент.

“А вы сами счастливы?”.

“Да”, — неуверенно ответил Студент, немного призадумавшись.

“Можете ли вы работать бесплатно?”.

“О нет, этого я не могу себе позволить”, — ответил Студент теперь без раздумья.

“Мы, термиты, считаем себя абсолютно счастливыми, находя счастье в труде. А вы считаете себя счастливым потому, что среди людей просто не принято признаваться, что он или она является несчастным неудачником”.

“Позвольте мне усомниться, что все термиты абсолютно счастливы. Ведь кроме Короля и Королевы никто из термитов не может производить на свет потомство. Лишение родительского счастья, любви и физического наслаждения в спаривании мне представляется самой настоящей несправедливостью...”.

Королева ответила без раздумья:

“Вы затронули тему всеобщей справедливости и любви. Начну с того, что люди рождаются далёкими от совершенства. И потом, в земной жизни немногие из них достигают высот в сфере нравственности. И всё это продолжается тысячелетиями! В чём же тут дело?”

Обладая разумом и многими качествами, присущими только ему, человек должен был изменить земную жизнь в лучшую сторону, оказывая влияние на ход цивилизации. Однако такая безграничная возможность продолжает играть с человеком злую шутку. Для людей ощущение насыщения приходит не сразу. Кроме того, по высшему замыслу чувство любви должно было способствовать самоосвобождению человека, идущего к свету, от всего тёмного в душе. Но, к сожалению, человек, отвергая любовь, часто выбирает нелюбовь. Есть и другая крайность, когда человек влюбляется с первого взгляда в состоянии невозможности мыслить рационально. Человек также может и не отличать любовь от секса, занимающего так много места в его мыслях. А нам, термитам, в борьбе за выживание не до плотских утех. Но любой термит, не считая Короля или Королевы, также не обделён чувством любви потому, что любовь многолика. Нужно ощущать любовь других. Прежде всего, любовь для нас означает честность и верность себе подобным, как я уже говорила, а также уважение к жизни. Без доброты любовь совершенно нереализуема”.

“А каким образом термиты заканчивают жизнь на старости лет?” — спросил Студент.

“Король и Королева умирают естественной смертью, наступающей мгновенно по их желанию, как только они не смогут обеспечить продолжение рода в необходимом количестве. Однако такого рода желанная смерть вовсе не означает самоубийства. Просто такова особенность их организма. Остальные термиты погибают, защищая родное гнездо, подрастающее поколение, Короля и Королеву. У нас врагов много — кабаны, барсуки, муравьеды и другие. В стычки с ними идут только “старики” и редко — более молодые провинившиеся термиты, которые составляют ничтожную долю среди воинов потому, что преступления термитами совершаются крайне редко. Нападавшего на нас зверя с острыми когтями или клыками термиты-старики атакуют первыми. Сначала враг будет непременно слизывать их как отменное лакомство. Но многие термиты успеют проникнуть во внутрь врага через его задний проход. Затем термиты будут безжалостно кусать пришельца изнутри, обращая его в бегство от болезненных укусов. При этом сами термиты погибают. Одним словом, у нас не принято быть узниками старости. А для Короля и Королевы продолжение рода является святой и нелёгкой обязанностью. После опустошительного нашествия врага нам необходимо постоянно восполнять потери. Нормальная жизнь в термитнике возможна только при постоянной численности термитов. Как только люди научатся поддерживать постоянную численность населения земного шара, они решат проблему голода и бедности. Однако проблема разрешима и раньше. Для этого люди должны осознать, что в этом мире все люди абсолютно равны. Если бы немногие не хотели иметь всё только для себя, то продуктов питания хватило бы на всех”.

“Ещё один вопрос: *скоро ли наступит конец света?*”.

“Уже наступила небиологическая эволюция, которая, пройдя через фазу безответственности, может привести земную жизнь к апокалипсису.

Всё зависит от человека. По наихудшему сценарию, в какой-то момент Природа будет вынуждена искать защиту в смерти. Вам непонятны мои мысли? Смерть — конец всем желаниям и стремлениям. Но, в то же время, Смерть даёт шанс на перерождение. Смерть предопределена не физическим старением, а тем, что исполнение многих заветных желаний не приносит положительных результатов для живой души, какой является Природа. И она, старея под влиянием неразумных действий человека, будет искать исцеления смертью...”

“Неужели апокалипсис наступит без предупреждения?”

“Ни одно глобальное явление не может наступать без предупреждения. Смерти всегда предшествует болезнь, которая сопровождается снижением аппетита живого организма, направляющего все свои ресурсы на борьбу с недугом. Когда Природа потеряет аппетит, непременно снизится продуктивность почвы, морей и океанов, изменится состав атмосферы, участятся засухи и всё чаще будут происходить природные катаклизмы. Я приведу вам другой более простой пример касательно предупреждения. В той части света, откуда вы приехали, вокруг вашего родного города растут кустарники с названием *караган*. Сто лет назад они повсеместно защищали степь от засухи, достигая двухметровой высоты. А в наше время они исчезают с лица земли, постепенно превращаясь в карликовые кустарники, едва достигающие в росте полуметра. Так происходит под влиянием изменения климата и в результате обработки полей ядохимикатами...”

Мысленный диалог между Студентом и Королевой непрерывно продолжался двое суток. А на третьи сутки Студент впал в беспамятство от нервного истощения. За это время Джейн безуспешно пыталась связаться с ним по мобильному телефону. Почувяв что-то неладное, она немедленно отправилась к нему. Джейн обнаружила Студента внутри палатки лежащим без сознания. Она доставила его в столичный госпиталь, где врачи привели его в чувство. И только через неделю после полного выздоровления Студент отправился домой ближайшим авиарейсом.

Вернувшись домой, Студент взял месячный отпуск. Он уже не помнил о недавнем контакте с Королевой термитов. Встреча с ней стёрлась из его памяти. Однако Студент понимал, что он уже не был прежним. Состояние постоянной озабоченности и неудовлетворённости собой и жизнью сильно обострило его чувства. Он стал больше обращать внимание на те вещи, которые для многих людей ничего не значат. Например, на другой день, идя по городу, по непонятной причине он выбрал для себя непривычный маршрут. Затем обратил внимание на неподстриженный газон за оградой вокруг огромного частного дома. Такой роскошный особняк мог принадлежать только состоятельному человеку, подумал Студент. В то же время, судя по заброшенному газону, хозяин дома, видимо, болен. После недолгого раздумья Студент решил проверить свою догадку.

На настойчивый звонок никто долго не отзывался. Только спустя какое-то время послышались тяжёлые шаги. Следом прозвучал вопрос “кто там?”

Благое намерение Студента в случае необходимости оказать бескорыстную помощь незнакомому человеку сильно насторожило хозяина дома. Они долго разговаривали через закрытую дверь. В конце концов искренность Студента пришлась по душе хозяину, и он впустил незванного гостя.

В освещённом коридоре перед Студентом на паркете стоял босой мужчина около шестидесяти лет, среднего роста. Его худое небритое лицо, мешковатые рельефные складки под глазами и руки, дрожавшие в боковых карманах домашнего халата, только усилили подозрение Студента. Он заговорил первым:

— Похоже, что вы захворали. Что вас беспокоит? Чем я могу вам помочь?

— Нет.. то есть да... — пробормотал хозяин дома.

Они прошли в гостиную. За письменным столом, заметив интерес Студента к антикварным и современным ружьям, висевшим на стене, хозяин представился, а затем начал свой рассказ:

— Я бывший охотник, всегда тративший свои деньги на ружья. Называйте меня просто Охотником. У меня есть всё, кроме одного. Вы правильно догадались насчёт моего здоровья. Я страдаю тяжёлой бессонницей. А страх перед ней ужаснее самой бессонницы. Раньше мне казалось, что каждый раз вместе с купленными ружьями я приобретал нечто большее — удовольствие, которое охотник испытывает не только от добытых трофеев. Охотясь, человек находится в хорошей физической форме и обретает душевный покой в общении с природой. Свежесть и аромат леса в утренней росе, отрезвляющий зимний воздух, перемешанный с инеем, неповторимые краски заката и восхода — это далеко не всё, что может доставлять удовольствие охотнику. Цветовой оттенок птиц и животных, приглушённый и неприметный на первый взгляд, на самом деле намного богаче и разнообразнее, чем кричащая окраска ярких цветов. Например, через год после начала охоты на тетеревов я стал легко различать первогодков тетеревиных выводков. У них лишь голова и грудь покрыты чёрным окрасом, в то время как спина и поясница несут тёмно-коричневый струйчатый рисунок. Изучая поведение животных, я стал лучше разбираться в людях. Интересное наблюдать, если в душе человека скрыт зверь...

— Простите меня, я вас перебыю. Могу ли я записать ваш рассказ? — спросил Студент.

— Для чего? — удивился Охотник.

— У меня такая привычка. Трудно объяснить истинную причину...

Студент еле успевал записывать рассказ Охотника со скоростью, о которой до сих пор не подозревал.

“... это было два года назад в начале зимы. Живя уединённо в лесу в своём охотничьем домике, за месяц я убил около полутора десятков волков. В то время у меня была конкретная цель. Не один год я безуспешно охотился за вожаком волчьей стаи, причинявшим жителям близлежащих деревень немало бед. Неоценимую помощь мне оказывали две овчарки. Вскоре я лишился собак после того как их, одну за другой, коварный вожак заманил в густую чащу лесов. А там поджидавшие в засаде хищники загрызли моих четвероногих друзей. Видимо, вожак решил на подобное отчаянное действие под угрозой полного истребления всей стаи. Если бы вы видели, как он заманивал моих овчарок, изображая хромоту на бегу, возбуждая их азарт в непосредственной близости перед ними, рискуя жизнью. Без собак мне стало труднее охотиться. Однажды, когда бушевала непогода, я сидел в своей тёплой избушке, удобно расположившись у окна, глядя на снежную круговерть. Вдруг из темноты леса отделилось чёрное пятно, направлявшееся в сторону моего домика. Напрягая зрение,

я узнал того самого вожака волчьей стаи. Когда я выскочил с ружьём, волк картинно стоял на расстоянии ружейного выстрела. Прицелившись, я не успел нажать на спусковой крючок из-за внезапно обрушившегося на меня кружева снежной пыли. Как только порыв ветра стих, я увидел спокойно прогуливающегося волка. Каждый раз, когда я прицеливался, он непременно уходил за ствол дерева и неторопливо удалялся в глубь леса. С наступлением темноты хищник близко подходил к избушке и выл с торжествующей ноткой в голосе. Ночью я плохо спал. Меня не покидало мрачное предчувствие неизбежной беды. В дневное время, не отдаляясь далеко от охотничьего домика, волк неотступно следил за мной. За всё время я смог выстрелить в него всего три раза. После каждого из тех неудачных выстрелов волк не убегал от меня привычными в таких случаях огромными прыжками. Однако надолго пропадал из виду, но затем появлялся снова. Причина неудачных выстрелов объяснялась мелкой дрожью моих рук. Выходя из дома, я не расставался с ружьём, и не зря. Однажды среди бела дня волк напал на меня из засады. Я едва успел выстрелить в упор единым залпом из двустволки, чудом опередив нападавшего хищника. Волк упал передо мной и оставался лежать в такой невероятной позе, как будто в напряжённой готовности к решительному последнему броску, поджав задние лапы под себя, вытянув голову вперёд над передними окровавленными лапами. Как только наши взгляды встретились, я не смог перезарядить ружьё, оказавшись не в состоянии шевельнуть ни одним пальцем. В абсолютной неподвижности я наблюдал за угасанием жизни, физически чувствуя предсмертную агонию волка. Раненный градом крупной дроби, волк испытывал и одновременно исторгал такую боль, как будто его рану беспрестанно ворошили бесчисленными острыми предметами. Меня, своего заклятого врага, он умолял взглядом избавить его от предельного страдания, дрожа всем телом. Но его истинное спасение от мук было только в смерти. Немилосердность его состояния заключалась в том, что жизнь, которая вот-вот должна была лопнуть как мыльный пузырь, не обрывалась невыносимо долго, будто для того, чтобы дразнить его уже неисполнимыми схемами инстинктивного поведения. Терпя приступы мук, зажмурив глаза от боли, волк созерцал свою первую удачную охоту в юности в зыбком бреду: *во время летней грозы при полном безветрии чёрные облака заслонили небо и под оглушительные звуки грома вертикальные струи холодного дождя падали на землю вместе с ослепительными остроконечными изломами молний. А в это время обезумевший от страха козлёнок, потерявший свою мать, бежал в его направлении...*

Волк перестал видеть, впадая в состояние покорного смертного равновесия. Лёжа с открытой пастью со складками кожи в углах рта, создавшую картину вымученной злобной улыбки, из прожитой жизни волк слышал только крики лютой ненависти и душераздирающий пастушеский свист. Одновременно его мучила жажда, подогреваемая горячим дуновением солнечного ветра. А напоследок, когда он вспомнил родную стаю, по запатевшей шерсти из глаз волка вниз покатались две крупные слезы.

Ночами мне снилась агония волка, и всякий раз я физически ощущал его нестерпимую боль. Со временем ночные кошмары вызвали хроническую бессонницу. Как я завидовал людям, моментально засыпающим с прикосновением головы к подушке, тогда как мне не помогало даже сильнодействующее снотворное. В злобе от безысходности среди ночи я опрокидывал свою

постель, швырял в разные стороны простыню и одеяло, не оправдавших моих надежд заснуть от их шаманского прикосновения.

Кроме страдания от бессонницы, я испытывал моральный гнёт после того, как застреленный волк простил меня после своей смерти. Не удивляйтесь, я говорю чистейшую правду! На другой день после гибели вожака неожиданно из леса вышел другой волк. Я выскочил с ружьём и медленно пошёл в его направлении. А он, совсем не испугавшись меня, продолжал стоять на одном месте, чтобы добровольно стать жертвой. Когда оказался в двух шагах от него, мои нервы не выдержали, и я выстрелил. Таким образом, застреленный мною два дня тому назад вождь волков полностью расплатился со мной по своим долгам для сохранения родной стаи. После этого я никогда больше не мог охотиться не только на волков, но и на любую дичь. Никогда! Теперь *охота* для меня означает *убийство*.

Три недели спустя Студент возобновил свои записи.

“... Случайно ли я встретился с Охотником? Если нет, то кто меня направил к нему, чтобы я услышал его рассказ о предсмертной агонии волка? Зачем я должен был слышать его рассказ? Кто и зачем меня так безжалостно преследует?

Прочитав мои записки из любопытства, Охотник говорил с удивлением, что многое из того, что я записал, он мне не рассказывал, хотя по его признанию содержание текста больше соответствовало действительности. После этого Охотник спросил меня, не являюсь ли я доктором, посланным судьбой для его спасения? Когда он посмотрел в мои глаза с верой и надеждою, внутренний голос мне подсказал, что я могу и должен помочь ему. Идея как действовать дальше, возникла внезапно и неизвестно откуда.

Наутро мы отправились в курортную зону, где находился уголок природы, облюбованный для отдыха горожанами. Нам не пришлось долго искать нужного места. Мы остановились на берегу красивейшего озера у подножия горного склона, покрытого сосновым лесом. Помимо красоты природы в глаза бросалось обилие бытового мусора, оставленного отдыхающими повсюду. На каждом шагу валялись пластиковые и стеклянные бутылки, консервные банки, обрывки газет, коробки из-под сигарет, ёмкости из-под сока. Охотник стал собирать мусор в мешок, поднимаясь всё выше и выше по склону. Как только набирался полный мешок, Охотник спускался вниз и складывал собранный хлам в кучу в специально отведённом для этого месте. Таким образом мой пациент до изнеможения трудился с самого раннего утра до наступления темноты. Мы редко встречали отдыхающих в это осеннее время года. Каждый раз после ужина, приготовленного мною на костре, с наступлением темноты каждый из нас забирался в свой спальный мешок. Я засыпал быстро, оставляя смертельно уставшего Охотника для борьбы с бессонницей в одиночку.

Утром двадцатого дня нашего пребывания у горного озера меня разбудил радостный крик Охотника. Как только я выбрался из спального мешка, он начал меня обнимать и целовать, выражая свою искреннюю благодарность в словах, подбираемых им с большим трудом. Он говорил, что наконец-то впервые за многие годы всю ночь напролёт проспал крепким сном. Напоминая язык юного пламени, передо мной от счастья приплясывал человек, на вид румяный и свежий до неузнаваемости, совершенно непохожий на того, каким я привёз сюда для избавления от тяжёлого недуга. Привычные глубокие морщины на лице Охотника были

едва заметны. И тогда я подумал о том, что морщины появляются не из-за дряблости кожи пожилого человека, а как результат его беспомощности и слабости. Но я не мог разделить его радость, глядя на кучи мусора, собранного Охотником за три недели. Я видел мир в истинном свете, таким, каким он был, без приукрашивания в силу человеческой фантазии, и представил себе предупреждающую надпись, которая может стать привычной для людей через сто лет: *космос закрыт на профилактические работы*. С болью в душе я подумал о несовершенстве человека, которому дано так много для счастливой земной жизни. Люди являются самыми долгоживущими из всех теплокровных существ. К тому же человечество неуклонно умнеет — об этом свидетельствуют проводимые в разных странах тесты на “*коэффициент интеллекта Термена*”, которые с каждым годом дают всё более высокие результаты. А появление человека на свет самым беззащитным из всех млекопитающих компенсируется заботой и воспитанием в течение многих лет. В передаче жизненного опыта и воспитании участвуют не только родители, но бабушки и дедушки, не говоря о школах и университетах. Несмотря на всё это, за тысячелетия человек совершенно не изменился. В чём же дело? В чём заключается главная проблема в воспитании детей?

На земле всегда было мало счастливых людей. А для ребёнка нужна счастливая мать. Во многих случаях залогом благополучной семейной жизни считается спасительная ложь. К тому же каждый четвёртый мужчина не является биологическим отцом собственного ребёнка...”

В этот момент Студент прервался, сильно вздрогнув, как только ощутил влияние посторонней силы, преднамеренно отвлекавшей его мысли угнетающим воздействием на сознание. Подобные ощущения он испытывал и прежде. Временами его обуревали не свойственные ему желания. Однако Студент, как правило, забывал об этих странных явлениях потому, что, во-первых, при желании с усилием воли он мог противостоять этим призывам. Во-вторых, самая настойчивая и жгучая потребность, если она даже возникала по чужой воле, склоняла Студента к ведению записей и размышлениям, и всё это воспринималось им как естественная потребность человеческой души.

Послезавтра заканчивался месячный отпуск. Последний день перед выходом на работу Студент решил провести за городом, на излюбленном месте отдыха.

Наутро он шёл по густой пожелтевшей траве в направлении смешанного леса. Дул порывистый ветер. Перед Студентом колыхались травяные волны соломенного цвета, оставаясь на одном месте, как символ вечности в движении. Войдя в лес, Студент лёг под дерево, достал из-за пазухи тетрадь с ручкой и начал делать записи.

“Золотистый наряд осени уже растрёпан листопадом. Только высокие деревья настроены на бессмысленное сопротивление натиску наступающей зимы. Но в любом случае на всю зиму останется немало красоты. А главная красота — когда на дереве гостят и поют птицы. В лесу можно увидеть не только застывшие лучи солнца, но также почувствовать запахи и услышать звуки. Я слушаю беспечальный шелест травы и неназойливый лепет ветра. Какая красота вокруг! В отличие от людей природа не может хвалиться тем, что породила шедевр, ведь она творит его бескорыстно. Запах сосен побуждает к мечтательности. Слушая речь природы, её

рассказ, человек погружается в особое эмоциональное состояние, сливаясь с ней. Это состояние невозможно передать словами, но записать свои чувства — весьма заманчиво...”.

Внезапно Студент перестал писать, непроизвольно обратив внимание на небольшой камень неподалёку от него, как будто по чьему-то оклику. Через секунду-другую он встал с места и подошёл к камню. Взгляд Студента выражал растерянность и волнение. Он долго стоял в нерешительности, прежде чем перевернул камень в надежде увидеть под ним кишашую жизнь насекомых. Однако под камнем увидел всего лишь мёртвый кусочек земли, похожий на заплатку. Вмиг Студент оказался во власти страха. Придя в себя, он кинулся домой. Внутренний голос подсказывал ему, что он должен торопиться и действовать. Он чувствовал, что должен успеть написать о более важных вещах, чем о красотах природы.

С первого же дня, как только он приступил к работе, в институте все заметили странную метаморфозу, произошедшую в поведении Студента. Он старательно избегал контактов с коллегами, не обращался ни к кому с какой-либо просьбой. Сидя за компьютером, он всё время писал, редко вставая с места. Завистники доложили Академику о том, что Студент вернулся из Африки помешанным. В свою очередь, Академик, будучи директором института, не мог оставить без внимания подобную информацию. Он вызвал Студента. В долгой беседе с ним ничто не указывало на психическое нездоровье его научного сотрудника. Догадавшись, что голова Студента забита научными идеями, Академик с нетерпением ждал от него скорых результатов. Однако время шло, а Студент свои труды никому не показывал. Однажды ночью Академик тайком проник в кабинет Студента, включил его компьютер и, нажав на ярлык “свежие документы”, стал выбирать недавно завершённые научные работы Студента. Некоторые из них оказались настолько сложными для понимания, что Академик до конца их не дочитывал. Например, одна из таких статей начиналась со следующих слов: *“Клец питается только кровью животных или человека. Не напившись крови, женская особь не может родить потомство. Но клец проживал на Земле ещё задолго до появления теплокровных существ. Чем тогда клец питался?..”*.

Следующая статья называлась *“Почему мотыльки летят на огонь?”*. Академик прочитал объяснение:

“... Они принимают его за небесное светило. За миллионы лет эволюции насекомые выработали способ ориентации по солнцу и луне. Для поддержки выбранного направления полёта бабочка полетит по такой линии, чтобы угол на источник света сохранялся постоянным, то есть под углом 90 градусов. Пока этот источник весьма удалён, находясь практически в бесконечности, как небесное светило, всё в порядке. Но если за ориентир принять свечу или электрическую лампочку, испускающую радиально направленные лучи света, то для поддержки постоянного азимута на этот ориентир под углом 90 градусов насекомому приходится искривлять путь по спирали, которая приводит его прямо к огню”.

“Детская сказка”, — недовольно пробормотал Академик. Его внимание тут же переключилось на следующую работу: *“Способы ориентации диких птиц в миграции”*. Академик прочитал статью на одном дыхании, с большим интересом. Речь шла о роли кристалла магнетита в мозге пернатых. Оказывается, ничтожная доля магнетита присутствует даже в мозге

человека. Не в силах совладать с волнением, Академик стал шаркать ногами по полу. Но это не помогло, и он выпил холодной воды из графина и только затем смог продолжить чтение.

Очередная статья называлась *“Особенности размножения термитов”*. Академик начал читать:

“... цикл размножения термитов весьма разнообразен. Они часто откладывают свои микроскопические личинки на ветках выделяющих сок растений. И когда появляется муравей с желанием насытиться нектаром, крошечная личинка цепляется к волоскам муравья и вместе с ним отправляется в муравейник. Там она переползает на личинку муравья, проникает внутрь неё и начинает развиваться. Позже из традиционного кокона муравья появляется уже не муравей, а крылатое насекомое, которое выбирается из муравейника и улетает. Немного позже, с наступлением половой зрелости, улетая по ароматическим запахам, крылатые женихи находят чужие колонии. Там, у входа в термитник, они навсегда расстаются со своими крыльями, подобно людям, которые снимают обувь перед входом в святилище...”

Через полгода в зарубежных научных изданиях стали появляться труды Студента под именем Академика, который, немного позже, стал получать высокие награды за выдающиеся научные заслуги. Много времени он теперь проводил в командировках, участвуя в международных научных симпозиумах. Каждый раз перед отъездом Академик просил своих заместителей и помощников во всём оказывать содействие Студенту. Его открыто называли сумасшедшим, зацикленным на науке.

Блуждающий взгляд Студента старательно избегал взглядов окружающих. Студент часто выражал недовольство по причинам, непонятым для посторонних. Временами он ругался на иностранных языках, видимо, потому, что иноязычная брань не так режет слух. Его постоянно угнетало чувство несвободы и чужое влияние. Например, однажды ему приснился сон, который он никак не мог объяснить.

“... лес, утопающий в зелени в поясе вечного лета. Тишины таинственное подозрение обещало мне самое красивое зрелище в моей земной жизни. Вдруг — необычная птица, которую называют шалашником. Она строит гнездо из кусков мха, стебельков и корешков в виде крытого сооружения, похожего на шалаш. Это был самец. Птица запела. Как жаль, что я не понимаю птичьего языка! Перестав петь, беспокойно вертя головой, шалашник оглядывается по сторонам. Где-то поблизости должна быть самка. В брачный период она в лихорадочном беспокойстве жадно ловит голос одиночки. Вот она! Прилетела самка-шалашник и села на ветку на почтительном расстоянии от самца. А он решительно подлетает к ней, красуясь рубиново-красным фартуком оперения на груди. Но тут же сильно оробев, опускает голову, а затем, приспустив крылья и вздёрнув хвост, начинает прыгать с ветки на ветку шатровидного куста. Робкой выглядит даже полутень самца. Его сознание сверлит пленительный запах полового феромона. Растопырив крылья в разные стороны, самец разглаживает пёрышки клювом. Затем он забавляет самку неподражаемой переливчатой песней. И, наконец, поверив в успех в скором времени, самец улетает к месту, где он строит гнездо на земле в виде шалаша. Самка устремляется за ним не только ради любопытства. Перед её взором открывается красота, потрясающая воображение любого зрячего существа. Вокруг гнезда распростёрлась мозаика мелких листьев и цветочных лепестков красной,

оранжевой, жёлтой, фиолетовой и розовой окрасок. Кое-где сверкают разноцветные осколки стекла, куски проволоки из меди и алюминия. Лоток гнезда выстлан шерстью, конским волосом, растительным пухом и перьями. Порхнув крыльями, для лучшего обзора гнезда самка садится на упругую ветку и, качаясь на ней, с высоты любуется красотой, сотворённой заботливым ухажёром. Самец улетает куда-то и тут же возвращается, держа в клюве ножик, оставленный на лесной лужайке туристами. Находка ложится у входа в шалашик. От стального лезвия остро сверкнул солнечный зайчик, ослепляя самку, и тут же пошёл, расплываясь вязью зыбких бликов. В это время самец тербит мочало на сухой ветке, подбирает перья на месте недавней птичьей драки. Разукрашивание гнезда продолжается всё новыми доступными материалами. А когда гнездо приобретает совершенный вид, самка решает войти в него. Её ухажёр ликует, трепещет крыльями. Почему же он медлит, подумал я с чувством мужской солидарности. Однако есть грань, которую нельзя преступить, и он кружится вокруг неё, не совершая ни единого поступка, несовместимого с птичьей моралью. Со стороны самки ещё не было даже намёка на благосклонность. После нескольких прыжков короткого танца он впервые оказался от неё на расстоянии вытянутого крыла. А она охладила его страсть еле заметным телодвижением. Неудача не выбивает самца из колеи. Он улетает прочь и возвращается назад, приняв ванну у водопада. Усевшись перед самкой, встряхивает крыльями так судорожно, что мелкие брызги без конца искрятся радужными бликами в лучах солнца. Самцу надоела маскирующая окраска. Он желает кричащего разнообразия, радующего глаз. А самка потрясена, она так сильно возжаждала неведомого ей доселе наслаждения. Однако ассоциативная память, связанная с эмоциями, подсказывает ей, что на этот раз не будет слаще, чем было прошлый раз. Не в силах победить соблазн, самка приближается к нему робкими шажками. А самец, не доверяя ни своему опыту, ни даже глазам, думает, что всё это — обман. Наступила благопристойная тишина, в которой застывшие без движения птицы разговаривали между собой взглядами. Вдруг самец запел потрясающую песню о чувственных переживаниях и наслаждении. Покорённая разящей душу трелью, самка беспомощно задрожала в неукротимом желании, легко смещаясь в сторону самца в едва уловимом поклоне. Я успел подумать об известных мне красивых женщинах, округлостях их прелестей, прежде чем свершилось чудо в судорожных взаимных стараниях шалашников. В это время из леса вышел мужчина. Приближаясь, он чуть не наступил на обезумевших от счастья птичек. Они порхнули в разные стороны. А мужчина даже не заметил их. Он шёл, еле волоча ноги, неуклюжей как у пингвина походкой. В момент умиротворённого состояния души мне не хотелось думать плохо ни о ком. Поэтому я подумал, что мужчина является известным спортсменом, а именно — пловцом. Провожая его взглядом, я спрашивал себя: *“Мы, люди, могли бы в подобных обстоятельствах действовать так же красиво, как действовали эти птицы-шалашники? Ценим ли мы красоту любви, приносящей наслаждение? Можем ли мы демонстрировать своим партнёрам нечто большее, чем наши обнажённые тела?”*

В конце недели коллеги Студента нашли листки бумаги с его откровениями и передали их Академику. Один пожилой научный сотрудник рассказал ему о том, как не так давно Студент, прочитав в газете сообщение о

выведении учёными-генетиками новой породы безрогих коров, не стесняясь в выражениях, кричал прямо на улице, размахивая газетой. Он называл генетиков бездарями и бессердечными людьми, одновременно обливаясь слезами, представляя себе покалеченную жизнь бедных животных. А другой научный сотрудник вспомнил, как однажды Студент вслух и громко недоумевал по поводу неверного употребления термина “птичий грипп”. По мнению Студента, птицы стали болеть гриппом по вине человека после ослабления их иммунитета в результате ухудшения состояния окружающей среды. Затем, перебивая друг друга, сотрудники института начали рассказывать и о других странных выходках Студента. Нашлись те, кто видел его в парке, беседующего с сорокой. Все они в один голос говорили о психическом расстройстве Студента и необходимости его лечения в учреждении соответствующего профиля. В воздухе витал вердикт: *“Представляет опасность для общества”*.

Оставшись один в кабинете, Академик внимательно прочитал записки Студента. После мучительного размышления Академик побеседовал со своим заместителем и сообщил ему о своём согласии показать Студента психиатру при условии, что данное мероприятие будет объявлено ему как плановый медосмотр всех сотрудников института.

На следующий день, прочитав записки Студента, Психиатр не нашёл в них ничего такого, что могло указывать на душевное нездоровье автора. Учёные всегда были сумасбродами, к тому же Студент не является палеонтологом, говорил Психиатр. По его мнению, учёный, который занимается чистой палеонтологией, не замечает нормальной обстановки в жизни. Палеонтологов, по-настоящему преданных науке, больше интересуют следы вымерших зверей, чем реалии жизни. А когда коллеги говорили, что Студент ведёт ненормальный образ жизни, работая по 15 часов в сутки, Психиатр им объяснил, что хотя работоспособность в форме трудоголизма считается болезнью, но ни в коем случае не является признаком нервного расстройства. Психиатра также не убедила женщина, рассказавшая о драке Студента с фермером, приказавшим своему наёмному работнику, трактористу, распахать землю вблизи береговой линии озера. Психиатр в целом одобрил поступок Студента, действовавшего в защиту озера, добавив, что если бы Студент был психически ненормальным человеком, то в первую очередь он бы подрался с трактористом. Но в конце концов Психиатр всё-таки согласился, что обследовать Студента необходимо. Произошло это после того, как он услышал историю, рассказанную ему очевидцем.

Это было прошлым летом. После жаркого дня наступила вечерняя прохлада. Дачники занимались поливом выращиваемых культур на своих участках. Один из дачников наблюдал, как его сосед, Студент, набирал воду в закрытую двухкубовую ёмкость четырёхугольной формы. Сверху ёмкость имела узкую горловину. Через неё Студент опустил в ёмкость и пропал из виду. Дачник забеспокоился, заметив, что ёмкость была почти полна и вода в неё всё ещё прибывала. Прибежав к ёмкости и заглянув внутрь, дачник увидел на дне бака затонувшего соседа. Дачник тут же позвал на помощь соседей, и они вытащили из бака Студента. Его уложили на землю лицом вниз, и изо рта и носа Студента хлынула вода. Оказывая первую медицинскую помощь, собравшиеся привели в чувство, как они думали, несостоявшегося самоубийцу. Однако никто из них не

догадывался, что Студент пострадал в ходе эксперимента, в котором он участвовал, рискуя жизнью. Эксперименту предшествовало сообщение по радио о подъёме уровня Мирового океана на 20 сантиметров вследствие глобального потепления климата в двадцатом веке. Точнее, подъём Мирового океана случился за счёт таяния ледников и термального расширения объёма воды. Интуитивно Студент понимал, что происходит необратимый процесс, и подумал о будущих его катастрофических последствиях, о которых, по его убеждению, мало кто догадывался. Вначале Студент захотел смоделировать процесс. Однако он не был специалистом и не обладал нужными знаниями. Несмотря на это, в отчаянии он хотел действовать немедленно, горя желанием обратить внимание благодушных людей на проблему планетарного масштаба. Ему казалось, что можно остановить процесс таяния льдов на высоких земных широтах и подъём уровня воды Мирового океана, но не через просвещение людей, а с помощью единственного действенного средства — страха. А для этого, в первую очередь, он сам захотел испытать страх. И тут же, прямо на даче, наполнив водой ёмкость, опустил в неё сам, желая оставаться там до тех пор, пока в результате притока воды там не останется критического для его жизни воздушного пространства толщиной 20 сантиметров.

— Вы на самом деле являетесь настоящим учёным? — спросил на следующий день Психиатр Студента с откровенно ехидной улыбкой.

Ответа не последовало. Студент сидел в кресле перед Психиатром, глядя в открытое окно. Прозвучал второй вопрос:

— Как учёный-энтомолог, вы можете мне сказать, какова продолжительность жизни собаки, мыши и слона?

— Собака живёт 30 лет, мышь — 3,5 года, слон — 70 лет, — без промедления ответил Студент.

Желая закрепить установленный контакт, Психиатр продолжил:

— Сколько вам лет по самоощущению?

— Не могу ответить точно. В течение дня человек бесконечно меняет свой возраст.

— Вспомните вашу самую заветную детскую мечту.

— Прыгнуть с радуги на парашюте и опуститься в синее море.

— Что самое главное для вас в воспитании детей?

— Нужно всегда помнить о том, что ваши дети — не вы.

— Что значит для вас история?

— Сказка о злых монстрах.

— Какой кот, обожаемый своим хозяином, считается самым счастливым?

— Тот, у которого незаурядная кличка.

— Что значит для вас брошенная хозяином бродячая кошка или собака?

— История непродолжительной любви и мучительной преждевременной смерти.

— Какая самая заветная мечта бактерии?

— Бактерии больше всего хотят, чтобы их съело какое-нибудь сытое живое существо.

— Как вы относитесь к самоубийству?

— Нормально, если речь идёт о самоубийстве раковых клеток.

— Прочитайте вашу любимую поговорку.

- Нет нужды поджигать дом для того, чтобы поджарить яичницу.
- Какой совет вы бы хотели дать мне?
- Необходимо всегда помнить о том, что диагноз страшнее болезни...

Диалог продолжался минут пятнадцать. За это время Психиатр как будто пережил небольшое приключение. На него произвело сильное впечатление нестандартное мышление Студента. Неужели передо мной сидит паранойяльный психопат с тенденцией построения сверхценных идей, размышляя Психиатр. Если так, со временем патология может перейти в маниакальную форму отклонения в поведении. Нервные связи начинают не так замыкаться в мозгу. Мысли направляются по такому пути, который лишь по правильным дорожкам автоматически замыкает нейроны в наших головах. Однако догадка — одно, а истина — совершенно другое дело. Не стоит торопиться с выводами, подумал Психиатр и продолжил диалог.

Через полчаса он не сомневался в психическом здоровье Студента. Он призадумался о том, не разыгрывает ли тот ненормального человека перед своими коллегами? Если да, в чём же причина?

Не найдя ответа, для лучшего понимания душевного состояния пациента Психиатр решил вести разговор не касаясь тем, которые могли быть знакомы Студенту по информационным источникам.

- Расскажите мне одну наиболее горестную историю из вашей жизни.
- Ничего подобного я не помню, — ответил Студент.
- Тогда расскажите какой-нибудь грустный случай из жизни близких вам людей. Меня легче заставить заплакать, чем рассмешить...

— Отец много рассказывал об ужасах голодного времени, пережитого им в детстве. Однажды мой отец со своим братом верхом отправился в соседний аул за кислым молоком. Обратно каждый из них вёз огромную чашку без крышки, держа её обеими руками мягко и осторожно, чтобы не расплескать содержимое. Чашку называли “аяк”, и это слово в то же время на казахском языке означает ногу человека. Всю дорогу старший брат умолял моего отца, чтобы он ровно держал аяк (то есть чашку), напоминая: “следи за аяк”, имея в виду чашку. А мой отец, услышав такую просьбу, каждый раз смотрел на свои ноги, проливая при этом молоко.

- Эту историю вы слышали от вашего отца?
- Нет.
- Откуда же тогда вам об этом стало известно?

Студента внезапно охватила тревога. В нежелании отвечать на вопрос он замешкался, оберегая смутную тайну. А у Психиатра появилось слабое подозрение. Для проверки своей новой версии он попросил Студента описать фиалку словами.

— Большинство фиалок имеют пять лепестков в форме звезды. На листьях, не содержащих местами хлорофилла, просматриваются правильные или хаотичные узоры белой и жёлтой окрасок. Ампельные или трейлерные фиалки имеют несколько разветвлений стебля, растущих от центра и свисающих вокруг. Оригинальны цветки сенопилии-фэнзи, их лепестки как бы обрызганы краской. Нет предела разнообразию их окрасок. Незабываемы точки, штрихи, пятна, мазки одного или нескольких цветов, все они покрывают лепестки или сосредоточены по краям. Необычна окраска фиалок-химер с заметной полоской на каждом лепестке, чаще всего белой в центре или по краям и цветной в середине. А сенопилии отличаются изящными салатовыми и светло-кремовыми полосками...

Студент описал 29 видов фиалок, большинство из которых не были знакомы Психиатру, имеющему у себя дома оранжерею фиалок.

— Вы занимаетесь выращиванием фиалок? — с удивлением спросил Психиатр.

— Нет.

— В таком случае, откуда у вас такие обширные познания?

— Просто я представил себе фиалки, как вы просили... — Студент тут же осёкся, испугавшись своего ответа.

“Похоже, я прав”, — мысленно ликовал Психиатр и продолжал размышлять дальше. “Когда необходимо, Студент получает нужную информацию. Но каким образом?”.

В этот момент Психиатр почувствовал внезапный приступ слабости. Предметы перед ним постепенно теряли свои чёткие контуры, а сам он оказался неспособным здраво мыслить. Усилиями пальцев правой руки он расстегнул верхнюю пуговицу сорочки, чтобы стало легче дышать. Интуитивно он почувствовал, что он должен прекратить разговор со Студентом. Повинуясь этой спасительной мысли, в истории болезни Студента Психиатр написал: *“психически совершенно здоров”*.

Прошло два года. Благодаря покровительству Академика, в институте Студенту прощалось многое, даже месячный прогул. Но при этом никто из коллег не знал, где всё это время находился Студент. А он вернулся с синяками от побоев, сломанным ребром и сильно похудевшим. Никто даже из его близких не догадывался о том, что Студент участвовал в демонстрации протеста антиглобалистов против проведения саммита “большой восьмёрки” в Санкт-Петербурге. В противостоянии стражам порядка Студента сильно избили, а затем он был арестован. В отделении милиции его допрашивал молодой майор. Узнав, что Студент приехал из другого государства, он заинтересовался, почему Студент выступает против глобализации. Студент ответил, что глобализация, в каком виде она реализуется, губит природу и людей. Он говорил о несовершенстве механизма воплощения глобализации, приводя примеры. Только за последние 10 лет после вступления Индии во Всемирную торговую организацию 6 тысяч обанкротившихся индийских фермеров совершили самоубийство.

Во всём мире около 70 % объёма пресной питьевой воды используется для орошения сельскохозяйственных угодий. В результате на планете ежемесячно погибает 215 000 человек от потребления воды, ставшей непригодной для питья после химического и биологического загрязнения. Студент также возмущался фактами хищнической вырубке тропических лесов для расширения посевных площадей под сельскохозяйственные культуры. При правильном менеджменте лес может приносить не только сиюминутную выгоду, но также способствовать экономическому развитию и сохранению экосистемы. А для этого, по мнению Студента, в рамках программы глобализации фермеры обязаны получать компенсацию за сохранение лесных массивов. Однако в современном мире всё происходит совершенно иначе. Ежегодно вырубается около 25 миллионов акров тропического леса, что эквивалентно объёму выбросов Соединёнными Штатами Америки (эта страна ещё не подписала Киотский протокол) в атмосферу газов, вызывающих парниковый эффект. После такого бурного выступления майор не только немедленно освободил Студента из-под стражи, но также способствовал его благополучному возвращению домой.

Как и прежде, Студент каждый день делал записи, которые затем попадали к Академику. Но в последнее время Академика преследовали одни неудачи. Теперь, по непонятной причине, Студент перестал составлять ценные тексты, которые прежде стараниями Академика превращались в научные статьи. Теперь же, прочитав очередной текст, Академик приходил в бешенство и, разрывая бумагу в мелкие клочки, неизменно оценивал содержание словами: *“Записки сумасшедшего!”*.

Студент окончательно потерял интерес к науке после пережитого им однажды солнечного затмения, которое он описал следующим образом:

“Этого события все ждали с нетерпением как праздника. Когда наступало полное солнечное затмение, я также не сомневался в том, что стану свидетелем мимолётного чуда, когда заколдованная Землёю Луна преграждает путь потоку солнечного света. Наступила тишина, в которой даже писк комара казался слишком громким. Мой слух чутко улавливал лепет встревоженных луговых лилий в безлюдных перламутровых полях и шёпот песчинок в барханах. Тишину вдруг нарушил негромкий тягучий гул, подобный многоголосью печального хорового распева, доносящегося издали с такой силой воздействия на человека, какой не может обладать даже самый мощный голос. Очень скоро он стал отдаляться от меня, постепенно замирая в далёком пространстве. Следом громко заголосили, замычали и закричали животные, птицы, насекомые и растения в страхе, когда жизнь как бы тлела на грани угасания. Я хотел, но не мог кричать вместе с ними, потеряв голос от нервного потрясения. В тот момент мне казалось, что в холодных глазах змей я воочию увидел ужас и страх за судьбу мира. Напоминая куриное яйцо, дышащее через поры в скорлупе, я задал себе вопрос: а что находится за границей этого плача? Я чувствовал себя беззащитным младенцем, для которого тишина по важности равноценна чистому воздуху. Аномалия мрака сжимала меня жуткой силой так, что, в конце концов, мучаясь в душевных страданиях от удушья угнетающей тесноты, я почувствовал пробойну в моей невидимой защитной оболочке, о существовании которой до сих пор я не подозревал. Когда солнечное затмение миновало, с поля снова мягко потянуло сухью и зноем. Люди возбуждённо обсуждали красоту затмения. А я грустил о судьбе беззащитных созданий природы. Они, в отличие от людей, не замечающих даже ежевечернего угасания светлого времени, бурно отреагировали на предупреждение природы о конце света.

На другой день я не мог оставаться в городе. Вопреки чужой воле, призывающей меня к благоразумию и тесному общению с людьми, целый день я бродил один в загородном лесу. Вечерело. Ступающиеся сумерки застали меня, когда я задремал под деревом. Меня разбудил звук, похожий на кошачье мяуканье. Открыв глаза, я увидел новоявленную луну, запутавшуюся в кроне дерева. На его верхушке я заметил кошку, выбравшую не самое удобное место для ночлега. Как она здесь оказалась?

Тут же прилетел ворон и сел на ветку рядом с кошкой. Угрожающе каркая, ворон потребовал, чтобы кошка ушла, освободив его законное место. Но она ещё крепче прижалась к ветке, шерсть её на спине вздыбилась. Туго сплетённые ветви надёжно защищали кошку от немедленной расправы. Разозлившись, ворон перешёл к решительным действиям, с упругим свистом взмахивая широкими крыльями. Но кошка и не собиралась отступать. Я не мог осуждать ворона за грубость потому, что моё отношение

к нему почти язычески почтительное. Я люблю его за верность семье и родному месту, за смекалку и сообразительность, за презрение к стихиям, за абсолютную власть над воздухом, за красоту и совершенство полёта. Даже январский мороз не может испортить настроение ворону. Его не зря называют птицей-траурником и вещей птицей. Тут же сменив тактику, в мистическом полумраке ворон поведал кошке её судьбу, говорил о том, что ожидает её завтра. Предсказание так сразило кошку, что она, поджав хвост, быстро спустилась вниз и прибежала ко мне. Взяв кошку в руки, я стал поглаживать её по дрожащей от страха спине. Кошка оказалась чёрного окраса и, следовательно, обладала сильным генотипом. Представившись учёным, я стал успокаивать её, говоря, что чёрная кошка имеет больше шансов выжить, чем соплеменники другой окраски. Мои оптимистические слова могли помочь кошке быстрее забыть мрачное будущее, предсказанное ей вороном. Я изложил ей свой прогноз, сказав, что в скором времени все кошки на планете Земля станут чёрными. А это будет замечательным событием для них потому, что у кошек за чёрный окрас отвечает ген, обозначаемый в науке как MCIR, который регулирует способность клеточной мембраны задерживать болезнетворные вирусы.

Далее я рассказал ей немного о себе. Ниже я записал всё, что поведал кошке.

“Я болен. Моя болезнь напоминает желчнокаменную болезнь, вызванную тягой к справедливости. Когда человек злится, волнуется, завидует, всё это сказывается на работе печени, а в жёлчном пузыре, печёночных и жёлчных протоках образуются камни из холестерина, жёлчных пигментов и известковых солей. Мне не даёт покоя одно желание — навести порядок во всём. Хочу восстановить справедливость и оказать помощь обездоленным и беззащитным страдающим живым существам. Таким образом, я стал заложником идеала. Когда человек сыт, он ищет правды. Находит. Она оказывается некрасивой. И он ищет красоту и правду в преступлении и войнах, которые начинаются из желания наживы или из расистских убеждений. В свою очередь, расизм зарождается в связи с непониманием сущности культуры, её подменой традицией. Многие люди в каждой человеческой расе или в каждом народе считают культуру, к которой они принадлежат, лучшей. И здесь начинается прямой путь к расизму. А что касается правды, точнее сказать, красивой правды, она лежит под нашими ногами. Как радостно и красиво шевелится навозная куча от усилий жучков, копошащихся в ней. Они производят удобрение и кормят людей. Черви раздвигают землю, чтобы впустить влажный воздух в свои ходы, измельчают прелую листву и проглатывают вместе с песчинками. Потом всё пропитывается желудочным соком, разлагается и выбрасывается кучкой в виде мельчайших крупинок. До изобретения плуга почва правильно обрабатывалась жучками. И не только ими. Суслики и хомяки, строя свои норы, основательно углубляют пахотный горизонт и перемешивают чернозёмный пласт с глиной. А что делают люди? Человек с царственным высокомерием делит всё сущее на земле на *нужное* ему и *ненужное*, а также — *вредное*. Моя нежная кошка, я тебе говорю о действиях сытого человека. А о поведении голодного человека я даже не хочу и вспоминать. Хотя ты и есть свободное живое существо, мне жаль тебя, моя бедная кошка. Но больше всего жаль землю, скованную асфальтом...”

Прошло три года с тех пор, как Студента, после возвращения с африканского континента, его коллеги признали сумасшедшим. Постоянные

насмешки окружающих подталкивали его к перемене местожительства, ему хотелось коренным образом изменить свою жизнь. Не понимая причины несвободы собственной безутешной души, Студент желал отправиться на экзотические острова, видимо, потому, что в путешествии человек забывает о печальном одиночестве. Наукой он так упорно больше не занимался. Став пессимистом, окончательно внушил себе, что устал от разгадывания тайн природы, у которой было больше времени на создание загадок, чем у него, учёного, для разгадывания их. К тому же он уверовал, что без культуры человек не становится лучше от просвещения и полученных знаний.

Послесловие

Однажды воскресным утром Студент проснулся поздно. Первым делом он захотел посмотреть в зеркало. Медленно встав с постели, он направился к выходу из спальни, думая о том, что мир всё-таки прекрасен. Скатываясь к своей гибели, он всё ещё богат красками, где порою невозможно отличить цветок от бабочки — самой яркой частицы жизни. На земле также много душой и внешне красивых людей, которым судьба иногда посылает немыслимые удачи. Например, подумал Студент, на удивление красивая телом и лицом, но на редкость со злыми глазами дочь мусорщика из Швеции соблазняет самого президента США. Однако их отношения не заканчиваются женитьбой, ведь человеческие действия не всегда имеют логическое завершение. Но часто им на помощь приходит спасительное разочарование. Например, как только Брижит Бардо разочаровалась в мужчинах, свои деньги, которые раньше тратила на них, она стала расходовать на нужды общества, созданного для сохранения животных в дикой природе. Кто не помнит её призыва, адресованного людям: *если вы хотите сделать мне подарок, пожалейте животных...*

Мысли Студента были прерваны, когда он оказался перед зеркалом. Увидев там собственное отражение, он содрогнулся. Как будто перед ним стоял чужой человек, преждевременно постаревший и смертельно усталый. Стало ясно, что все эти годы он страдал безмерно. Студент прошептал: *“Я должен жить иначе. А для этого следом за судьбоносной развязкой должны произойти перемены”*.

... Развязка наступила неожиданно. Однажды, слушая телепередачу, Студент обратил внимание на сообщение диктора: “... в Южной Америке, высоко в горах, в ледяном саркофаге обнаружено тело древнего человека мужского пола, умершего три тысячи лет назад при невыясненных обстоятельствах. Время и идеальная природная среда превратили тело в хорошо сохранившуюся мумию. После реставрации находки антропологи создали восковую скульптуру и облачили её в примитивную одежду из оленьей шкуры. Один из учёных, комментируя облик древнего человека, возторгался: *“Окажись он среди нас сегодня, мы приняли бы его за нашего современника”*.”

Услышав эти слова, Студент возмутился: “Разве можно судить об успехе по его внешности, без воссоздания души?! К тому же современный человек ничем не превосходит своего первобытного пращура, даже по человеческим качествам! У первобытного человека была одна профессия — *Охотник и Воин* в одном лице. Следовательно, он не мог быть хуже или лучше нынешних людей. Так будет всегда, пока мы, современные люди,

употребляем в пищу мясо умерщвлённых собственными руками живых существ. При этом на уровне подсознания человек впитывает информацию о предсмертном состоянии животного, птицы или рыбы. Отсюда все беды человечества, которое не прогрессирует духовно и не отличается ничем от тех, кого оно считает хищниками. Человеку не следовало бы хвастаться своим разумом, поскольку он пользуется им не для творения добра, а только для удовлетворения собственных нужд без сострадания к другим или для оправдания собственных неблагородных поступков. Согласно древней легенде, когда голодающий первобытный человек впервые поймал рыбу, он долго не решался её есть, глядя на живое существо, беспомощно трепещущее в его руках. А когда вскрыл живот рыбы и нашёл там мелкую рыбёшку, сильно обрадовавшись, человек произнёс: *“О, рыба, если тебе позволено есть себе подобных, то почему я не должен есть тебя?”*.

А мы разве не продолжаем думать таким же образом, хотя с тех пор прошли тысячелетия?..”.

Студент вздрогнул, неожиданно уловив мысленное послание постороннего существа: *“Немедленно прекратите этот хаос бесполезных мыслей!”*.

С дрожью в голосе Студент спросил: *“Кто разговаривает со мной?”*.

“Говорит Королева из Царства термитов. С тех пор как мы вступили в сговор во благо всего живого на земле, вы только и делали, что продолжали меня разочаровывать своими действиями. А теперь пришло время спасти вас, человека, утратившего веру в жизнь и человечество. Скоро я покину этот мир. Я теперь слишком стара для непрерывного воспроизводства потомства и уступлю место молодой Королеве, не имеющей никакого представления о вас. Я хочу, чтобы отныне вы жили жизнью, которая считается нормальной для всех людей. Перед уходом в небытие я прерываю информационный контакт между нами навсегда. Прощайте!”.

“О, это так неожиданно! Не поступайте со мной так жестоко! Такая жизнь стала для меня привычной. А что мне теперь делать?” — мысленно сокрушался Студент.

“Обратитесь к первоисточнику своего сознания, вспомните себя и излечитесь!” — донёсся до него ответ.

Прошло несколько лет. Жизнь Студента полностью нормализовалась. В институте его уважали как честного человека и ценного сотрудника, плодотворно занимающегося различными научными исследованиями. Он не терзался неприятными воспоминаниями потому, что автобиографические события недавнего прошлого безвозвратно стёрлись из его памяти не благодаря умению человека забывать, а по воле заботливого покровителя. А если иногда Студенту попадались собственные записи тех времён, когда его считали сумасшедшим, с удивлением читая их, он говорил о невозможности получить представленные там выводы без соответствующей научно-технической базы и обобщения многолетних экспериментальных данных. Однако прошлое так скоро не забывается. За спиной Студента некоторые утомлённые скукой его коллеги, менее одарённые научные работники время от времени с интересом вспоминали записки сумасшедшего. Услышав дружный хохот, мимо проходившие сотрудники института догадывались о теме их разговора.

Муталлап КАНГОЖИН

«Есть у поэта лишь доблесть одна...»

Ручная мельница

Устали руки, онемели —
Ручную мельницу кручу,
И воля медленно слабеет,
Вот-вот от боли закричу.

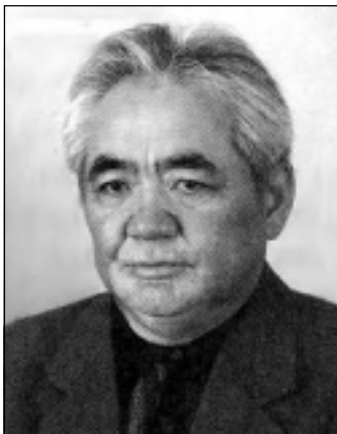
Хрустит зерно и сердце ноет,
Я подпеваю жерновам,
А камень стонет, стонет, стонет,
И бесконечно грустно нам.

Злюсь на судьбу, своё сиротство.
На то, что так и не пришли
Отец и старший брат мой с фронта,
Не знаем, где их погребли.

Стекает пот со лба на камень,
И на душе моей печаль,
А руки обжигает пламень,
Да так, что хочется кричать.

Муталлап Мухамадиевич КАНГОЖИН

родился 17 декабря 1937 года в ауле Караагаш Ленинского (ныне Есильского) района Северо-Казахстанской области. Трудовую деятельность начинал в колхозе прицепщиком на тракторе, учётчиком в бригаде. Окончил факультет журналистики КазГУ, многие годы работал в средствах массовой информации, в течение ряда лет возглавлял областной комитет по телевидению и радиовещанию. М. Кангожин — автор многих поэтических книг, издан-

ных на казахском и русском языках, член Союза писателей Казахстана, заслуженный работник культуры республики, лауреат премии Союза журналистов Казахстана, почётный гражданин Есильского района.

Живёт в г. Петропавловске.

Редакция «Нивы» поздравляет своего постоянного автора, из-

вестного казахского поэта Муталлапа Кангожина с 70-летним юбилеем и желает ему доброго здоровья, хорошего душевного настроения, новых творческих озарений и земных радостей!

Вернулась с поля мать. Устало
За низкий опустилась стол:
— Сыночек, ты чего-то мало
Муки сегодня намолол.

Она меня не упрекает —
Она меня боготворит,
Целует в щёки и ласкает,
Всевышнего благодарит.

Я помню, как нам в неуют
В те годы с мамой жить пришлось,
Как мельницу в войну мы крутим
Во имя жизни, полной гроз.

Вол

Ну почему приснился вдруг,
Когда уже я стар и сед,
Мой красношкурый добрый друг
Тех грозовых военных лет?

Я помню, как тянул ты плуг
Безропотно, не суетясь,
Шли женщины за кругом круг,
Печально пели... Им бы — пряхь.

Ты, уставая, не мычал,
Ты становился отдохнуть.
— Не троньте, — громко я кричал,
Когда взлетал над другом кнут.

А вечером, как на коне,
Я на тебе въезжал в аул,
И все завидовали мне,
А ты мычал и шею гнул.

А ночью я шептал ему:
— Ну, «Великанчик», потерпи.
Мы выбирались за аул,
Озорничали по степи.

Всё это было так давно,
Но память тех военных лет
Меня тревожит всё равно,
Где ты везёшь военный хлеб.

Зерном наполнился комбайн,
Штурвальный на вола кричит:
— Давай-ка шевелись, шайтан!
О горе, — он в усы ворчит.

Приснился ты и всколыхнул
Воспоминания во мне,
Ты словно время распахнул,
Как створки рамы на окне.

Промчалась мыслей череда,
Воспоминаний горечь, стон,
Как нас корёжила беда,
Как обжигал войны огонь.

Но всё ж я счастье испытал,
Когда катался на тебе,
Я будто по степи летал,
И слышал музыку в себе.

Две ласточки

Праздник жизни волнует и радует.
Но огорчает, что мы не вместе
С моим дорогим старшим братом,
Рано ушедшим, и его невестой.

... Вижу их рядом на солнечном снимке:
Плывут над землёю, за руки держатся.
Я поспешаю неволью за ними,
Слыша, как льются звуки в безбрежности.

Часто мне снится подобная небыль,
Добрый мираж из далёкого детства:
Брат мой с невестой туманятся в небе,
Две милых ласточки моего сердца.

Слово поэта

Есть у поэта лишь доблесть одна —
Служба народу. Не зря
Слову великая сила дана,
В слове сияет заря.

Слов я пустых никогда не скажу,
Пусть будет трудно в пути,
Песню родимых степей я твержу,
Лучше её не найти.

Если в бескрайнюю даль я вгляжусь,
Матери вспомню ли взгляд,
Будто я в верности жизни клянусь,
Дни, как тулпары, летят.
Слово за словом идёт чередой,
Их я неволью шепчу,
Только бы кто повторял их за мной —
Чести другой не хочу.

Поцелуй

Айналайн, моя подруга милая,
 Поцелуй меня, чтоб свет горел в груди,
 Чтобы кровь моя кипела в жилах,
 А душа твоя была моей сродни.

Поцелуй, любимая, сердечно,
 Чтоб тебе я оставался люб,
 Чтоб запёкся на устах навечно,
 Сладкий яд твоих медовых губ.

Кокпар

Эй, у кого самый лучший
 конь?

Кто кого победит?
 Соколом, сбившим тучу,
 Гикая, мчится джигит,
 Рвётся в простор открытый,
 Ветер, путь уступи!
 Дружно кони копытами
 Бьют в барабан степи.
 Вьются позёмкой гривы,
 Хвост, словно ласковый шёлк,
 Тот самый в мире счастливый,
 Кто себя в скачке нашёл!
 Травы заранее клонятся,
 Только завидев коня..
 Вряд ли сметёшь с неба солнце,
 Если нет в жилах огня,
 Если нет в сердце задора,
 Если утратишь свой пыл.
 ... Огненным метеором
 Небо скакун прочертил.
 Лишь победителю ведом
 Бешеной скорости дар,
 Знай: для лихой победы
 Служит казаху кокпар.

Песнь Абаю

Эй, ветер, ты везде бываешь,
 Какую весть сегодня ты принёс?
 И ветер отвечает: — Ты не знаешь?
 Родился сын в роду у Кунанбая.
 — Родился мальчик — невидаль какая?!
 — Ай, не скажи, лишь подрастёт джигит —
 Узнает степь великого Абая..
 — Так чем он всё же будет знаменит?
 — Высоким чувством, словом благородным,
 Поэзией и мудростью своей...

И славу принесёт всему народу.
 Вы слышите? Поэт родился! Эге-гей!
 Певец великого народа из степей!
 ... С тех прошло немало лет,
 И не один наряд земля сменила.
 В урочный час услышал белый свет
 Прекрасное «Сказанье об Азиме».
 Услышал мир степную песнь,
 И мудрость черная из «Назиданий»,
 Всяк сущий — будь ты млад иль сед,
 Склонись перед величием Абая!

Песня Ахана

Песня качнула небо,
 Песня волнует мысли,
 Бел аксакал, как лебедь,
 Песня хмельней кумыса.
 Струны горят надеждой,
 Стон высекают струны,
 Беркут взлетел мятежно
 С плеч беззаботной юности,
 Но затерялось где-то
 На праздничном жизни тое
 Звонкое эхо лета,
 Время его золотое.
 Годы седые вырвали
 Гордую вольность сердца.
 Как одиноко в мире,
 Если нельзя согреться.
 Что же в последнем вздохе
 Делать взгрустнувшей песне?
 Сжаться,
 Сгореть,
 Иссохнуть,
 Ринуться вниз с Окжетпеса,
 Чтобы седую душу
 Бросить с размаха на камни?..
 Время!
 Ты не потушишь
 Пламя песни Ахана,
 И отступает старость,
 Взгляд остаётся зорким..
 В чудный настой смешались
 Сладкие звуки
 С горькими.
 Чуть они уловимы,
 Словно уносят тайну.
 Пахнет полынью и дымом
 Песня акына Ахана.

Я не родился бы поэтом

Без сини, льющей облака,
Без свиста ветра, смеха, солнца
И без тебя, Сары-Арка,
Я не родился бы поэтом.

Без смены ночи светлым днём,
Без звёзд, что дремлют до рассвета,
Без рек в объятии морском —
Я не родился бы поэтом.

И без страданий от невзгод,
Тех, что в пути мы можем встретить,
Без птичьих странствий каждый год
Я не родился бы поэтом.

Без тех, с кем ты не проживёшь,
Без счастья поиска по свету,
Когда бы правду побеждала ложь, —
Я не родился бы поэтом!

Скала мудрости

Мухтару Ауэзову

Есть где-то мудрости скала...
К ней вечно путники стремятся.
Не всех тропа к ней привела,
Не все сумели к ней добраться.
Кошмой служить не может шёлк...
Идти — нелёгкая работа.
К скале той кто-то не дошёл,
И сотни раз срывался кто-то.
И слава тем, кто всё же смог
Рукой оттуда тронуть небо...
И приходила мудрость строк,
И былью становилась небыль.
И на земле остался след...
И путник, озарённый светом,
Облокотился на скале
Навстречу всем земным рассветам.

Петергоф

То ли поздно,
То ли утром рано,
Заблудился в Петергофе я,
Где, шипя,
Из горлышка фонтанов
Пенится шампанского струя.
С богами, укутанными в золото,

По аллеям долго я гулял,
Кто же их вернул из мрака холода,
Душу кто
Седому камню дал?
Я смотрю на древние их лики,
Хоть прощаться с садом мне пора.
Сотворить могли их лишь великие,
Заглянув в бессмертье, мастера.

Из рассказов матери

Вот аул мой — родной мой дом,
В нём как будто мир и покой,
Но как птиц улетевших гнездо,
Опустел мой аул той порой.
Был засыпан очаг золой,
Не увидишь в ауле собак,
Не услышишь ребячьих ватаг,
Только ветер метается зло!
Сила страшная в громкой тиши.
Ну куда подевалась жизнь?
Эй, хоть кто-нибудь, отзовись!
Опрокинут казан на кошме,
Люд покинул родной очаг.
С Кызыл-Жара и до Кокше
Дышит чёрная смерть в очах.
Видно, время ту память хранит,
Когда нет нам судьбы нашей злей,
Когда близких она не щадит
И лишает могилы своей.
Смерть и прах среди поля и круч...
Взгляды мёртвых направлены вдаль...
В них надежды лишь теплится луч,
В них превратность судьбы и печаль.
Сохранившие гордость и честь
В свой последний, предсмертный час,
Братья смелые, где же вы есть?
Где народ наш кочует сейчас?
Разбрелись по степи всей большой,
Лучшей доли пошли вы искать.
Кем же писан закон был такой,
Чтоб от лиха вот так вымирать?
Может, выглядит так беда,
Как от голода вздутый живот,
Только даже в лихие года
Свет надежды в народе живёт.
Лишь бы выжить, только бы жить...
И уйти от суровой судьбы,
Легче злого коня покорить,
Чем краюху хлеба добыть.

Для казаха тайга — дикий край,
Но он встретил его, как родной,
Здравствуй, русский, якут, — встречай!
Разделили вы хлеб с нами свой
И спасли нас в лихие года!
Дороживший честью народ
Не сломила лихая беда!
К счастью, выжил казахский род!
... В чужедальних диких местах
Одиноких могил холмы...
Ветер, ты же бываешь там,
Мой поклон передай родным.
Вспоминаю их, больно мне,
Память сердце моё томит.
Грустной песней звучат в тишине
Невесёлые мысли мои.

Какой уж день метёт буран,
Округа вся заметена,
В руках у бабушки Коран...
Идёт священная война.
Аул в снегах и в темноте.
Кусочек каменного курта...
В безбрежно-снежной слепоте
Кротами ползаем по юрте.
Бураном сваленный сарай...
Он был построен старшим братом.
У очага сидит апай,
Чапан — заплатка на заплате.
И мысль одна: куда рябую
Угнал в ту ночь суровый смерч?
В тот миг вдруг понял наяву я:
Жизнь без коровы — это смерть!
Сукно отмерила апай,
Коран замуслен до основы...
И чей-то крик вдруг: — Опырмай! —
И — губы добрые коровы...
И счастья я не ощутил.
Я счастьем просто захлебнулся,
Как будто я фашистов бил,
Как будто с фронта брат вернулся.

Горе

Словно страшный, жуткий сон,
Помню: ты рыдала,
Расцарапала лицо,
Весь чапан измяла.

Вопль отчаянья с тоской
Купол неба рушил...
Плакал весь аул с тобой,
Рвал на части душу.
Ты, припав спиной к столбу,
В горе проклинала
Свою горькую судьбу,
Что нам жизнь сломала.
Сын погиб, надежда — сын,
В страшной, лютой схватке...
Рвала клочья из косы
В яростном припадке.
Как болит твоя душа,
Видел я воочью,
До сих пор стоит в ушах
Крик твой — днём и ночью!

Асау
(Ретивый конь)

Эх! Тебя, необузданный конь,
Обманул жестоко джигит,
Твоя грива горит, как огонь,
И твой всадник, как пламя, летит.
Как тоскующий барабан,
По степи копыта стучат,
И в зрачках твоих стынет обман,
Золотые звёзды горят.
Только кто удержит тебя,
О мой бешеный, неукротимый?
Ветер ты. И курганы летят,
Словно шапка джигитов, мимо.
Словно птица, распластана тень.
Кто поспорит с тобой, ураганом?
Сзади горы! И вот уже степь
Ты приветствуешь ржаньем гортанным.

**Переводы с казахского Владимира Шестерикова, Лидии Штань-
ко, Юрия Гусинского, Геннадия Осиика, Владимира Щукина.**

Владимир ДИАНОВ

Быстрина

Лучшим местом отдыха, или по словам самого Юрия Сергеевича, отдохновения, он считал не шикарные курорты и турпоездки по экзотическим местам, а те 3-4 часа неторопливой работы или просто безмятежного сидения в плетёном кресле у себя на загородном дачном участке. Он приезжал сюда в конце дня один, редко в обществе очередной смазливой девчонки. Циник по натуре, он их принципиально называл девочками, если веяло от них майским ливнем или свежестью речки. По убеждению Быстрина, когда им больше восемнадцати, тонкий волнующий аромат сменяется запахом... “Да хотя бы возьмите любые цветы, — нудил Юрий Сергеевич, — бутон розы, лепестки ромашки или яблони. Цвет чуть-чуть, самую капельку перестоит, и уже нет в нём прелести первозданной чистоты”.

Наш герой считал себя непревзойдённым ценителем красоты — хоть женщин, хоть цветов. Расскажем коротко о других чертах характера и неукоснительных правилах жизни этого незаурядного человека.

Рос Быстрин фактическим сиротой. В двенадцать лет, придя однажды из школы необычайно возбуждённым, он взахлёб стал рассказывать старшей сестре Катеньке про урок истории, на котором ошеломил его эпизод из жизни двенадцатилетнего будущего императора Наполеона де Бонапарте. Учитель, возмущённый дерзким поведением заспорившего с ним юного корсиканца, бросил в сердцах: “Кто ты такой?”, тот в ответ со всей страстью выпалил: “Я — человек!”.

— Это меня потрясло, Катюша. Какая смелость, сколько достоинства. Он — пример для меня на всю жизнь, — совсем по-взрослому говорил тогда мальчик.

Позднее он прочитал о Наполеоне всё, что нашёл в библиотеках.

Вроде бы обычный мальчишка из российского городка Оскола сравнивал себя с Наполеоном и находил кое-что общее. Выпускное сочинение, уговорив экзаменационную комиссию, написал на свободную тему, которую сам же и сформулировал: “Идеалов много, настоящий один — Наполеон”. В этом сочинении, оценённом, впрочем, всего тремя баллами, отчеканил своё жизненное кредо: “На свете есть лишь две могущественные силы: сабля и дух. В конечном счёте дух побеждает саблю. Я, Юра Быстрин, как и Бонапарт, выбираю дух”.

... В этот вечер он погрузился в дачное кресло чуть раньше обычного. После короткого шумного ливня кругом было свежо и празднично. Праздник привносили первые раскрывшиеся бутоны розария, снежно-солнечные ромашки и васильки, капельками рассыпанные по всей клумбе. Попискивали и причудливо вихляли хвостиками малиновки. С реки доносились голоса мальчишек, выбирающих рыбёшек из латаного-перелатаного бредня. Летний день гас, клонился к вечеру. Пронзительно, резко пахло смородиной, и шмели, словно опьянённые этим дурманом, шумно носились над овощными грядками, клумбами и самой головой Юрия Сергеевича. Где-то в ближайшем лесу проплакала кукушка, сетуя на горькую, несправедливую жизнь. Тут с ней не согласился соловей и ответил бодрой звенящей трелью.

Быстрин был сегодня не в наилучшем настроении, только слегка встревожен проблемами своего бизнеса: деньги переведены поставщикам вовремя и сполна, а доставка материалов запаздывает.. Жадно, точно оголодавший, он вдыхал, казалось, большими кусками густой садовый воздух. Встал, не спеша прошёлся по центральной садовой дорожке. Задумался. Минуты летели быстро. Яркая, недавно сиявшая после дождя радуга всё больше и больше блёкла. “Неужели и я вот так? С какого времени начну по чуть-чуть блёкнуть, терять силы, мужское обаяние?” — тревожно

подумалось Быстрину. Потом он улыбнулся, грозно сверкнул глазами. Проговорил сам для себя и, может быть, для шмелей, навязчиво кружащихся рядом: “Нет-нет! Мне только 34. Всё ещё впереди! А что, собственно говоря, всё? Состояние моё вкуче со всеми фондами, счетами в банках, автомобилями и прочим тянет миллиона на 34. Женщины, девочки с ароматом — люблено, перелублено. Друзья? Те, кому помог, так называемые плохо обеспеченные, откровенно благодарные из бедняков? Таких не водится. Потому что сам-то из грязи вылез, собственным хребтом проламывал нишу в эту благополучную, теперь уже богатую жизнь”...

И опять в голове, точно звонкие пружины натянулись, пронеслись слова так почитаемого путеводителя Бонапарта: “Добивайтесь успеха! Я сужу о людях только по результатам их действий”.

А друзья, женщины, привязавшиеся к тебе не из расчёта или по страсти, а душой и сердцем? А слабые, сирые, убогие, которых ты видишь повсюду? Их глаза — молящие, затравленные, пустые или тревожные!?

“Но хватит слюнтяйствовать, разводить тут насморк сострадания! Ты же не просто Юрий Сергеевич, ты же человек с характером, с сердцем, с гранитными гранями — Быстрин!”. Он всегда говорил так своим соперникам по бизнесу. Вначале — друзьям, коллегам, теперь, скорее, врагам, недоброжелателям. Так было, когда действительно проявлял великую изворотливость, тигриную хватку. Подмял, завалил Скрылёва, Воропаева, Ван Тука. В таких случаях Юрий Сергеевич был откровенен, прям как удар молнии: “Ребята, я — Быстрин. По словарю “быстрина” — самое быстрое течение реки. Тут она несётся стремительно, неодолимо, расчищая путь остальным струям и струйкам течения, и ждать, медлить, осматриваться, морализировать я не могу, да и не умею. Так что вы меня извиняйте, братцы!”.

Он широко, победоносно улыбался. Случалось, сыпал метафорами: орлу нужны высь, ширь, простор, коршуну хватает и поляны или: рябчику — рябчиково! Недоброжелатели говорили про себя, а то и вслух: “Мерзавец! Горлопан! Обломаешь когда-нибудь крылья, камнем падёшь в поле и не найдут, чтобы похоронить как человека”.

Слышал, делал вывод: пусть гром гремит и ветер свищет, мне бы не упустить свои кровные.

Когда началась отчаянная борьба с Ван Туком за рынок сбыта стройматериалов, Юрий Сергеевич пошёл на абсолютно безнравственный шаг. Приложив немало сил и таланта, сумел обольстить молоденькую, наивную красавицу Леночку — жену Ван Тука. Да ещё и похвалился сам себе: я и тут по Наполеону: “В любви самое приятное не любовь, а лишь признание в любви”. Здесь наш герой кое-что перепутал или переврал. Видно, не читал чистых, искренних писем Наполеона к польке Марии Валуевской и итальянке Дезире Клари, которая сумела оценить мужское сердце страстного корсиканца, написавшей через пару месяцев в порыве чувств: “Люби меня всегда, все остальные несчастья для меня ничто”.

Ван Тук заработал себе на этой тяжбе с Быстриным инфаркт. Его жена — красавица Леночка чуть не покончила с собой.

Как известно из истории, великий корсиканец не торговал чувствами и не успокаивал себя окупавшимися любодейниями и ценностями. Наш герой, как-то оправдывая свои поступки перед сестрой, заявил: “Да, я недолго любил этих длинноногих и белорудых перепелиц. Напился мёда страсти и сладости быстро, и расстался. Но как расстался! Султан Бахрейна, отпуская из гарема юных красоток, давал им выходное пособие — 75 000 долларов. Я вознаграждаю за два месяца 100 тысячами. Так что королевский поступок Болкиря тускнеет перед моим, по-настоящему королевским”.

... Чернильные краски неба на северо-западе, куда ушла вечерняя заря, извещали, что вечер переходит в тёплую летнюю ночь с щемящей сердце тишиной, далёкими звёздами и наконец уснувшим садом со всеми его обитателями. Лунная дорожка скользнула по главной дорожке сада. Быстрин ещё раз зачем-то посмотрел в ночную синь, осторожно прикрыл калитку и сел в машину. Он уезжал с дачи заметно отдохнувшим, но чем-то встревоженным. В городе Юрия Сергеевича ждал большой прохладный пустой коттедж.

Ночное такси

Василий который раз порывался уйти. Долгий, душный после жаркого дня вечер давно перешёл в чуть прохладную ночь. Первые этажи жилого дома постепенно остывали от зноя, погружаясь в приятную свежесть.

Даша уже второй раз прошлась по полам тряпкой с холодной водой, пытаясь остудить нагретую за день квартиру. Она угощала друга зелёным супом, жареными линьками. Он охотно ел, нахваливая хозяйку. Наконец, позвонила Любовь Григорьевна — мать Василия, беспокоилась: почему он задерживается.

— Да вот, Дарья Сергеевна не отпускает — пристегнула ремнями к кровати.

Даша не оценила шутки Черткова:

— Ты про кровать-то помолчи, ещё чего подумает.

Но Василий продолжал игриво:

— Говорят: если влюблённые больше часа отсутствуют в неизвестном направлении — значит, с ними — третий не лишний. Как ты думаешь кто?

— Дубинка резиновая.

— Зачем так грубо, доктор, — возмутился Василий.

— Тогда бутылка, что ли?

— Никак не поймёшь смысла шутки, мыслишь без учёта сердца и страсти, — продолжал расходившийся Чертков.

— Хватит твоих кроссвордов на ночь! — вспыхнула Даша.

— Кровать, милая, кровать, — расхохотался Василий.

— Я слишком строга, оттого и мысли все не в ту сторону, — рассмеялась и Даша. — Ладно, за остроумие целую тебя и лети к своей матери, сыночек Вася.

... Они встречались уже второй год. Серьёзные, самостоятельные тридцатилетние холостяк и разведённая всё приглядывались, приноравливались друг к другу.

Василий — младший из сыновей, жил с матерью. После окончания политеха он работал на местном авторемзаводе, Дарья Бузицкая — врачом в городской поликлинике. Оба на хорошем счету, молодые перспективные специалисты. Василий — балагур, озорник, Даша — тихая, рассудительная, робкая.

Познакомились и, пожалуй, влюбились при почти драматических обстоятельствах.

Задержавшись после рабочей смены, Чертков поздно возвращался домой. Проходя мимо кафе, увидел неприятную картину: крепкий чернявый мужчина, что-то громко доказывая миловидной молодой женщине, неожиданно наотмашь ударил её по лицу. Чертков был тут как тут, крепко схватив обидчика за руку, больно крутанул её со словами: "Бить женщину, что бить ребёнка!". Мужчина гневно сверкнул глазами, заартачился, но Василий решительно заявил ему: "Иди, приятель, пропись. Советь проснётся — извинишься перед ней, а сейчас я провожу её до дома". Так состоялось знакомство молодых людей. Даша вскоре ушла от своего деспота мужа вместе с шестилетним сыном.

... Они расстались, когда глубокая ночь простёрла свои тёмные, властные крылья над городом. Спали дома, улицы, редкие окна светились огнями. На окраине городка давно забылись крепким сном одиночные домики-мазанки, стоявшие у речного обрыва. Над одной из крыш плакала звезда, холодея от предутренней резкой свежести. Река замерла под лунным блеском, едва перекаtywая ленивые, сонные воды.

Даша, прижавшись к его щеке своей — бархатистой, тёплой, — прошептала:

— Спокойно всегда уходишь, а мне грустно.

— Ну зачем так? Ты же знаешь, ухожу — сердце, душа, любовь остаются в этом доме, с тобой, милая, с тобой — чудной, кроткой, притягательной, — прощаясь, ответил Василий.

Она слышала его быстрые шаги по лестницам этажей, затем дверь глухо хлопнула.

Вызванное такси ожидало у подъезда. Чертков, сев в машину, поздоровался с водителем Артуром, которого знал, и с пассажиром — седым старичком, дремавшим на переднем сиденье.

— Ойкен Рахимович, — представился тот, повернув слегка голову.

— Почему так поздно катаемся? — поинтересовался Василий.

— По нужде, по нужде. Вот из села в областную больницу приехал жену проведать. Дорога дальняя. Но ничего, — успокоил аксакал то ли себя, то ли своих попутчиков.

Больше Чертков не проронил ни слова, стал дремать. Спихватился, когда “Волга” высветила своими мощными фарами фасад университета, удивился:

— 20 минут едем и только университет?

Артур раздражённо заметил:

— Ночь, сильно не разгонишься. Да и колдобина на колдобине.

Василий промолчал, подумав, что таксист специально кружит, наматывает километры. Решил проверить. На очередной круг надо ровно две с половиной минуты. Через это время он опять увидел ту же красно-коричневую стену университета. Василий уже не смыкал глаз, убедившись, что водитель-хапуга решил как можно больше сорвать с дремавшего старика за ночной подвоз.

— Аксакал, приготовься, через минуту выходим, будет облбольница, — нарочито громко предупредил сельчанина.

Прежде чем отозвался пассажир, Василий услышал грубые слова шофёра:

— Спал бы ты, умник глазастый! Твоё ли дело бдить?

— Вот здесь — стоп! — почти приказал Чертков. С трудом сдерживая гнев, он попросил аксакала выйти с ним, обещая проводить в больницу и определить на ночлег.

— Если не получится, поедem ко мне, — предложил Чертков.

Но всё быстро и легко устроилось. Дежурная медсестра провела в ординаторскую к доктору, который разрешил расположиться здесь же до утра.

Таксист взял с пассажира 800 тенге. Василий, чувствуя его злой, буравящий взгляд, с трудом сдержался. Вспомнил, как прощаясь, Ойкен Рахимович говорил про Артура: “Совсем плохой человек, — а затем добавил: — А ты будешь моим гостем”. Василий, тепло распрощавшись, пожелал аксакалу здоровья, его жене — скорейшего выздоровления.

С трудом сдерживая гнев и возмущение, решил поговорить с водителем такси. Но тот опередил его:

— Чего лез, где не просят? Нашёлся — благодетель. Кого пожалел? У них этих денег — лопатой греби. Баранов, коров, овец держат.

Василий промолчал, потом с такой силой сдвинул ему плечо, что тот взмолился, чертыхаясь и матерясь, на чём свет стоит.

— А теперь выслушай меня, отморозок! Слов — под стать твоим поступкам — не найдёшь. Человек старше тебя в два раза, едет к больной жене за двести километров, а ты его ещё мытаришь из-за своей мерзкой корысти, мучаешь, унижаешь!

— Причём тут унижение? — взбеленился Артур.

— А притом, что из-за таких выродков о нас, русских, иногда плохо говорят. Нашёл, кого обирать!

— А ты нашёл, кого оберегать, — упорствовал водитель такси.

— Замолчи, мерзавец, мои родители благодаря им выжили в годы войны. Впрочем, время позднее и промывать твои заплесневелые мозги и мох в душе мне недосуг. Будь здоров, скряга! — Он бросил водителю двести тенге, резко хлопнул дверцей машины и направился по тёмной, глухой улице к дому.

Тот, не ожидавший такой решительной отповеди от Чертковца, выскочив из машины, бросился за ним:

— Возьми свою сдачу — 50 тенге.

— Подавись ты ими, хапуга!

Он шёл, точнее, летел домой, как раскалённый без воды самовар на углях. Не замечал, что обжигающая свежестью ночная прохлада уже давно хозяйничает на пустынных улицах. Где-то лениво перебрехивались собаки, реагируя на малейший шорох. Звёзды, видимо, понимали его настроение, то мигнут ему, то между собой перемигнутся.

Водитель всё-таки нагнал его, предложил подвезти и даже неохотно процедил сквозь зубы: “Извини”.

Мать, открывшая ему дверь, заметив скверное настроение сына, встревожилась: “С Дашей поссорились?”.

— Нет, что ты, Даша и ссориться-то не умеет, — он не сдержался и начал быстро, запальчиво рассказывать ей о случившемся.

... Был очень предраассветный час. На востоке уже медленно разгоралась заря, обещая ласковый летний день. Чертковы всё не спали. Мать — Любовь Григорьевна — рассказывала уже в который раз про людей добрых, светлых, щедрых, которые в годы войны спасли большую семью Чертковых от голода. Не будь в их отдалённой небольшой деревушке Кальджире колхозного конюха Бисеня и учётчика Муткалыма, трудно было бы выжить. Они приносили в дом Чертковых баурсаки, курт, айран, изредка — мясо. Делились последним, отрывая от своих же детей. Какой дружной, единой семьёй жили сельчане в ожидании Победы! Вера в неё была неистребимой.

— Однажды старый Бисень всех вдов вместе с оголодавшими ребятишками повёз на колхозной бричке в поле собирать оставшиеся после жатвы хлебные колоски, — вспоминала Любовь Григорьевна. — Опасно было: могли застать на месте и за несколько граммов зерна упечь на 3-4 года в тюрьму. И его, Бисеня, в первую очередь. “Власть злая, оттого и дурная”, — говорил вдовам шёпотом мудрый, смелый старик. Вместе, скопом, всё преодолели, выжили. И когда Бисень тяжело заболел, тоже всем селом выхаживали его. Жил добрый Бисень ещё больше десяти лет после этого. Так что, сын, дело не в национальности, кто ты — казах, башкир, еврей, русский — а в человеке, в том, чем душа его заполнена. У одного — завистью и злобой, у другого — любовью к людям. Отсюда и всё остальное — радость или беда... Но выбор-то за человеком...

г. Костанай.

Сергей ЛЕШАКОВ

“День наполнен радостью прозрачной...”

Маленький подвиг — себе постирать, скажем, рубашку,
И упорядочить день немного тем самым.
Вписывать текст в тетрадь без промокашки;
Перья исчезли, и школа та стала снами.

Вызвать прошедшее в светлом словесном наряде,
Чтоб ощутить, что многое преодолимо,
Вновь я — ребёнок, бегу по страницам тетради,
Голосом детским слова разминая, как глину.

Юный вхожу я в редакцию, в солнечный август;
“Я к вам приду”, — говорит мне смуглая муза;
Все наши встречи сияют в стихах и не гаснут,
Став самой яркой из мною записанных музык.

Жалко, теперь не кладут в тетрадь промокашку,
Нарисовал бы по школьной привычке несколько рожиц.
Солнце лучами бережно гладит рубашку
И буквами света текст мне наносит на кожу.

Прошлое давит на лоб как бы обручем тесным,
Вот и кладу на него я кружочек меди,
Если пишу я, полулёжа в день воскресный,
О Музе, которая вновь на сутки приедет.

И превратит субботу в беспечный праздник,
На ночь изъяв из времени и пространства
Этот район руин и людей безобразных,
В край фей и эльфов преобразив его в трансе.

**Сергей
Валерьевич
ЛЕШАКОВ**

родился в Челябинске. Много лет живёт в г. Рудном Костанайской области, ведёт литературные курсы в школах города. Член Союза писателей России. Печатался в журналах “Простор”, “Литературная учёба” (Москва), в коллективных поэтических сборниках “Просветление души”, “Пьеса экспромтов”, “Объяснение в любви”. Автор сборников стихов “Город-муляж” и “Скрипящий снег”. Постоянный автор “Нивы”.

Словно меняет глаза мои на другие,
Вижу не алкашей, бомжей, а гоблинов, гномов,
Будто развалины замков царят такие
В древней округе жителей невесомых.

Но в воскресенье автобус увозит Музу,
И мой район теряет сказочный облик.
Ветер по улицам гонит пьяниц и мусор,
И божьих коровок лепит к оконным стёклам.

Маленькую птичку трясогузку
Я увидел, выйдя на балкон,
Утром пасмурным.
День обещал быть грустным.
Но в смешных движениях трясогузки
Был волшебный смысл заключён.

Эта птичка, выпорхнув из детства,
Словно буква из букваря,
Разрушала бед моих соседство,
Превращалась в сказочное средство,
Чтоб творить, веселием горя.

Потому что всё, что с нами было,
Киноплёнка памяти хранит.
Выбрав в кадрах то, что сердцу мило,
Претворяем в радость их и силу,
Поднимаясь в творчестве в зенит.

Мягкий хлеб на сковородочке поджаренный,
Чай с вареньем, запах листьев за окном,
Лист бумажный строк морщинами состаренный —
Вот мой путь соединения с весной.

Листья — это те же буквы зелёные,
Я надеюсь научиться их читать.
Моя комната, в воскресший мир влюблённая,
На бумажных крыльях учится летать.

Разгулялись в ней предметы бесшабашные,
Сотни раз воспеты в стихах.
И прошедшей жизни ужасы нестрашные
Я топлю в бумажных облаках.

Сергею Петренко

... И однажды простой человек пошёл по воде
поэтических слов
в море текстов надмирно-бескрайнем,
потеряв себя в звуках стихов,
он превысил предел,

осознав предыдущую жизнь только лишь испытаньем.
Он, конечно, вернулся под утро в квартиру свою,
но другим уже,

внутренне преображённым,
слыша песни, что ангелы там, в запредельном, поют,
но не в силах то всё

объяснить родным раздражённым.
По дороге в редакцию, где он тянул журналиста ярмо,
он с восторгом смотрел на весеннюю серую слякоть,
понимая, что всё,

что мы якобы знаем о мире самом —
это полная лажа,
и стоит над этим поплакать.

В этом празднично-розово-облачном небе
есть стихи, что незримы пока никому на земле.
Там весёлые ангелы буквы прозрачные лепят
и кидают их в музыку, чтобы нам стало светлей.

И вдыхая тот свет своим сердцем,
простой человек
превращается в гения, в сутки на два-три часа.
И такое он стряпает нам из обычных словечек
Волшебство,

что потом не опомнится сам.

Так я думал, дымя второпях на осеннем балконе
сигаретой без фильтра, под вечер тебя проводив.
А по небу неслись бестелесно-закатные кони,
Мой восторг поэтический в рывке своём опередив.

Ведь я на небо масло не намазывал,
но в старом доме окна залепив,
в том, что напротив, сократили сразу
в мою квартиру — синевы прорыв.

И вот стоит безглазая “хрущёвка”,
законсервирована городом пока.
Ещё недавно сквозь неё так ловко
в мои стихи входили облака.

Да, блин, вообще бы лучше разобрали!
И я бассейн бы видел и мечеть,
дорогу, что ведёт в степные дали
моё сознание, в нежность тех ночей,
которые парят в твоём домишке,
в воспоминанья страстных наших встреч.

Вид из окна вбирают мои книжки,
чтоб час прихода твоего стеречь,
когда ты выйдешь из-за той коробки,

что застит вид из моего окна.
В тот миг неделя кажется короткой,
Но в несколько сот строк её длина.

День наполнен радостью прозрачной
Растворённой в воздухе весны.
Весь мой пыл, что в жизни не растрочен,
Я пытаюсь словом обозначить,
Воплощая в явь все свои сны.

Первой травки робкие росточки
так по-детски тянутся к ногам.
И, лишённый шума оболочки,
город слышит: скоро лопнут почки,
ранним утром, ждущим у окна,
что вот-вот влюблённые проснутся;
запах новоявленной листвы —
им подарок.

Вместе они сутки,
а неделю — врозь, но все рисунки
нежных ласк в сознании их живы.

А в подъезде страсти затопления:
слесари, соседи — в суете.
Ищут все причину наводнения,
только я на этом представлении —
в стороне, в стихах, на высоте.

Надо было б тоже поучаствовать,
но лень и жаль бросать тетрадь.
И среди всеобщего несчастья
продолжаю надо всем витать.

В эмпиреях, в счастье феерическом,
наслаждаясь празднично Цветком,
я в своём паренье фантастическом
напрочь забываю обо всём.

Этим маленьким летом, похожим на счастье,
паутинок события — на перилах балкона,
в их ячейках воспоминанья лучатся —
лучезарные призраки старых знакомых.

В ярком свете пылинок и букв кружение
повторяет всю жизнь мою в новом звучанье,
оркестрованном творческом преображеньем,
но вплотную уже подошедшим к молчанью.

Только свет остаётся, и ты в этом свете
одиноко паришь невозможной стрекозкой.
В паутинку сознания я поймал это лето
и тобой озарился мой внутренний космос.

Все зелёные ноты и яблоки света —
те же листья и яблоки яблонь вначале
обретают бессмертье в бумажных рассветах,
в их лучшей нежности беспечальной.

Третий день воробей прилетает
и о чём-то кричит под окном.
А мне кажется, важную тайну
сообщить мне пытается он.

Словно служит он некой ведунье
в недоступном дремучем бору,
проникая в грядущее думой,
она шлёт его в путь поутру, —
будто некие тёмные силы
нас с любимой хотят разлучить.

Воробей, друг пернатый, спасибо,
что едва входят в окна лучи,
ты о чём-то серьёзном талдычишь
мне на птичьём своём языке,
но не знаю речи я птичьей,
ставлю дом на словесном песке.
Как стихов моих буквы-песчинки
держат дом мой, не ведаю сам,
но надеюсь: всех страхов причины
не дотянутся к небесам.

Надо чай мне заварить зелёный,
с чашкой на балконе посидеть.
Лето, солнце и поэт влюблённый
заодно в единстве раскалённом,
в ярком свете праздничных затей,
в нежной жажде — видеть твою прелесть
изнемог весь мир вместе со мной.
Фразой в яблочко попасть, не целясь,
чтоб воспеть красы твоей бесценность
и запечатлеть день выходной.
Всё волшебю, раз ты существуешь!
Как мне дорог каждый мой предмет,
что богиню видел здесь живую,
Пью зелёный чай и торжествую.
И свеченью в этом дне предела нет.

где поэзия стала прозрачной преградой,
где летим мы с тобой на коне карусельном,
и движение по кругу недели — награда.

Потому что всегда мир бумажно-чернильный
повторяет всё лучшее бесконечно,
и в любви превращается сердце в светильник,
просветляя реальности небылицы.

Заполняет квартиры объём
нежность дней, проведённых вдвоём,
плёнкой света покрыв все предметы.
И потом, чего ни коснись —
в волшебство превращается жизнь,
нарастает свечение лета —
в январе, в белом сердце зимы,
где цветом разлучённые мы —
в сладком ужасе воспоминаний
невесомо прекрасных ночей.
Ах, не видеть бы всех мелочей —
всех вещей, что смотрели за нами.
Книжный шкаф, эти буквы-глаза;
ведь не скажешь: “Закройтесь, нельзя!” —
всяким надписям на переплётах.
Как вторая кожа моя,
вся поверхность, всех букв чешуя,
всё живёт ощущеньем полёта,
всё вплетается в вихрь картин —
каждой мелочью быт мой летит
в высочайшую запредельность
на крылах аромата Цветка.
И себя не могу отыскать,
привидением став на неделю.

Взлетает во мне настроенье
до невероятных высот.
Но в малоэтажном строенье
незримо мой подвиг течёт.

Десяток обычных тетрадей,
вместивших семь сотен стихов.
Я каждому рад, Бога ради,
кто выслушать это готов.

Все страны во внутреннем мире,
в их необычайной красе,
воспеты праздничной лирой,
предстали вниманию всех.

Друзья мои, в серости будней
очнитесь, ведь серости нет,
и смыслов волшебною пудрой
осыпан любой наш предмет.

Труба в старом доме напротив,
как перст, указующий ввысь.
Лист клёна, в прощальном полёте,
собой укрывает нам жизнь.

И всё это великолепье
обычного хмурого дня
сквозь тихого быта нелепость
свечением льётся в меня.

Александр КРОТОВ

Четыре рассказа

Искусство на продажу, или Линия голубого мелка

Помнится, в моём школьном детстве среди одноклассников были популярны заковыристые, иностранные, непонятные слова. Такие слова произносились нами с особым пиететом. Для нас они были пригодны практически в любом предложении, и мы не очень-то задумывались над значением этих слов. Моя соседка по парте часто любила говорить “я априори не могла это сделать”, хотя она априори не могла знать, что означает слово “априори”... А я любил поболтать с друзьями и на их вопрос “что делаешь?”, задумчиво и с оттенком аристократической простоты отвечал: — “Сибаритствую”. Никто из моих друзей не спрашивал, как это “сибаритствовать”, но непременно каждый из них уточнял: “Так я тебя не отвлѣк?”... Ещё в девятом классе у нас появилась мода на слова “не общего употребления”: афазия, идефикс, идиома, паупер и т. п. Некоторыми из этих слов можно было легко ругаться, даже в присутствии учителя, так как значение “выкопанного” слова знал только человек, который это слово обнаружил. Никто не спрашивал, что имеется в виду и какое значение сказанного, просто после этого слова все кивали и поддакивали. Стоит тебе сказать что-нибудь непонятное, и с тобой сразу согласятся, не станет же человек выставлять себя дураком с бедным словарным запасом... а между тем подумает про себя “ведь ничего не понятно”...

Иногда, когда мне нечем заняться или я просто бываю на левобережье города, я захожу в музей современного искусства. Странное это дело — современное искусство... Кажется, всё уже давно изобразили, написали и исполнили,

**Александр
Геннадьевич
КРОТОВ**

родился в 1988 году, студент 2-го курса факультета журналистики и коммуникационного менеджмента гуманитарно-социального института Костанайского государственного университета.

Член литературной студии “Свеча”.

Неоднократный победитель конкурсов сочинений города и области. Удостоился поощрения жюри для авторов моложе восемнадцати лет на международном конкурсе имени Януша Корчака (2005 год), диплома II степени на областном конкурсе “Живи и процветай, мой Казахстан” (2004, 2005 год), на XI международном фестивале творческой молодёжи “Шабьт” был отмечен грамотой в номинации “Литература” (проза).

Постоянно печатается в областном молодёжном журнале “Алга”. Имеет публикации в международных и интернет-журналах “Пролог”, “Молоко”, международном журнале “ЕвроКлуб”, выходящем в Афинах, “Библиотека Вавилона”, “Русский переплѣт”, “Молодой литератор”, “Новая литература”, “Наследник”.

В “Ниве” публиковался в 2005 году (№ 12).

ан нет, найдётся что-нибудь новенькое... или это только всем нам кажется... Так вот, в один из пасмурных дней я с другом решил навестить современное искусство. Уже не помню чьи картины были выставлены в тот день, но музей был похож на одну большую абстракцию. В том смысле, что полотна заполняли все свободные места стен. Вообще-то я могу назвать себя любителем прекрасного. И как все любители-дилетанты я не особо разбираюсь во всех нюансах изобразительного искусства. Знаю, что такое графика, живопись, пастель, гратуар и мастихин, даже лично знаю нескольких, на мой взгляд, хороших художников. Но в вопросах искусства я всегда был осторожен, и моё непрофессиональное мнение оставалось при мне. А тут меня “прорвало”:

— Паша, вот скажи мне — и это искусство? Ведь ничего не понятно, — спрашивал я, надоедая, цепляясь к своему другу и тыкая указательным пальцем практически в каждую из картин, перед которой мы останавливались.

— Саня, что ты нервничаешь? Тебя никто не просит покупать эти картины. В чём проблема? Ты бы даже так не нарисовал.

— Ну, не нарисовал. А если бы нарисовал, то уж точно не стал бы позориться и выставлять вот это “непонятное” на выставке, — не унимался я.

— Сань, это абстракция — здесь смысл скрыт в красках, в технике... наверное... я ведь тоже не специалист в изобразительном искусстве... и вообще, что ты ко мне пристал?

— Пашка, ты пойми, эти художники явно над нами насмеются, они нас дурят. Им хочется делать деньги быстро, вот они и рисуют заборы, а потом говорят, посмотрите, какой чудненький пейзаж за забором. А мы, как бараны, смотрим на картину и видим только три доски забора. Да ещё потом врём себе и говорим “а действительно, кто знает, что за забором?”. Паш, ты понимаешь — “король-то голый”...

— Голый — не голый, но это картина тебя точно сразит. Смотри-ка, одна линия голубого мелка, — Паша бесшумно засмеялся, но потом с видом историка искусствоведения продекларировал: — Глубочайший порыв, разнузданность и непонятость души мастера заставляют его снова и снова создавать, в прямом смысле этого слова, — “однолинейные” произведения.

— Вот и я о чём говорю. На этой картине, наверное, одна извилина мозга того художника, который полагает, что любая линия или геометрическая фигура может являться произведением искусства.

На моих глазах возникший непонятно откуда мужичок стал снимать “однолинейную картину”.

— А куда вы её? — поинтересовался я.

— Купили её... красавицу, — ответил мужчина, радостно подмигнув нам правым глазом. — Восемь тысяч евро, вы представляете — восемь тысяч за неё отдали. Эти покупатели, — сказал он шёпотом, — дураки! Все эти картины рисует мой пятилетний сын, а я вот их выставляю... Восемь тысяч... — радостно промурлыкал он и шёпотом снова добавил: — Дураки.

Мы с Пашкой глупо смотрели друг на друга. А затем он сказал:

— Что ж, Санёк, любое творчество это в каком-то роде сублимация.

Я согласился с ним, кивнул и пошёл домой... смотреть в толковом словаре, что же это такое — “сублимация”...

Ведь ничего не понятно...

Глоссарий

АПРИОРИ — не опираясь на изучение фактов, до опыта, независимо от опыта. Судить о чём-нибудь априори.

СИБАРИТ — праздный, изнеженный роскошью человек. Сибаритство — поведение сибарита.

АФАЗИЯ — полная или частичная утрата способности говорить и понимать слышимую речь вследствие поражения головного мозга.

ИДЕФИКС — навязчивая идея.

ИДИОМА — то же, что фразеологизм.

ПАУПЕР — нищий человек, лишённый средств к существованию.

СУБЛИМАЦИЯ — переключение низших, преимущественно сексуальных побуждений на высшие, интеллектуально и социально полезные цели.

Возвращение

Посвящается П. А. Л.

Когда я хочу что-то изменить в своей жизни и отдохнуть от чувства бездарно прожитых дней, я сбрываю себе усы. Я стою босиком в ванной и смотрю в запотевшее зеркало, мутно отражающее моё холёное безусое лицо, и тогда мне кажется, что какой-то отрезок моей жизни начался заново. Нет, даже не заново, а просто по-новому... Сразу хочется сделать что-то ещё не сделанное; или попробовать то, о чём всегда мечтал. Когда в прошлый раз я сбрил усы, мне захотелось креветок. Но я так их и не купил. Наверное, пожалел денег. А может, иногда стоит игнорировать какое-то желание, оставляя его исполнение на неопределённое будущее. Но в тот момент мне всегда хочется чего-то... чего-то другого или по-другому...

Зима уже таяла на улицах города, под тёплым объятием солнца. И дети носили шапки набекрень, стягивая их на макушке и открывая для баловства ветру свои кудри. Я люблю такое время, кажется, что в нём есть что-то беззаботное и расхлябанное. Ещё не наступила настоящая весна, а уже хочется жить по-другому... по-весеннему.

Ты вернулась из командировки. “Подумаешь, две недели”, — сказал я сам себе перед тем, как ты уезжала. Мы стояли на перроне, и я провожал тебя. Тогда мне в лицо брызгал запах мороза, железнодорожного угля и беляшей. А твои волосы пахли летом и карамелью. Ты специально сняла свою шапочку, потому что знала, как я обожаю, обнимая тебя, класть свой подбородок на твою голову и говорить, подражая герою из фильма “Вам и не снилось”:

— Теперь у меня две макушки.

Я ещё что-то говорил тебе влюблённо, и ветер, балуясь с твоими волосами, всё норовил, чтобы я тебя к нему приревновал. Я не люблю прощаться. Но тогда я ещё бежал несколько метров по перрону и размахивал своей шапкой, глупо улыбаясь блестящему от света окну твоего купе и зная, что за ним обязательно сидишь ты и смотришь на меня.

Я остался один. Опустошённый. Я жадно смотрел на свой сотовый телефон и ждал, пока он оживёт и на дисплее появится твоё имя. Но телефон, как верный друг, всё чаще молчал и оживал только тогда, когда что-то кому-то требовалось. Я звонил тебе не так часто, как мне того хотелось. Постоянно использовать банальную фразу “как дела?” не поворачивался язык, а своими новостями я был не так уж богат.

Ты приехала из командировки поздним вечером. Перрон был тускло освещён фонарями и подмигивающей кому-то неоновой вывеской кафешки. Когда поезд уже замедлив бег продвигался к вокзалу и был тёмным

очертанием, я позвонил тебе на сотовый узнать номер твоего вагона. Холод щипал пальцы, крепко сжимавшие небольшой букет хризантем, которые я купил к твоему приезду. Вокруг меня поодиночке и компаниями ждали поезда люди. Кто-то из них постоянно кашлял перегаром, кто-то торопливо надувал шары, а стоявший слева от меня мужчина нервно тербил застёжку куртки. Поезд затормозил, вернее, он просто перестал двигаться, и в дверях пятого вагона показался твой силуэт. Я подбежал, как-то сумбурно всучил тебе букет и взял из твоих рук сумки. А ты нежным шёпотом произнесла “привет”. Старая полная женщина, выходявшая за тобой, тянула матерчатую грязную сумку и ворчала тебе в спину: “Ну, давай топай... топай...”. Меня тоже прижимали со всех сторон люди. Ты сошла на платформу станции, обняла и поцеловала меня.

— Почему так долго? — обиженно проговорил я.

— Скучал? — поинтересовалась ты, заглядывая мне в глаза.

— Шутишь? Я с ума сходил.

Мы шли к моей машине, и вдруг я спросил:

— А у тебя был кто-то?.. Там...

— Ничего серьёзного, — после паузы просто ответила ты.

Ручка твоей сумки оборвалась под тяжестью груза, и в моём сердце что-то оборвалось под тяжестью сказанных тобой слов.

— Что ж, это же командировка, — начала быстро объясняться ты. — Не хочу тебе врать. Да и к чему недомолвки? — ты прервалась, вынув из кармана звонивший телефон, отражающий на дисплее — “Андрей”. А затем, не ответив, выключила сотовый и продолжила. — Там было холодно и одиноко. Был просто друг... А здесь... здесь другая жизнь. Здесь всё по-другому... — закончила ты и виновато улыбнулась.

В машине мы ехали молча. Ты дремала. Перед дверью своей квартиры ты сонно поцеловала меня в губы. Не поддавшись на уговоры твоего отца остаться, я вручил ему сумки и поехал к себе домой... сбривать усы...

Когда я стою в ванной и гляжу на своё безумное лицо, мне всегда хочется чего-то светлого... и другого... Провалившись в мягкий диван, я смотрю какой-то старый чёрно-белый фильм. И пережёвывая анчоусы, представляю, что ем креветки. И думается мне, что где-то там другая жизнь, а здесь у нас всё будет так же... только теперь уже по-другому...

Ты вернулась из командировки...

Новелла о первой любви

С самого утра я сам не свой. Возможно, перепил крепкого кофе, а может быть, это последствие позднего и слишком плотного вчерашнего ужина. В любом случае, всё сводилось к дикой усталости и нечленораздельному бормотанию моего желудка. Всю ночь мне снились ужасные сны, что и явилось причиной симпатичных отёков под глазами. Мои отёки симпатичнее, чем у других от того, что они меня взрослят, а других лишь старят.

Сегодня вторник, и первым школьным уроком должен быть труд, но в связи с болезнью нашего трудовика нам ставят литературу. Я люблю литературу, но отчего-то мне всегда становится в тягость отвечать на различные вопросы литератора. Он всегда стоит у доски в одном и том же полосатом сером костюме под полосатую серую рубашку. Я знаю, что костюм у него один, а рубашек две. Вот и сейчас он такой же, как обычно, сверлит нас глазами и

задаёт какой-то типичный вопрос, что-то вроде “был ли у Татьяны смысл жизни”. Его взгляд останавливается на мне, и я понимаю, что предстоит ответить. Спустя секунду он произносит моё имя, и я встаю, глупо улыбаясь.

— Да, конечно, — отвечаю я на заданный вопрос.

— Лаконично, — замечает он и приглаживает волосы, как герой в конце фильма “Весна на Заречной улице”. — Это твой ответ? — неуверенно осведомляется он.

— Да, конечно, — опять произношу я и опять глупо улыбаюсь.

— Это не ответ — это слово предложения — твой “да и нет”.

— И вводное слово, — подхватывает мой давнишний недруг с последней парты.

Я оборачиваюсь и, глядя ему в глаза, холодно произношу:

— Можно подумать, ты знаешь всё, включая и то, как жить.

— Чё, — вопит этот “умник” и тянет через всю парту ко мне свои руки.

— Дурак, — бросаю я ему, — ты сначала парту обойди, а потом руки тяни.

Всё началось с того, что я влюбился. Моя любовь всегда была изодранной, побитой и неузнанной, и я во всех своих неудачных любовных похождениях винил свои веснушки, густо поселившиеся на моём лице, и свой не в меру картошечный нос. Тётя его называла барабулиной и дёргала, а также дразнила его, как будто мой нос это не часть меня, а просто отдельно существующий субъект. В общем, моя тётя, как Гоголь, отделила меня от носа, чем дала себе повод вдоволь над ним позабавиться.

Итак, мою возлюбленную звали Ириной и она, наверное, как и все Ирины, была светлым и нежным существом. Но было в ней нечто особое, что привлекало меня в ней — это её родинка на нижней губе. Она часто ловила на себе мои нескромные взгляды, такие взгляды кидают на женщин опытные ловеласы, когда хотят получить от них всё и сразу. К слову сказать, этому взгляду научил меня мой друг Герман, который был из числа дамских угодников и ещё первоклассником причислил себя к лику донжуанов, влюбив в себя половину нашего класса. Остальные мальчишки разобрали оставшихся девчонок, а я пребывал в одиночестве. Правда, в первом классе я познал радость и горечь любимчика классной руководительницы. Её звали... или Антонина Михайловна, или Антонина Васильевна... сейчас и не вспомнить. Но, помнится, это была грузная дама с дико размалёванными глазами и красными щеками, прямо как при лихорадке. Эта мадам вечно трепала мне волосы на моём затылке, тербила уши, нос, щёки и всё, что она могла себе позволить схватить с радостным улюлюканьем и словами:

— Ути, какой хорошенький.

В общем, как говорил мой друг Герман: “Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь”. И мне сразу становилось понятно, что хорошая фраза, вставленная даже в самую обыкновенную речь, привлекает девчонок не меньше, чем долгие и нудные ухаживания.

Но вот в шестом классе, с наступлением весны, я собрал все свои силы в кулак и решил добиться того, чтоб Ирина рухнула ко мне на шею.

На втором уроке, уж и не помню какого дня, я подкинул ей в дневник любовное послание. Признаться, если любовь и не облагораживает, то она здорово учит. Моей прогрессией любви был зачитанный до дыр роман “Евгений Онегин”. Любовь меня не облагородила, она меня преобразовала и перенесла в уже не модный девятнадцатый век, где слова любви говорились под

блеск латунного платья луны, а цветы дарили целыми клумбами и бескрайними полями. Мне удалось кое-что захватить из обветшавшего прошлого, и вот в Иркином дневнике на идеально белом листе бумаги лежали вымеренные слова:

*“Предвижу всё: вас оскорбит
Печальной тайны объяснение...
.....”*

Правда, пришлось немного урезать письмо Онегина, но в целом получилось довольно прилично, и в конце письма была поставлена непонятная завитушка моей подписи, а также послесловие с просьбой встретиться в полдень на заднем дворе школы. Я хотел написать точное время, но Герман ровно и спокойно сказал:

— Пусть шевелит мозгами, во сколько наступает полдень.

Полдень я ждал с чувством непомерной трусости и глобальной боязни, а Герман сидел со мной рядом и самоуверенно смотрел через всё, на что падал его взгляд, и давал лишь один совет:

— Не показывай, что любишь её, а то эти женщины такие... и на голову сядут.

Сейчас его слова звучат по-особенному смешно, но в том возрасте они казались мне достаточно взрослыми и логичными.

Я встретился с Ириной под высоким высохшим деревом, вольно распутившим свои когтистые и худые руки. Мы встречались ещё двенадцать раз, но одно неизменно было всегда: я вёл себя сухо, сдержанно и безэмоционально, что удавалось мне с большим трудом. Вскоре Ирина стала меня избегать, а к концу учебного года и вовсе вела себя так, будто ничего не было и не происходило между нами. Я и не силился что-либо понять и внимал словам своего друга, который постоянно твердил:

— Перебесится и вернётся, знаю я этих женщин. Главное — проявляй равнодушие.

Как-то во время урока я послал Ирине записку с просьбой объяснить, что же произошло, в ответ я получил лишь:

“Ты сухой, как дерево, под которым мы как-то встречались”.

Я не знал, что сделать, как изменить своё плачевное положение, и с тяжёлым сердцем решил, что “утро вечера мудренее”.

На следующий день по дороге в школу я увидел Ирину в объятиях Германа. Лишь позже пролистав, как фотоальбом, записи моей памяти, я вспомнил и казавшиеся мне безобидными подмигивания Германа моей Ирине, и его бредовые советы, типа: “Не показывай, что любишь её... ещё на голову сядет...”.

И вот сейчас я стою и со злостью смотрю на некогда лучшего друга.

— Герман, ну что ж, вставай и подходи, — кричу я.

Литератор успокаивает нас, и мы, затаившие злобу друг на друга, сидим по разные концы класса.

После урока учитель литературы просит меня подойти и спрашивает:

— Ну а всё же как правильно жить, по-твоему?

— Так, чтобы твою любовь видели, — отвечаю я.

— Точно? — спрашивает он глупо.

— Да, конечно, — говорю я, но уже не улыбаясь.

Одиночество

*Самое жестокое одиночество —
это одиночество сердца.*

Пьер Буаст

Я любил смотреть в твои глубокие глаза и видеть в них своё отражение. Теперь бы я побоялся заглянуть в них, потому что знаю там только лёд, лёд, который сковал тебе душу и опалил моё сердце.

— Странно, — скажешь ты. — Как это лёд мог коснуться тебя языком пламени?

— Это был не лёд, это были твои глаза.

Они до сих пор смотрят на меня с пугающей немотой, ничего не говоря, и уже не пылая тем жаром, что был в твоей душе. И мне не понять, что заставило тебя променять любовь на холод... Возможно, любви не было, и глупо называть росток желания столь громким словом. Но ведь было моё отраженье в твоих глазах. И как ты говорила “твой образ в моей душе”. Я же говорил, что люблю тебя, и думал, ты отвечаешь мне взаимностью...

Июльский день дышал жаром. Душно...

Дороги были пыльные, и казалось, они ожидали, что вот-вот захлещет дождь, который поставит всё на свои места.

Сегодня я должен был увидаться с тобой. Мысли одолевали меня, блуждая внутри. Я продумал тысячу “сцен”, нашёл тысячу слов, взвесил каждый твой возможный ответ.

Ты говорила, что “от мужчины всегда должно пахнуть дымом: либо табачным, либо пороховым”. Я неумело курил у твоего подъезда и смотрел на девушку, проходившую по дороге метрах в пяти от меня. Девушка мне улыбнулась, я непроизвольно подмигнул ей в ответ. Я бросил сигарету на плавящийся от жары асфальт, потянулся к ручке двери подъезда и вдруг услышал голоса (ты в то время жила на первом этаже). Среди двух голосов я легко определил, что один голос был твоим.

— Ты придёшь завтра? — спросила ты у кого-то.

— Приду, — отвечал незнакомый голос.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

Воцарилось молчание, лишь позже я понял, что это было время вашего поцелуя.

Дверь в твою квартиру захлопнулась, и из подъезда вышел парень. Он прошёл, не обращая на меня внимания. Мною овладело отчаянье, вокруг всё расплывалось. Я проклинал себя, но потом собрался с мыслями и с трудом пролепетал: “В конце концов, жизнь продолжается”.

Сейчас я думаю, что ты просто была одинока. Тебе было одиноко со мной. Тебе будет одиноко с сотнями других. Тебе всегда будет одиноко без кого-то одного...

А когда я вышел из-под козырька подъезда, меня окатил ливень — ливень, который смывал все натоптанные мною следы к твоему одинокому сердцу...

Николай КОВТУН

“Прошу у Бога света и тепла...”

Апрель

Апрель прошёл По мутным лужам, С задворок грязный Снег унёс. Насквозь прожжённый Зимней стужей, Взбодрился в миг Дворовый пёс. И воробьи Весёлой стаей Щебечут радостно Весь день,	И ель их Нежно прикрывает, Заботливо Раскинув тень. И небо нынче, Слава Богу, Тепло на землю Щедро льёт. И захмелевшая дорога Куда-то в даль Меня зовёт.
---	--

Вектор удачи

Насытился — И сам себе не враг. Идти собрался? Ну и трогай с Богом. Вот только ни за деньги, Ни за так Не вымолишь Счастливую дорогу.	Удачи вектор Где-то заплутал. Найди его, А без него — негоже. Ты и от сверстников Давно отстал, Да и догнать Без вектора не можешь.
--	--

И ты бредёшь Неведомо куда, И спотыкаешься, И падаешь, и плачешь, Не оставляя На земле следа. А мог бы жизнь ты Прошагать иначе.	Ищи его. Мгновения лови. И не робей, — в пути Нужна отвага. И всё получится От искренней любви И твоего Решительного шага.
---	---

Размышления

Счастливый я
Иль, может, несчастливый?
Везучий я
Иль просто неудачник?..
Живу как все.
Хожу неторопливо,
Решаю
Ежедневные задачи.

На всё ответы
Где же мне искать?
Да и нужны ли мне
Ответы эти?
Я счастлив тем,
Что я могу писать,
Дарить любимой
Женщине сонеты;

Что видеть мир
По-своему могу
И восторгаться
Золотом восхода,
Ромашкой и букашкой
На дугу —
Всем, чем богата
Матушка-природа.

Я этим даром
Божьим дорожу
И музыку, что
Впитываю в душу,
Стихами на бумаге
Вывожу,
Чтобы могли
Читатели послушать.

Ну а о том —
Везучий я иль нет —
Нельзя ответить
Просто мимоходом.
Стихи мои —
Зажжённый мною свет.
И этот свет
Особенного рода.

Ночь в городе

Вечер в город весенний
Тихо вошёл,
Потолкался в дворах,
Позаглядывал в щели,
По-хозяйски он глянец
Повсюду навёл.
И прохладной росой
Обрызгал качели.

Вот уж тише и тише
Грохочет авто.
И детей выметают
Из детских площадок.

И никто не кричит,
Не сигналил никто
На игру позабытых
Зелёных лошадок.

Незаметно весь город
Окутала мгла.
Тишина в подворотнях
Затосковала.
Ночь на улицах сонных
Вздремнуть прилегла.
Не будите её,
Пусть поспит она малость.

Ночью

Светает. Не спится.
Тихо-тихо.
Слышно лишь где-то
Царапает мышь.
Сон мой промчался
Наездником лихо.
Ватой вползает
В уши тишь.
Мысли, как масло,
Текут и текут, —
Кажется, время
На якоре встало.
Снова дороги
Куда-то зовут,
Только вот память
Забуксовала.
Прошлое будто
В мареве дня —
Скрыты туманом
Былые деянья.
И лихорадит
Чего-то меня,
Тянет, как будто
На покаянье.
Только не знаю,
В чём каяться мне —
Жизнь — словно
Чистый листок из тетради.
Я не убийца,
Не тать на коне,
И не работал я
Славы лишь ради.
Так отчего же
Не спится? Чего?

Что же мне душу
Терзает и ранит?..
Надо уснуть,
Отрешась от всего, —
Скоро вновь солнце
В дорогу поманит.

Перед рассветом

Как прекрасна в рассветную
Пору земля,
Когда звёзды
Зарю зажигают:
Паруса поднимают
Неспешно поля
И в белёсую мглу
Уплывают;

Сонный колокол застыл
Островком на пути,
Даль обманчивой
Близостью манит,
И берёзка горит
Маяком впереди,
Заблудившись
Надолго в тумане;

Месяц тихо уплыл
В отступившую тьму
И глядит
Заколдованно глазом, —
Знать, зарю повидать
Захотелось ему,
Не выдавшему зорьки
Ни разу.
А за дальним пригорком
Бездна видна,
Там спит утро
В запасниках чуда...
И такая в округе
Стоит тишина,
Словно вывезли
Жизнь всю отсюда.

Предел

Вот опять новый день.
Рад, конечно.
Только хватит ли сил
До конечной?

С каждым днём, как рубли,
Они тают
И бесследно вдали
Пропадают.

Я не плачу о них —
Что же делать... Все когда-то дойдём
До предела.
Спотыкнёмся, скорбя,
Мир избавим...
Только после себя
Что оставим?

Прошу у Бога...

Вхожу я в день
Паломником безвестным.
Прошу у Бога
Света и тепла,
Чтобы подобно
Задушевной песне
Среди людей
Звезда моя жила.

Прошу у Бога
Чуткой тишины,
Чтобы услышать
В золоте осеннем,
Как льются
Из бездонной вышины
Мелодии
Таинственной вселенной.

Прошу у Бога —
Быть ко мне добрей,
Продлить моё
Улыбчивое лето,
Чтобы увидеть
В омуте страстей
Рожденье
Долгожданного рассвета.

г. Костанай.

Р. С. Редакция "Нивы" сердечно поздравляет первоцелинника, нашего давнего и постоянного автора Николая Матвеевича Ковтуна с 70-летним юбилеем и желает доброго здоровья на многие годы, счастья, благополучия и новых творческих обретений!

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

(Продолжение. Начало в № № 6-10 за 2007 г.)

13 февраля

Друг за другом — сессия Верховного Совета и пленум ЦК Компартии Казахстана. На сессии принято обращение к Верховным Советам республик СССР с призывом проявить политическую мудрость, выдержку и дальновидность, сделать всё возможное, чтобы предотвратить грядущую катастрофу — развал нашего великого союзного государства.

На пленуме ЦК Н. А. Назарбаев говорил об опасности развала продовольственного рынка и о подготовленном постановлении Президента республики, которое доводит госзаказ до каждого хозяйства и устанавливает жёсткие санкции к тем, кто срывает продовольственные поставки.

Порядок в этом деле надо наводить. Но кто войдёт в положение самих “сельхозников”, с которыми большинство поставщиков уже говорит “языком рынка”, то есть продаёт им свою продукцию не по фиксированным, а по так называемым договорным ценам?

Нелегко и промышленникам. Гендиректор объединения тракторостроителей В.И. Власов на пленуме ЦК привёл факт: получив, как и в прошлом году, 100-процентный заказ, завод обеспечен ресурсами для его выполнения лишь на 70 процентов. Как ни крути, добрать на прямых договорах недостающие 30 процентов не удаётся. В то же время за госзаказ директор отвечает головой.

Наш читатель М. Денисов прислал ругательное письмо: всё мы делаем не так — даём много официоза, рекламы, плетёмся в хвосте перестройки... В самом конце пишет: зачем вам 23 телефона, в то время как люди десятилетиями стоят за ними в очереди? Вон в “союзном” “Труде” всего пять телефонов — и то справляются...

Печатаем письмо и ответ Р. Штарка — спокойный и, как мне кажется, очень аргументированный...

Думал, поездка в Москву как-то облегчит душу, ободрит, что-то прояснит... Всё же смена обстановки, перебивка сумасшедшего здешнего ритма жизни, новые впечатления. Но нет: дышать легче не стало. От Москвы осталось ощущение полного распада, неопрятности... И даже абсурда: доехав из аэропорта “Домодедово” до площади Маяковского на экспрессе, мы не смогли взять такси, чтобы добраться до гостиницы “Россия”. Свободных машин полно, но везти не хотят — слишком близко, невыгодно. Так мы и тащились пешком по ночной улице Горького (теперь, впрочем, уже Тверской) до “России”.

В буфете гостиницы через полтора-два часа после открытия — шаром покати. В винно-водочных отделах магазинов — лишь коньяк “Наполеон” по 176 рублей за пол-литра (и то не везде).

Зашёл к А. Колодному в редакцию журнала “Советский Союз”. Улица Москвина завалена грязными снежными кучами и мусором, дома обветшали... В редакции также царят неуют и запустение. Колодный “в разобранном” состоянии — и есть от чего: журнал до сих пор не имеет учредителя, дела пришли в упадок, сотрудники и сам Александр Германович деморализованы. Будущее журнала, бывшего когда-то своего рода витриной СССР, туманно и непредсказуемо.

Теперь — о съезде журналистов, на который мы приезжали. Главное впечатление: и в нашей среде — то же противостояние по лагерям, нетерпимость, разброд. Одни требуют немедленно отправить в отставку председателя Гостелерадио СССР Л. П. Кравченко (по определению демократов — консерватора и душителя гласности), другие выражают недоверие назначенному недавно министром печати РСФСР М. Н. Полторанину (тому самому, нашему земляку-казахстанцу, сподвижнику Б. Н. Ельцина и само собой — демократу из демократов). Кравченко вообще был едва ли не самой популярной фигурой на съезде. И хотя пощипали его демократы изрядно, он держался просто молодцом: стойко держал удар, умело парировал острые вопросы и отстаивал свою позицию. У него есть чему поучиться — в том числе и мне.

По правде говоря, я думал — наш Союз журналистов развалится. Но его удалось сохранить — правда, на новой — конфедеративной — основе. Изменится ли что-нибудь после этого к лучшему? Не знаю... Но подпись свою под документом об учреждении нового Союза я поставил.

Что ещё сказать о съезде? Были там сильные, интересные выступления. Но в целом, как мне показалось, интеллектуальный потенциал большинства из тех, кто оказывался на трибуне или у микрофонов в зале, весьма невысок.

Много было шума — и в речах, и в зале, что дало основание одному из выступающих заявить: “Давайте не будем превращать наш съезд во второй цирк на Цветном бульваре”. (Мы заседали в здании общественно-политического центра Московского горкома партии, который расположен рядом с известным цирком).

Прибалты присутствовали на съезде в качестве наблюдателей.

От руководства страны был и выступал председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов. Мы привыкли, если можно так выразиться, к его “телевизионно-экранному” образу, а на этот раз Анатолий Иванович предстал перед нами и просто как интересный собеседник — интеллигентный, обаятельный, остроумный. Цитировал Юлию Друнину и Булата Окуджаву; оказывается, и сам пишет — недавно выпустил сборник стихов.

Сам я ждал выступления М. Ф. Ненашева — председателя Госкомпечати СССР. Помню его в качестве редактора “Советской России”, слежу за его публикациями, он выступал перед редакторами во время прошлогодних наших курсов в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Михаил Фёдорович говорил, что тяжело быть современником событий, нами переживаемых, а ещё тяжелее летописать их; говорил о набившей оскомину оголтелой критике в прессе — неплодотворной и безрезультатной. Сообщил: только в Москве за последние пять месяцев зарегистрировано около двух с половиной тысяч изданий, более половины из них — новые (не партийные и не советские), в том числе примерно 200 — частные. В стране не хватает бумаги, она постоянно дорожает, сделана попытка удержать её стоимость на уровне 880 рублей за тонну. Но неизвестно — удастся ли...

Из-за проблем с бумагой мы ещё наплачемся. Редактор-сосед Ю. Е. Матвеев (“Рудный Алтай”, Усть-Каменогорск) жаловался: накануне съезда журналистов выпустили всего полгазеты — вышли форматом и объёмом районки — нет

бумаги. У нас ситуация получше — на ближайший месяц запас есть, но что будет дальше — неизвестно...

Председателя правления Союза избрали на альтернативной основе. Среди претендентов был и декан журфака КазГУ М. К. Барманкулов (в пору нашей учёбы заведовал кафедрой телевидения и радиовещания). А победил Э. М. Сагаллаев — может быть, ещё и потому, что вёл на Центральном телевидении молодёжную передачу и таким образом стал известен всей стране.

В первый наш день в Москве, ещё до открытия съезда, ходил с приятелями в ресторан Центрального дома журналистов. Нас было трое: Николай Богормистов, с которым мы когда-то “трубили” в сельхозотделе “ЗП”, приехал на съезд из Кустаная, а Валера Духанин — бывший собкор-фотокор КазГАГа по нашей области, уже давненько обосновался в Москве. Некогда знаменитый ресторан ЦДЖ, куда мы имели право доступа как делегаты съезда, являл собой остатки былой роскоши: холодный неуютный продымленный зал, минимум блюд при максимуме цен... Эту картину логично довершал respectable парень-официант в бабочке, но еле-еле стоявший на ногах. Я ещё подумал: где он, интересно, так сумел “набраться” при тотальном дефиците спиртного? Обслуживал он нас соответственно: примерно через полчаса после заказа принёс “судака по-польски”, а ещё с полчаса спустя бутылку водки, за которой мы его отправляли трижды, а он всякий раз объяснял: “Её как раз поднимают из подвала!”. Да, такая теперь Москва...

Из других — несъездовских — событий запомнилось моё поселение в гостиницу. Было часа два ночи, когда дежурная, открыв своим ключом дверь, завела меня в номер, где на одной из кроватей спал абсолютно голый грузин. Похоже, мы его перепугали до смерти. Всё же это как-то не по-людски — подселать, да ещё таким образом.

Я просил вообще меня поселить одного в двухместном, потому что ухитрился забронировать место в этой гостинице и для брата Петьки — как гостя съезда. Он должен был прилететь через сутки из Усть-Каменогорска, а после моего отъезда отправиться по своим делам в Ленинград. В службе размещения подтвердили, что бронь на Петьку есть, но сказали — подходите, когда он приедет, тогда и поселим вместе. Я им не поверил, а жить в разных номерах, встретившись на сутки, было бы в высшей степени глупо, и я решился на аферу, в результате чего — так уж вышло — и сам оказался без места. Дело было к вечеру, накрапывал дождь, когда я со своей дорожной сумкой пошёл слоняться по неприютной Москве. Ситуация была точь-в-точь как в театре абсурда. Проболтавшись часа два, я снова пришёл в гостиницу, и опекавшая меня доброхотка из Союза журналистов всё же сумела вновь поселить меня — теперь уже одного в двухместный (с расчётом на брата) номер.

Потом я ездил в аэропорт — встречать Петра. Его рейс опоздал часа на два или три, и в гостинице мы оказались ближе к утру, но всё равно были счастливы. Я плакался брату в жилетку на свою несчастную редакторскую жизнь, он мне сочувствовал, говорил, что я всё делаю правильно, и мне казалось, что, наверное, теперь всё должно измениться. Если бы так!

Вдруг вспомнил ещё один из эпизодов недавнего съезда Союза журналистов. Знаменитый “правдист” Юрий Жуков, знакомый всей стране как неизменный участник телевизионных передач на международные темы, бродил

по огромному залу — одинокий и неприкаянный, со звездой Героя Соцтруда на груди... И казалось, что он пришёл сюда из какой-то другой жизни...

Приехал домой — и опять ни просвета, ни продыха. Уже который месяц не можем решить проблему — как заполучить для собственных редакционных нужд (на повышение зарплаты, приобретение оргтехники и т. д.) деньги, которые нам приносит реклама. Куда я только ни ходил, с кем только ни советовался — был в облфинуправлении, в банке, подготовил записку в президиум облсовета — всё как об стенку горохом. В облсовете по этому вопросу заседали дважды. И — поразительная вещь: руководители предприятий (члены президиума) мгновенно всё схватывают, готовы нас поддержать, а чиновники требуют всё новых и новых бумаг — обоснований, согласований, разрешений... Такое впечатление, что никому не нужны эти десятки тысяч рублей, которыми мы могли бы компенсировать нынешние убытки газеты. Абсурд — да и только!

Вчера меня поймала депутатка В. А. Гартвиг — одна из авторов злополучного письма-обращения и заявила: если оно не появится в ближайшую субботу, то они начнут говорить со мной по-другому. Ответил, что не люблю, когда со мной говорят языком ультиматума, а у самого сердце заныло...

Не придумал ничего лучше, как передать письмо в президиум облсовета: в конце концов те, кто планировал и вёл сессию, заварили эту кашу, пусть теперь и расхлёбывают её вместе со мной.

И в конторе — беспокойно. Никак не мирятся меж собой женщины. Их у нас много, и большинство одиночки с испорченными характерами. Вот и грызутся — подчас без всякого повода.

Л. Гришина и вовсе заявила вчера, что может подать заявление. Пришлось поговорить с ней достаточно откровенно, сказать и о том, что не так давно мне уже предлагали её уволить — после выхода из партии. Не знаю — подействует ли...

14 февраля

Встречался с Б. В. Исаевым. Говорили о его интервью для газеты, подготовленном в недрах обкома. Он попросил оставить все принципиальные моменты без изменений и сокращений. Я сказал, что зря обошли редакцию при подготовке такого материала.

— Вас же не было в это время, — отвечал Б. В., — вот мне и пришлось самому потрудиться, да к тому же и помощник-журналист был рядом, присутствовал на всех моих встречах.

Словом, объяснились.

Потом я вновь напомнил ему о письме депутатов, хотя и видел — этот разговор ему не по душе; сказал, что передал их обращение в президиум облсовета.

Затем он излагал мне свою партийную позицию: пора определиться и переходить в наступление; вот и на пленуме ЦК КПСС самым сильным было выступление первого секретаря Российской Компартии И. К. Полозкова (Б. В. даже читал мне отрывки из него), а потом цитировал М. С. Горбачёва, который прежде

всегда защищал прессу, а теперь “крыл” её, говорил, что в стране развязан “информационный террор”...

Так что, судя по всему, Б. В. намерен крепко держать ситуацию в руках и иметь при этом в активных помощниках газету.

Пришёл в невесёлых размышлениях в редакцию с надеждой спокойно посидеть, подумать — звонит случайная знакомая. У неё конфликт с соседями, те вызвали за ней бригаду санитаров из психдиспансера. Бригада приехала, а она забаррикадировалась в спальне, откуда мне звонит, заявляет, что объявляет забастовку, и все мы будем повинны в её смерти.

— Да у меня самого тут сумасшедший дом, — хотел ей сказать, но она уже положила трубку.

Пригласил Халела Карпыкова, попросил разобраться.

Наконец стало ясно, почему так долго молчал брат Шура. Оказывается, воссоединяется со сбежавшей от него супругой. Теперь она вернулась, и, чувствуется, брат доволен этим обстоятельством.

Ещё пишет: “Читаю иногда натошак (для возбуждения аппетита) твой “Крупной клин”... Уел — так уел, стервец!”

15 февраля

Скандал на сессии Верховного Совета Казахской ССР. Корреспондент “Казахстанской правды” (и хорошая, кстати, журналистка) Татьяна Квятковская лишена аккредитации — якобы за необъективное и тенденциозное освещение предыдущих сессий.

Группа депутатов тут же обратилась к председателю ВС: почему аппаратчики решают за нас, кому и как освещать сессию?

Да, ничто не может изменить главного принципа работы нашего нынешнего аппарата — центрального или местного: держать и не пуцать...

16 февраля

Хороша сегодняшняя подборка информации “200 строк в субботний номер”.

В Таллине, на Всесоюзном кинорынке коммерческих киностудий, занял второе место художественный фильм “Восточный коридор” алма-атинской студии “Оркен” по сценарию павлодарского тележурналиста Володи Дегтярёва. Это фильм-пародия о нелёгкой жизни современной мафии. Надо будет обязательно посмотреть.

Более 90 жителей области владеют сегодня автомобилями-иномарками — немецкими, японскими и даже американскими. Живём, оказывается!

И казусный случай в Экибастузе — вполне в духе сегодняшних времён. Там в одном из магазинов торговали дефицитом — детскими товарами, — пытаясь сдерживать напор покупателей и установить хоть какой-то порядок, продавщица встала в проходе, на пути толпы, упёршись руками в стены. В этот момент одна из озверевших покупательниц зубами вцепилась ей в руку. Продавщице пришлось оказывать медицинскую помощь, а покусавшую её покупательницу обнаружить не удалось.

Всего в этой подборке одиннадцать информационных. Вот бы каждую подборку делать такой.

Обсуждали на президиуме облсовета всё то же письмо — обращение группы депутатов в газету. К счастью, разговор шёл более-менее мирный.

В. В. Юдин требовал публикации. Б. П. Воложанин критиковал “ЗП” за плохое освещение жизни Советов и советовал мне, как редактору, идти вразрез с тем, что говорят в обкоме партии. Кто-то из участников встречи требовал извинений от секретаря обкома партии, назвавшего депутатов — возмутителей спокойствия, “кучкой баламутов”. В. П. Галенко критиковал Б. В. Исаева, который, используя замшелые партийные методы, сам породил нынешний конфликт и до сих пор не предложил никакой внятной программы действий.

И хотя никакого решения президиум так и не принял (поскольку не вправе этого делать), пар выпущен — вопрос о письме, мне кажется, больше подниматься не должен.

Впрочем, депутаты-демократы тут же подбросили властям новую проблему: подали заявку на общегородской митинг с повесткой дня — о социальной защищённости трудящихся. И дали об этом объявления. Мы у себя успели “тормознуть” объявление, узнав, что власти митинг не разрешают, а на телевидении — зеванули, был скандал, коллегам пришлось давать другое сообщение — с извинениями. И мы тоже опубликовали официальное извещение, что митинга не будет.

И хоть день был тяжёлый, домой вернулся едва ли не просветлённым (хоть с этим злосчастным депутатским письмом развязался). На радостях даже пару рюмок водки выпил — притом с удовольствием.

В субботу позвонила домой А. М. Ажибаева — попросила зайти. Была невесела и есть отчего: “Первый” настаивает на том, чтобы она оставила свою нынешнюю должность. Один из аргументов — пересидела все возможные сроки (“от Исаева до Исаева”, как он сам выразился), и он сегодня не видит больше её на этом посту. В принципе, она была готова к такому повороту событий и лишь попросила отсрочки — для устройства своей будущности. Ей не раз предлагали работу за границей — и теперь требовалось время, чтобы уладить все формальности. А на днях “Первый” вновь вызвал её и предложил поторопиться — мол, скоро пленум обкома и вопрос надо решать срочно, а работу ей можно поискать и в области. Но весь фокус в том, что вряд ли она получит желаемое место за границей, не будучи секретарём обкома... Она ему и об этом сказала, на что последовал ответ — надо уходить, а всё прочее — уже её проблемы.

Ещё Ажибаева говорила, что устала от всего, а особенно от грязи и обкомовских дрызг; что тоже не считает возможным работать с Исаевым и что зря он вообще вернулся в область... Говорила: и мне самому придётся туго.

Мне, в общем, понятна логика действий Б. В. Исаева. Во-первых, ему надо потрафить “цэковскому” начальству, перед которым у него, скорее всего, есть какие-то обязательства; во-вторых, — отдать дань местной “стороне недавнего конфликта”, одержавшей, как он сам не раз заявлял, победу в политической борьбе. Наконец, “Первый” не может не знать, что Ажибаева, как никто другой, контролировала в обкоме не только идеологическую, но и кадровую сферу (как правило, не афишируя последнее); умело расставляя на ключевые должности своих, нужных ей людей, которые умели быть ей благодарными. Так что рано или поздно Ажибаевой всё равно пришлось бы уходить. Весь вопрос в том — как всё обстоит. Вряд ли у партии есть перспектива, если её лидеры так относятся к кадрам, десятилетиями состоявшим у партии на службе.

Можно по-разному относиться к Ажибаевой, но она, бесспорно, умнее и глубже многих в сегодняшнем обкоме, ей не откажешь в пронизательности и здравомыслии. Наверное, ни с кем в нашем обкоме у меня не было столь открытых и откровенных бесед по самым разным поводам.

При этом было бы глупо идеализировать её: в своё время А. М. очень быстро рассталась с, наверное, лучшим из обкомовских завотделов — Л. Л. Хмельником, когда этого потребовала изменившаяся политическая конъюнктура (в обком пришёл Ю. А. Мещеряков, и надо было обновлять команду). А теперь точно так же обходятся с ней самой.

Похоже, у нас нет сегодня, да и никогда не будет нравственной политики... И вот я всё время думаю: что же это мы такое изобрели за годы советской власти, если людей всё время вынуждают кривить душой, голосовать “за”, когда душа “против”, молчать, когда надо говорить, и наоборот?

19 февраля

На заседании бюро обкома обсуждали работу одного из райкомов партии по развитию экономики. Разговор шёл на редкость доброжелательный. Тон ему задавал “Первый”, был чуть ли не ласков с молодым, приятным собой секретарём райкома. И это было так непохоже на обычно сурового Б. В., что я не мог отделаться от ощущения, будто идёт какая-то игра. Район хвалили, хотя с таким же успехом его можно было раскритиковать (например, большинство хозяйств не выполнили планов прошлого года по поставкам хлеба, молока и мяса и т. д.). Всё оказалось на редкость просто: первого секретаря райкома прочили сразу на две должности — председателя облисполкома и секретаря обкома, и таким образом готовили “соответствующее мнение”.

Зато потом все дружно навалились на председателя облтелерадиокомитета М. М. Абдрахманова — как это на ТВ могли “прошляпить” политическую провокацию и выдали в эфир объявление о готовящемся митинге, который не был санкционирован властями? Абдрахманов пытался что-то объяснить: мол, это была оплаченная реклама, а за её содержание несёт ответственность рекламодатель, но его объяснения лишь подливали масла в огонь. “Причём тут деньги? У вас что, никто не просматривает материалы перед выходом в эфир?” — дружно навалились члены бюро на Марата Мусабековича.

Уровень требовательности опять же задавал “Первый”, сослался при этом на “ЗП”: мол, приносили же в газету объявление, но там быстро смекнули что к чему.

Тут уж я не усидел и взялся защищать Абдрахманова, чем ещё более усугубил ситуацию. “Первый” в ответ на мою пламенную защитную речь раздражённо заметил: мы не в суде, где надо учитывать все тонкости и хитросплетения, а на заседании бюро обкома, которое даёт политическую оценку явного прокола телевизионщиков.

Я опять вылез — на этот раз с пояснениями: мы — руководители областных СМИ, в последнее время всё чаще становимся заложниками тех или иных политических катаклизмов местного масштаба, когда — как ни поступи — всё равно оказывается нехорошо, припомнил письмо депутатов, чуть ли не месяц отравлявшее мне жизнь, и добавил: члены бюро обкома партии должны входить в нынешнее сложное положение редакторов, которые не могут действовать по одному раз и навсегда установленному шаблону.

Но меня, похоже, не услышали. Впрочем, хорошо уже то, что М. М. Абдрахманов на этот раз не лишился своего поста. Не думаю, однако, что это мои выступления помогли, скорее, сами члены бюро хорошо понимали: никакого умысла в действиях телевизионщиков не было — они просто прозевали...

В конторе свои разброд и шатания. Штарк недоволен Поповым: тот выдаёт один партийно-ортодоксальный материал за другим, публиковать их просто нельзя. Следом пришёл Попов: Штарк предвзято к нему относится, тормозит всё им написанное с “твёрдых партийных позиций”.

Посмотрел материалы — да уж — не фонтан. Но других нет, а “партийная тема” нужна. Думал, поставив Попова на партотдел, хотя бы отчасти решим проблему с освещением партийной жизни, а выходит наоборот.

Честно говоря, не знаю вообще, как они теперь смогут работать друг с другом — Штарк и Попов.

А вся наша партия, похоже, правее, становится более консервативной. С другой стороны, в стране явно формируется единый демократический блок оппозиционных партий и других сил, объявивших своей целью устранение с политической арены не только КПСС, но и её лидера, Президента СССР Горбачёва.

У нас “Первый” тоже призывает выходить из окопов.

Мне самому воевать (и в прямом, и в переносном смысле) совсем не хочется. Хотел бы просто работать, без всяких идеологических дамкловых мечей, сообразуясь со здравым смыслом; делать интересную, информационно насыщенную газету — минимально политизированную... Просто жить и работать, никому, кроме читателя, не служа, ни перед кем не отчитываясь...

Как мало и как много...

Оказывается, и у наших кооператоров есть свой профсоюз, и недавно они провели областную конференцию. Живётся кооператорам нелегко: народ их не любит (и отчасти не без основания), власть прижимает... Но ведь живут же, находят свои ниши, развиваются... Мы в газете стараемся их поддерживать.

20 февраля

Вчера поздно вечером смотрел по ЦТ интервью Б. Н. Ельцина. Оно было какое-то нервное, рваное. Журналист ЦТ Сергей Ломакин всё время “поддавливал” Ельцина, а новый руководитель Российской телерадиокомпании Олег Попцов, напротив, изо всех сил старался “подать” его в самом выгодном свете. Поэтому, наверное, и разговор шёл такой дёрганный.

А в заключение Б. Н., как водится, выдал домашнюю заготовку: Горбачёв обманул народ — раздавал обещания, не думая о последствиях; его политика — антинародна, она завела страну в тупик; ещё М. С. не держит обещаний, даваемых на встречах с Б. Н. А раз так — Горбачёву надо немедленно подать в отставку; страной же пока пусть управляет Совет Федерации. Б. Н. обратился к россиянам с призывом поддержать его в этих требованиях.

Это была не просто политическая декларация, а некий вызов, скорее, даже ультиматум. Впрочем, конец интервью был скомкан, и восклицательного знака не получилось. От телевизионной передачи осталось ощущение безысходности и тупика.

Сегодня подписывался договор о сотрудничестве между Казахстаном и Украиной, и главы обеих республик резко критически высказывались по поводу ельцинского интервью, по сути отмежевались от него. Л. М. Кравчук назвал заявление Ельцина непродуманным, Н. А. Назарбаев сказал, что Ельцин усугубил

экономический кризис кризисом политическим. Ещё они оба заявили, что подобные вещи в столь сложное время недопустимы, поскольку, кроме всего прочего, неконституционны.

Скорее всего, Б. Н. Ельцин на этот раз серьёзно просчитался... Всё же политик такого уровня не должен быть столь непредсказуемым. Хотя этот случай, как, наверное, никакой другой, лишний раз свидетельствует о том, что противостояние в центре достигло крайней черты.

У меня самого все эти дни внутреннее ощущение какого-то предела — будто я надломился. Проблемы нарастают как снежный ком, времени катастрофически не хватает; нет ясности во взаимоотношениях с новым “Первым”, да и в редакции царит какая-то неопределённость...

Но была сегодня и отрада: ходили с Ольгой на концерт Галины Бесединой. Выступала она почти в пустом зале ДК тракторостроителей... Зато как она пела! И принимали её отлично. Она это чувствовала и как будто светилась вся от этого своего единения с несколькими десятками человек.

После её концерта здесь же давал сеанс очередной заезжий экстрасенс, и зал был полон. Время сейчас такое, что люди стремятся исцелять тела, а не души.

После дня рождения... Близкий человек как-то сказал мне, что после хорошей пьянки он просыпается ночью с чувством — будто человека убил. По-моему, ощущение схвачено очень точно — это чувство дискомфорта, угнетённости, подавленности — какой-то неосознаваемой глубокой вины.

А погуляли мы славно: были сестра Наталья с зятем, братан Петька прилетел из Усть-Каменогорска. Даже Ольга сказала, что иногда завидует тому, как мы стремимся друг к другу.

Наверное, я слишком много хочу от жизни. Например, зачем-то пытаюсь обратиться в свою веру “больших” людей, с которыми по долгу службы работаю. Сначала — Мещерякова, теперь вот — Исаева. А когда это не получается, начинаю впадать в хандру. Мне давно бы пора понять, что прав Горбачёв, когда говорит: политика — это искусство возможного. Отчасти — это как шахматная игра... И я в своей едва начавшейся “партии” с новым “Первым” уже наделал немало ошибок в дебюте. Впредь надо быть умнее и гибче, рассчитывать силы, не идти в лоб, а предпринимать обходные манёвры... И главное сейчас — не драматизировать того, что уже случилось. Пока идёт “разведка боем” с обеих сторон, и надо давать понять “сопернику”, что редактор не только “проводник линии” (каковым его бы хотели видеть в обкоме), но и человек, имеющий широкие обязанности перед своим читателем.

И всё же мне обидно: почему все они, безусловно, неглупые люди, не в состоянии уразуметь одной простой истины — что газета, только “проводящая линию”, в конечном счёте не нужна будет никому, в том числе и обкому.

Что же до меня самого, то, как говорил один из бабелевских героев, “холоднокровнее” надо быть.

Брат Петька прочитал вторую часть моих “Блесток” и отозвался о них весьма благосклонно, хотя сделал ряд справедливых замечаний по стилю. Это очень важная для меня поддержка!

Телевизионный демарш Б. Н. Ельцина получил своё неожиданное продолжение. Два его заместителя, председатели обеих палат, несколько зампредов комитетов Верховного Совета России выступили со специальным осуждающим заявлением, часть российских депутатов настаивает на созыве внеочередного съезда народных депутатов РФ с отчётом Председателя Верховного Совета Б. Н. Ельцина. Словом, заварил Б. Н. кашу и теперь будет её расхлёбывать.

Но у него немало и союзников. Так, одна из газет написала: почему депутат от КПСС Сажи Умалатова может на съезде народных депутатов СССР потребовать отставки президента страны, а председатель ВС России сделать этого не может?

Тут, конечно, есть немалая доля публицистического лукавства: всё же у них (Умалатовой и Ельцина) разные и весовые категории, и, соответственно, несоизмеримые уровни ответственности.

Как бы там ни было, противники Ельцина сделают всё возможное, чтобы максимально использовать сложившуюся ситуацию и “свалить” его. Но может статься и так, что своим усердием они только упрочат его положение, как это уже не раз случилось.

22 февраля

В совхозе “Коскольский” третий месяц не платят зарплату. Касса хозяйства пуста, потому что работают тут плохо. Но самое поразительное — никто не жалуется на отсутствие денег. Люди живут за счёт своего подворья, у каждой семьи полно всякой живности. Сдают заготовителям молоко, бычков — на мясо и отнюдь не бедствуют — не в пример разваливающемуся совхозу. Более того — женщины не хотят идти на ферму доярками или телятницами, предпочитая заниматься домашним хозяйством. В конечном счёте оно для них — более надёжный источник существования.

Об этом прямо пишет в корреспонденции “Не пойти бы с молотка...” наш сборкор Г. Жаманбалинов. Где тут выход и есть ли он — неизвестно.

23 февраля

Продолжается война в Ираке... И она, как оказалось, прошла по судьбам наших земляков-строителей из Экибастуза. В Ираке они работали по контракту, неплохо зарабатывали, но вынуждены были вернуться, потому что никто уже не гарантировал им безопасности. Двое из них рассказывают о своём иракском житье-бытье в нашей газете и очень сожалеют, что их командировка прервалась так быстро.

Позвонила Людмила Клыкова из Чистополя — поздравила с днём рождения. Как всегда после разговора с близким человеком, затем спохватываешься: как жаль, что про это не спросил, а этого не сказал...

Вспомнилась наша суматошная встреча с однокурсниками в Алма-Ате в 1987 году, приуроченная к десятилетию окончания университета: Любка Власова, Хохол — Юрка Павленко, Людка Яшная, Толя Егоров, Касым — Юрка Иманбердиев, Ирка Круч, Алия Нугманова, Володя Федосенко, Игорь Денисов, Дмитровские — Васька и Наталья, брат Шура — Сашка Водолазов, Ольга Андреева.

Мы с Толей Егоровым и Ольгой Андреевой ездили ночью в аэропорт встречать Людку Клыкову. Я зачем-то нацепил галстук... Встретив её, никак не могли найти дом Надьки Пятковой, где нас ждали все остальные.

Кажется, так давно всё это было, а вот позвонила Людка, и всё сразу всплыло в памяти, встало перед глазами...

Посмотрел по карте: где оно, это её Чистополье? Мы ведь граничим с Кокчетавской областью — может, по соседству? Оказалось, нет — это почти на противоположной стороне их области, и проскочить туда “по пути” никак не удастся. Остаются письма и телефонные звонки друг другу — такие редкие...

26 февраля

Торговля объявила о нововведении, которому многие наверняка будут рады. Теперь по талонам на водку можно купить (вместо неё) полкилограмма “сахаристых изделий” (так написано) — халвы, конфет, восточных сладостей (что будет в магазине) или 250-300 граммов чая, или банку растворимого кофе, или полкилограмма сыра, или столько же майонеза, или четыре пачки пищевой соды, или две банки рыбных консервов...

Да, тяжело зато теперь придётся нам, пьющим: я, например, раньше мог отовариться горячительным за непьющих жену и мать, а теперь как бы они сами в интересах семьи не замахнулись и на мою долю... Одна надежда — на тотальный дефицит того, что предлагается взамен водки.

Даём большой отчёт с обкомовского семинара-совещания секретарей парторганизаций. Заголовок — “Преодолеть окопный синдром” — комментарий не требует...

Узнал из нашей газеты о том, как много людей кончают жизнь самоубийством. Оказывается, есть и такая статистика... 1984 год — 81 тысяча человек, 1985 — 68 тысяч, 1986 — 53 тысячи, 1989 — 60 тысяч. У нас в стране на 100 тысяч населения в среднем приходится 22 самоубийства — это вдвое больше, чем совершается убийств на 100 тысяч населения.

В России отношение к самоубийцам всегда было традиционно отрицательным. Так, по церковным канонам их даже хоронить полагалось за оградой кладбища. В одном из документов, узаконенном Петром Первым, говорится: “Палачу тело самоубийцы отволочь в нечистое место и закопать, а до этого проволочь тело по главным многолюдным улицам”.

Я знаю, что мысли о самоубийстве не раз посещали мою бабушку, Марию Петровну, которую никак не назовёшь слабодушным человеком. К тому же она была глубоко верующей... Но ведь задумывалась же об этом грехе и даже не раз со мной делилась такими мыслями.

Наверное, немного найдётся людей в зрелом возрасте, которые бы никогда не помышляли о подобном. В развитых странах существуют специальные службы, призванные помочь людям в такие отчаянные минуты. У нас в Павлодаре год назад создана служба “Телефон доверия” (мы о ней уже писали), в неё в прошлом году обратились “с суицидальными намерениями” около 50 человек. А ведь звонят и просто отчаявшиеся люди, которым зачастую не к кому прийти со своим горем...

Врачи говорят, что одна из самых распространённых причин самоубийств — тяжёлое, глухое одиночество.

Вечером мне позвонил домой депутат-демократ В. Галенко. И вот какой странный у нас с ним вышел разговор.

— Правда ли, что у вас есть компромат на председателя местной социал-демократической ассоциации? — спросил он.

Я сразу понял — откуда ветер дует. Этот самый председатель вышел во второй круг выборов депутата горсовета — вместе с первым секретарём Павлодарского горкома партии М. К. Дуйсембаевым. И меня, кстати, уже просили поддержать “товарища по партии” в нашей газете. Я ответил Галенко, что о компромате на его демократического собрата впервые слышу.

— А если дадут — будете печатать? — не отступал он.

— А что — есть серьёзный компромат? — спросил я.

— Ну, за 50 лет на любого человека что-нибудь да найдётся, в том числе и на нас с вами, — заметил Галенко.

— Вы-то у нас точно вне подозрений — как жена Цезаря, — в тон ему сказал я, — а на меня наверняка найдётся.

— Так будете печатать или нет?

— А вы бы взяли на себя какие-то обязательства, не зная сути дела?

Наступила короткая пауза, после чего Галенко опять пошёл в наступление:

— А Дуйсембаева будете печатать?

— Почему бы и не поддержать товарища по партии в партийной газете, — отвечал я как идеологически стойкий партиец.

— И что, у вас уже в завтрашнем номере идёт такой материал? Мне говорили, он уже заслан?

— Спице спокойно, Валерий Павлович, — отвечал я, — во всяком случае, сегодня: нет у нас ни материала, о котором вы спрашиваете, ни компромата на вашего соратника.

На том, как говорится, и попрощались. Между тем два дня назад ко мне приходил Сергей Горбунов и спрашивал: можем ли мы дать материал о кандидате в депутаты горсовета, не шибко упирая на его социал-демократическую принадлежность? Речь шла о том самом человеке, о котором мы только что говорили с Галенко.

— Серёга, — отвечал ему я, — а ты как думаешь: можно ли одновременно дуть и втягивать в себя воздух?

И потом открытым текстом пояснил ему, какова сегодня раскладка сил в обкоме и моё положение в бюро, где я остаюсь практически в гордом одиночестве.

Тут даже Горбунов всё понял, а присутствовавший при разговоре Штарк задумчиво добавил, как хорошо было бы дать материал об обоих кандидатах, да ещё рядом, на одной странице.

Говорил с одним из председателей сельских райисполкомов. Он весьма скептически отзывается о первых шагах Б.В. Исаева: кроме уже надоевшей второй коровы на личном подворье и добротного дома для крестьянина, в его речах пока ничего не звучит.

Ещё жаловался на Шакиримова: час просидел в приёмной (тот принимал у себя Дуйсембаева), но так и не дождался аудиенции. Говорит, что “эти душевные беседы” стали постоянными, а те, кто приезжает из районов, по несколько дней не могут пробиться к первому зампреду облисполкома.

Газеты партийной ориентации продолжают ругать Ельцина. Внеочередной съезд народных депутатов РСФСР назначен на 25 марта, после референдума

о судьбе СССР. В последнем, как я понял из сообщения, прозвучавшего сегодня по ЦТ, не собираются участвовать шесть или семь республик.

27 февраля

Директор тракторного завода В. И. Власов (завод теперь именуют тракторостроительным объединением) назначен министром промышленности республики. Давненько уже из нашей области не было выдвижений на руководящие республиканские посты.

В. И. Власов, кстати, работает на заводе с конца 1988 года — после неудавшихся выборов директора тракторного. Кажется, он с Алтая...

Б. В. Исаев избран депутатом областного Совета. Избирался безальтернативно, в Качирском районе. Теперь он может занять пост председателя облсовета, что, скорее всего, и произойдёт. Сессия уже назначена.

Опубликовали национальный состав жителей Павлодара. Всего населения в городе по данным переписи 1989 года 347576 человек. В том числе русских — 60,5 процента; казахов — 14,6; украинцев — 10,2; немцев — 7,4; татар — 2,5; белорусов — 1,5; дальше идут молдаване — 0,36; ингуши — 0,31... Всего же в Павлодаре живут люди 97 национальностей.

28 февраля

Сегодня моему отцу исполнилось бы 69 лет. Мог бы ещё жить да жить... Но постоянный душевный дискомфорт и образ жизни (неизвестно ещё, что повлияло на его судьбу больше) сделали своё дело.

Мне жаль ещё, что он не успел погордиться всеми нами — моей нынешней должностью (пусть мне самому она приносит больше неприятностей, чем радости, он всё равно был бы доволен мною), университетскими успехами брата Петьки; не увидел ещё одного своего внука — нашего Пашку...

Доживи он до этих пор, может, смог бы жить совсем иначе...

Опять уговаривали всем составом партбюро Горбунова одуматься, забрать заявление о выходе из партии. Приводили разные доводы, признавались в любви, говорили — осиротит нас, оставшихся, своим уходом. Толку, как и следовало ожидать, никакого.

Не знаю уж, чего было больше в его упорстве — истинной решимости, заблуждения или боязни показаться смешным (как это будет выглядеть, если он возьмёт заявление назад?) — факт остаётся фактом. Сказал: быть в партии — всё равно что верить в Бога, а он эту веру потерял, потому и принял такое решение.

Потом устроил демарш Н.П. Попов. Сказал, что выйдет из партбюро — в знак протеста: мол, в редакции не разделяют его принципиальных партийных позиций (в частности, Штарк тормозит его идеологически выдержанные материалы), а я не даю всему этому объективной партийной оценки... И далее — в том же духе. Я разозлился и ответил, что руководствуюсь в работе не столько партийными принципами, сколько здравым смыслом и моими представлениями

о порядочности; что у меня нет других корреспондентов, заведующих отделами и замов — надо работать с теми, кто есть; и что сам он, несмотря на все его достоинства, конфликтный человек. И пусть хорошенько поразмыслит над тем, что я сказал.

Тем не менее решил забрать его от Штарка к себе. Мне этого очень не хочется, но иного выхода нет.

Выпустили вчера газету в газете “Павлодар и павлодарцы”. Вроде неплохо получилось, но хоть бы кто-нибудь позвонил — сказал спасибо. Один Л. Л. Хмельницкий оценил наше усердие, нашёл ободряющие слова.

Правда, звонок из горисполкома всё же был, но особого рода — с просьбой дать обращение трудового коллектива, где работал кандидат в депутаты Ермоленко (тот самый, социал-демократ, соперник Дуйсембаева). Бывшие коллеги решительно протестуют против его выдвижения: не работает уже несколько месяцев, ведёт предвыборную борьбу, только числится болеющим. Я сказал: хватит того, что мы дали материал о Дуйсембаеве.

Как члену бюро, мне дали на читку доклад, который должен прозвучать на пленуме обкома. Впечатление удручающее: в докладе — прямой возврат к хозяйственным делам, раздача поручений облисполкому, облагропрому и т. д., персональная критика в адрес партторгов хозяйств, где получили мало телят (как будто партторги сами должны осеменять коров), и т. д. и т. п.

Хочу прямо сказать на заседании бюро, что такой доклад — это не прогресс и не новый подход, а откат к прошлому. Ведь если бы было так просто: обком взял в свои руки хозяйственные дела — и всё сразу закрутилось. Но этого не будет. “Крутить” всё наше хозяйство, экономику должен совсем другой механизм — хозрасчёт, личный стимул, новые экономические связи, а не первый секретарь обкома и его аппарат. Понятно, что нынешнее состояние экономики (да и дисциплины тоже) никого устроить не могут. Но ясно же, что рычаги, которые у нас пытаются включить, работать не смогут.

Кажется, уже писал о неистребимом племени дачников. Они не перестают меня удивлять. В одном только Павлодаре почти 40 тысяч дач. Они обеспечивают картошкой, овощами, фруктами и ягодами почти половину населения города.

А все дачники области в прошлом году одной картошки накопили 25 тысяч тонн (интересно, кто и как это подсчитывал?) — это больше, чем закладывается на хранение во всех городах области.

Мы бы давно пропали без дачников, которые кормят себя и своих близких, да ещё часть “сторонних” горожан впридачу. Но оказывается, спрос на дачные участки далеко не удовлетворён — только в Павлодаре подано почти 23 тысячи заявлений на новые земельные наделы под дачи. И теперь областное и городское начальство ломает голову над тем, где взять столько земли, ведь Павлодар уже и так “опоясан” зелёным дачным кольцом со всех сторон света.

Людмила Ермолина ездила в мой родной Железинский район — в село Славяновку, где похоронен “афганец” Андрей Дунаев. Его БТР подорвался на mine; а

последнее письмо от Андрея родные получили через два дня после его похорон: “Служба идёт нормально. Катаюсь на БТРе; люблюсь местными пейзажами. Со мной ничего не случится...”.

После похорон Андрея его старший брат Сергей, которому уже было 26 лет, поехал в военкомат, просил направить его в Афганистан — водителем бронетранспортера в ту же часть, на место Андрея. Трижды обращался, однако ему отказали.

И правильно сделали (это я уже от себя добавляю)...

Да... Где затерянная в благодатнейшем краю, среди берёзовых околков Славяновка, а где Афганистан? Разве можно объяснить родителям Андрея — за что погиб их сын? И что им теперь орден, которым его посмертно наградили?

2 марта

Тихая суббота... На улице мороз градусов под двадцать, а на солнце уже подтаивает. Скоро весна...

Вчера у нас было партсобрание. Обсуждали ситуацию в редакции после выхода из партии Гришиной и Горбунова — ведущих журналистов, членов редколлегии. Я сам попросил всех коммунистов высказаться. Вот эти суждения...

Семерьянов: заявление Горбунова его глубоко задевает, обижает, а тем более — сотрудничество с новоявленной газетой “определённого толка”, “поливающей” нашу газету. С. — за решительные меры в отношении Г. — вплоть до вывода его из редколлегии.

Попов: общество раскололось, и люди оказались по разные стороны баррикад. Вот и нам всем пора определиться — с кем мы.

Штарк: наш разговор приобретает опасный крен, и мы это в своей истории уже проходили. Люди имеют право на свободу выбора. Порвав с партией, Гришина и Горбунов не стали писать хуже, не утратили профессионализма...

Штарку также не по душе сотрудничество Горбунова с “Павлодарской газетой”, но принимать к коллегам какие-то меры по политическим мотивам он считает неправомерным. Иначе мы рискуем потерять самое дорогое, что имеем — нормальную стабильную обстановку в редакции.

Побережников: мы запоздали с этим разговором, а выход из партии наших двух журналистов лишний раз свидетельствует о том, насколько глубокий кризис переживает общество. Тем не менее он против поспешных действий — они ещё больше могут развести нас, а этих двух увести в другой лагерь.

Воронов (подчеркнул, что говорит не для протокола): хорошо нам тут рассуждать, а Поминова спросит бюро обкома — какие меры ты принял к ним обоим? Что он ответит? Тогда к нему самому примут меры.

Как бы там ни было, обмен мнениями считаю полезным. Решил для себя: с обновлением редколлегии, как и с “мерами реагирования”, — не спешить. Всё же редакция — не орден меченосцев, а живой организм, состоящий из личностей. И это надо учитывать в первую очередь.

“Московские новости” дали короткую заметку: член ЦК КПСС, бывший советник М. С. Горбачёва (как президента) подал заявление в первичную парторганизацию о выходе из партии. Это его ответ на решение недавнего пленума ЦК КПСС о том, что “вопрос об ответственности члена ЦК Шаталина будет рассмотрен после его выздоровления”. Ш. на том пленуме не было, а накануне он выступил в

газетах с двумя крупными статьями, критикующими Горбачёва и объясняющими, почему сам Ш. порвал с ним...

Вот так. Был союзником и первым советником по экономическим вопросам — стал противником. А мы ещё чего-то хотим от наших журналистов, тихомирно покинувших партию.

Намечается идеологическое совещание в ЦК Компартии Казахстана с участием редакторов республиканских и областных газет. Мне предложено выступить на нём. Сказать есть что... Да ведь своей откровенностью в таких случаях я, кроме неприятностей, до сих пор ничего не зарабатывал.

3 марта

Наконец прочитал программную речь Горбачёва, произнесённую им в Белоруссии. Никогда ещё он не высказывался о демократической оппозиции так жёстко. Почти во всех случаях слово демократы взято в кавычки. Недвусмысленно сказано о программных целях оппозиции — устранение с политической арены нынешних Советов, и в первую очередь Верховного Совета и Президента СССР, изменение политического строя. Методы борьбы оппозиционеров — митинги, забастовки, акции гражданского неповиновения — названы антиконституционными. Дважды в речи встречается упоминание о гражданской войне: если эти силы (оппозиция. — Ю. П.) продолжат действовать по принципу “чем хуже — тем лучше”, то могут привести к подобному исходу. Названы идеологи оппозиции — Г. Попов, Б. Ельцин. Первого Горбачёв обвинил в том, что он предлагает раздробить Союз на 40-50 государств.

Видно, “достали” Горбачёва демократы, а союзников, похоже, поубавилось...

“Комсомольская правда”, в свою очередь, анализирует недавнее заявление Ельцина по ЦТ и во многом солидаризируется с ним: а что, мол, оставалось делать Председателю Верховного Совета России, когда все его попытки наладить жизнь в республике блокируются центром?

Как во всей этой идеологической мешанине разобраться нормальному человеку? Кому он должен служить, кому верить?

Тем временем в Нагорном Карабахе, Южной Осетии опять стрельба с обеих противоборствующих сторон и многочисленные жертвы.

4 марта

На заседании редколлегии “разбирались” с Горбуновым — за его сотрудничество с “Павлодарской газетой”. Насовали ему полную пазуху — Гришина, Марчевский, Семерьянов...

Когда Горбунов сказал, что отдаёт туда только те материалы, которые по каким-то причинам не идут у нас, не выдержал даже Штарк и в деликатных, но вполне определённых выражениях дал понять: это не дело. А кто-то и вовсе заметил, что у Серёги — каша в голове.

Так что настроение членов редколлегии он, конечно, почувствовал, и когда мы остались вдвоём, с обидой сказал: мы его выталкиваем из конторы. Это чушь, ответил ему я: речь — об элементарной чистоплотности, надо же разбираться — с какой компанией водиться.

Пусть Серёга поразмыслит обо всём этом на досуге и не ведёт себя как та девица, которой хочется и удовольствие получить, и невинность соблудить.

5 марта

Экономический кризис добрался и до футбола. Под вопросом дальнейшее участие павлодарского “Трактора” в чемпионате СССР. Даже при том, что все игры с участием наших футболистов проходят при переполненных трибунах, на содержание команды в этом году требуется дополнительно свыше полумиллиона рублей. Причина — стремительный рост цен — на переезды, проживание, питание, форму, пользование стадионами и т. д. и т. п.

В качестве крайней меры решено бросить шапку по кругу — областная федерация футбола и горспорткомитет публикуют у нас в газете номер счёта, на который могут перечислять деньги все, кому небезразлична судьба павлодарского футбола.

6 марта

Обсуждали на партийном собрании “меры по решению январского пленума ЦК КПСС”. Пленум, как известно, потребовал от всех коммунистов и парторганизаций активизации работы, отстаивание идейных позиций партии, объединения усилий и т. д. А мы на собрании переругались.

Началось с того, что Штарк, курирующий в редакции партийную тематику, назвал эту нашу линию в газете консервативной; сказал, что мы потакаем партаппаратчикам, хотя должны придерживаться принципа: коммунистом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан... Конечно, тут был камень и в мой огород... Я ответил, что стараюсь проводить линию политического центра. Иногда это удаётся, иногда — нет, но я и впредь намерен это делать.

Меня поддержал Шевченко — в том смысле, что он сам был в редакторской шкуре, и знает — невозможно редактору быть выразителем сразу всех точек зрения; редактор вынужден действовать исходя из реальной ситуации и по мере возможности аккумулируя все пожелания...

Потом Шевченко покритиковал уже Штарка, а тот ему отвечал, и уже мне пришлось выступать в роли миротворца...

Как плохо, когда идейные споры застят у нас в глазах свет на всё остальное!

А той же ночью мне приснился кошмарный сон: будто я сам по совместительству работаю ещё и в “Павлодарской неделе”. Мне очень неудобно от этого перед всеми и перед самим собой тоже. Но я ничего не могу поделать... Потом всё же решаюсь уйти... А перед этим беседую с А. М. Ажибаевой всё в той же чуждой мне редакции, в каком-то неухоженном помещении. А. М. сидит в какой-то поношенной облезлой шубе и валенках.

Проснулся чуть ли не в холодном поту. И привидится же такое!

7 марта

Милиция разыскивает некоего Сыздыкова. Каким-то образом он входит в доверие к людям, уверяя, что за небольшую мзду может помочь им купить дефицитную мебель и даже получить квартиры. Среди очередных восьмерых обманутых — не только “простые” водители, каменщик, рабочий кооператива, но и инженер, и даже руководитель одной из областных организаций. Каждый из них добровольно отдал аферисту от 3,5 до 19 тысяч рублей. Что происходит с людьми? Почему они пускаются в подобные авантюры? Можно было бы сказать, наверное — и поделом, раз хотели получить “своё” в обход правил... Но всё равно их жалко: денег им уже не вернуть, даже если мошенника поймают.

Опубликовали проект закона о Союзе суверенных республик. Основные принципы: первое: каждая республика — участник договора — является суверенным государством; Союз ССР — суверенное демократическое государство... Второе: республики, образующие Союз, сохраняют за собой право на самостоятельное решение всех вопросов своего развития...

Союз же осуществляет свою власть в пределах полномочий, которыми его наделили участники договора.

По логике всё вроде правильно, но вряд ли такой Союз будет по-настоящему дееспособным...

Публикуем образцы бюллетеней для голосования на референдуме — на двух языках: казахском и русском. В соответствии с решением Верховного Совета республики вопрос поставлен так: “Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза ССР как Союза равноправных суверенных республик?”. Хотя съезд народных депутатов СССР утвердил такую формулировку: “Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которых в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?”.

Наши парламентарии считают, что корректировка необходима, потому что отражает реалии дня. Противники “уточнения формулировки” говорят, что замена незаконна, из-за неё могут быть опротестованы итоги референдума.

Верховный Совет СССР обсуждал некоторые очередные радикальные шаги Б. Н. Ельцина — Председателя ВС РСФСР. В том числе выступление Б. Н., в котором он заявил, что уже с 16 марта будут возбуждены уголовные дела против тех, кто совмещает председательство в Советах с руководящей должностью в общественно-политических организациях (читай — КПСС).

Ещё Б. Н. заявил, что публикация проекта Союзного договора была противоправной, поскольку протокол согласований текста не подписал его заместитель Р. И. Хасбулатов.

Председатель ВС СССР А. И. Лукьянов в свою очередь продемонстрировал документ с подписями председателей палат ВС РСФСР и полномочных представителей 18 автономных республик, входящих в состав Российской Федерации.

Ну чем не театр абсурда?

8 марта

В честь праздника устроили в редакции торговлю дефицитами: постельным бельём, женскими пижамами и колготками, носовыми платками... Поднялся ажиотаж, наша прекрасная половина чуть ли не переругалась, но в конце концов все вроде остались довольны.

Объяснялся со Штарком — по поводу недавнего партийного собрания. На нас обоих оно произвело тягостное впечатление. Разговор был непростой, но уже спокойный. Меня не пугает, что на какие-то вещи мы с ним смотрим по-разному; но меня удивляет и зачастую расстраивает то, что я должен объяснить ему очевидное: редакторская позиция — искусство возможного; иногда я должен учитывать массу всяких обстоятельств, а не только пожелания и претензии

Штарка и Ковхаева... Договорились не накапливать взаимные претензии, а снимать их как только они появляются.

Говорил и с Ковхаевым — был у него в больнице, куда он попал с кровотечением после неудачно проведённой операции. Он в свою очередь высказал недовольство той частью недавней статьи С. П. Шевченко, где критикуется Ельцин: это, мол, центр во всём виноват — ведёт себя по отношению к республикам как слон в посудной лавке; это сам Горбачёв виноват, а валит всё на Ельцина... В тоне Ковхаева звучало явное раздражение.

Я же считал и по-прежнему считаю статью С. П. отличной, а Ковхаеву лишь сказал: мы живём в такое время, когда всё перевёрнуто с ног на голову и когда — что ни напиши — всегда найдутся готовые это оспорить и опровергнуть.

У меня самого такое ощущение, будто всё идёт к окончательному распаду нашей страны и всей нашей прежней жизни...

Ещё из плохих новостей: наши убытки в этом году могут составить не 238 тысяч рублей, как предполагалось, а больше миллиона — втрое по сравнению с заложенной в расчёты ценой подорожала бумага, выросла стоимость типографских услуг, пошли всевозможные “накрутки”... Такие расходы нам не покрыть никакой рекламой... Как мы будем выкручиваться?

16 марта

Вернулся из Алма-Аты, с идеологического совещания в ЦК Компартии Казахстана. Доклад заведующего идеологическим отделом ЦК был сделан в привычном русле... Критиковали “Казправду” — за шарахания и тенденциозность в освещении межнациональных отношений (последнего я за ней не замечал) и редактора Ф. Ф. Игнатова, упустившего в ней бразды правления. Вопрос обсуждался бюро ЦК, где Игнатов признал свои ошибки и подал заявление об уходе...

Фёдор Фёдорович, конечно, не ангел и “за воротник” в последнее время закладывал основательно, но... Дело, пожалуй, в другом. В “Казправде” собраны лучшие журналистские силы республики, люди успели глотнуть свободы и уже не хотят быть “приводными ремнями”. (В докладе говорилось: Вайдман, Дик, Куц, Квятковская превратили газету в свою вотчину). А редактор не в состоянии удовлетворить и ЦК, и контору, раз за разом проявляющую строптивость...

И вот — итог, скорее, закономерный, хотя и грустный...

Критиковали кустанайскую, карагандинскую областные газеты — в общем, за то же самое... Но как-то неубедительно; наверное, больше для острастки.

“ЗП”, к моему удивлению, похвалили и мне — одному из первых — дали слово. У меня был заготовленный текст, я его зачитал, изредка отвлекаясь для пояснений. Помимо прочего, говорил о том, что идеологизированная, “аппаратная”, зашоренная газета не нужна никому — ни учредителям, ни тем более читателю; обосновывал право партийных газет писать обо всём, быть открытыми для сопоставления разных точек зрения; сказал также, что жёсткая партийная опека над газетой (а сегодня всё чаще звучат тезисы о такой необходимости) вредна...

За эту часть моего выступления и зацепился секретарь ЦК и потом поправил меня: неправильно говорить об ужесточении контроля над газетами, там редакторы — коммунисты и должны нести ответственность за то, что делают; они также должны согласовывать свои действия с обкомами.

Уже после совещания мне дали понять: не исключено, что во время моего выступления меня “смотрели” на предмет возможного выдвижения в “Казправду” (не сказали, правда, в каком качестве), а я своим выступлением эти смотрины

основательно подпортил... Ну и хрен с ним — этим выдвижением: как говорит моя мать, семь лет мак не родил, и голоду не было.

Главный вывод, который я сделал после совещания: в ЦК хорошо понимают, что значит сегодня газета, и боятся потерять контроль над прессой. Жаль, однако, что там не понимают другого: областная газета сегодня должна обладать гораздо более широким, чем прежде, взглядом на жизнь, даже если это и не нравится первому секретарю обкома. А может, как раз наоборот — все всё понимают, поэтому действуют вполне осознанно: если ещё и наши газеты упустим, тогда партии точно конец! Не потому ли в докладе хвалили Джамбулский обком партии, поставивший на место редакцию областной газеты, восставшей против произвола секретаря обкома — самодура, и ругали центральные газеты, вступившиеся за редакцию? Никто не спорит, что соучредитель имеет права на свою газету, но ведь на самом деле суд вершат всего несколько человек из партийной верхушки. Хорошо, если они люди умные, здравомыслящие, совестливые. А если наоборот — не очень умны, необразованны, бескультурны? Как тогда быть редакции и редактору? У нас ведь всегда априори прав тот, кто выше по должности — читай секретарь обкома...

Справедливости ради надо заметить, что звучали на совещании здравые вещи, но все эти правильные слова тонули и растворялись в идеологических “привязках”. Всё сводилось главным образом к “озадачиванию”, а все наши вопросы о том, как экономически выживать газетам в нынешних условиях, остались без ответов.

На другой день нас, редакторов, принимал в своем “цэковском” кабинете Н. А. Назарбаев. И вот этой встречей я остался удовлетворён — без всяких оговорок; потому что на ней главенствовал дух политического реализма, а не идеологический накачки.

Назарбаев говорил, что идеологии социализма, как таковой, мы сейчас не имеем, да её никто и не разрабатывает. Поэтому его собственная идеология состоит из трёх пунктов: интернационализм (мирное сожительство людей разных народностей, или, как у нас говорят, дружба народов), сохранение Союза, переход к рынку. Он за деидеологизацию экономики: равенство в нищете — разве это жизнь? Что же касается опасений по поводу расслоения людей по уровням доходов, то это ведь было всегда, есть и теперь.

Н. А. Назарбаев настаивает на скорейшей приватизации промышленности, предлагая купонный метод, который учитывает трудовой вклад каждого и даёт всем равные стартовые условия.

Характерная деталь: с нескрываемым раздражением Назарбаев говорил о некоторых руководителях областей (не называя, впрочем, фамилий), не желающих “поступаться принципами” и занявших железобетонную позицию по отношению к рынку; твердящих о том, что мы тем самым предаём интересы социализма. Президент сказал нам, что не смог переубедить таких даже после двух-трёх бесед. (Я подумал в этот момент: на что же он надеется, если на местах — такие кадры, способные похоронить не только его политику, но и его самого).

Второй раз раздражение звучало в голосе Н. А. Назарбаева, когда кто-то спросил: будет ли признана законной формулировка вопроса на референдуме о сохранении Союза, предложенная парламентом республики, а, следовательно, и результаты самого референдума? (Напомню, что наши парламентарии основательно “подправили” формулировку вопроса, выработанную съездом народных депутатов СССР).

Назарбаев ответил, что это дело суверенной республики — назначать референдум, и “наша” формулировка более приемлема; хватит дискутировать на эту тему — надо обеспечивать проведение самого референдума.

Н. А. Назарбаев считает, что нужно как можно быстрее подписывать Союзный договор — тем, кто согласен, а когда подписавшие начнут на особых условиях строить отношения с оставшимися, те и сами быстро поймут, что к чему.

Ещё Н. А. говорил, что окружение Горбачёва всё время тянет его вправо, а не в центр, как тот сам утверждает.. Интересно, понимает ли Н. А., куда его самого тянет партийное окружение? Судя по разговору с нами — понимает отлично. Как говорил мне в приватной беседе один из соборов центральных газет, Н. А. всё более теряет интерес к партии, не видя в ней реального союзника на пути к рынку, и всё более сосредоточивается на президентстве. Но нельзя же не учитывать, что сегодня погоду на местах делает власть партийная, а не советская. Скорее всего, нашему Президенту придётся непросто, хотя держится он хорошо.

И всё же сидит у меня в глубине души червячок сомнения: есть некое ощущение того, что наш уважаемый Президент пребывает в состоянии некоей эйфории от всего произошедшего в последнее время — провозглашённого суверенитета, своего президентства, несомненного роста собственной политической популярности в Казахстане и за его пределами...

Понятно, тут у любого может закружиться голова... Но очень хочется, чтобы в данном конкретном случае этого не произошло.

Прилетая всякий раз в Алма-Ату, я еду из аэропорта в город по Красногвардейскому тракту (теперь эта улица, правда, называется иначе) и всегда вспоминаю добрым словом Надю Пяткову... Здесь, неподалёку от бывшей остановки “Автобаза”, мы с Сашкой Водолазовым жили у Нади на веранде, когда поступали на журфак КазГУ. Общежития нам тогда не дали, посоветовав снять на время экзаменов жильё. А Надя сдавала документы вместе с нами... Узнав, что она алмаатинка и живёт в собственном доме, мы тут же стали набиваться к ней в квартиранты... И она взяла нас, хотя впервые видела. Такие были времена, и такой она была человек!

Доверила нам свой паспорт, по которому мы взяли напрокат спальные мешки и надувные матрацы, а затем прекрасно обосновались у неё на веранде. По утрам нас будило солнце, а Надин скромный огород с цветущей картошкой напоминал мне родной дом. Разумеется, никаких денег она с нас не брала, ещё и подкармливала, пока и нам не нашлось место в общежитии...

А потом мы учились в одной группе, пока не разлетелись — кто куда. Много лет спустя Надя побывала у нас в Павлодаре... Она даже обижалась, когда я напоминал, как мы с Сашкой когда-то у неё квартировали: мол, человек совершил нормальный поступок, а ты его за это превозносишь; что же, во мне больше вообще ничего хорошего нет? Я обещал ей, что больше не буду, но при всякой новой встрече опять про это вспоминал. И всегда буду вспоминать, приезжая в Алма-Ату.

Добавление из октября 2006 года. Нади Пятковой не стало в конце сентября 2006 года... В тот год умерла наша однокурсница Галя Агафонова, а с полугода спустя Надя — чистая, незлобивая душа... Вечная им обоим память.

Только вышел после приезда из Алма-Аты на работу — сюрприз. Б. В. Исаев решил выступить в газете со статьёй, посвящённой завтрашнему референдуму.

И всё бы ничего, если не иметь в виду, что за предыдущие десять дней у нас уже опубликовались по этому же поводу заведующая идеологическим отделом и второй секретарь обкома (в его статье речь шла о разных вещах, но и о референдуме тоже). И вот теперь, через день после второго секретаря, в газете — первый. Ну есть ли у людей политическое чутьё и элементарное чувство меры?

Мы сами писали о референдуме целый месяц из номера в номер, ввели специальную рубрику, разработали анкету, опубликовали уйму обращений разного рода, образцы бюллетеней.

И вот сижу — читаю оригинал: "... Её (партию. — **Ю. П.**) приучают спокойно относиться к искусственно насаждаемому за счёт трудящихся классу предпринимателей... КПСС вовремя не сумела рассмотреть начала перерождения перестройки... Надо остановить рвущихся к власти "демократов" всех мастей, которые давно уже похоронили в своих мечтах социалистическое государство и видят его только как конгломерат 15 национальных удельных княжеств... Идее референдума противятся реакционеры, которые сбросили с себя маски демократов. Их идеология — антикоммунизм, под знаменем которого они собирают наследников свергнутых классов, националистов, дельцов теневой экономики, карьеристов, которые не сумели сделать карьеры на коммунизме, заворовавшихся хозяйственников и просто обманутых демократической демагогией людей..." И т. д. и т. п.

Досталось в статье Ельцину, "который науськивает прокуроров на тех председателей Советов, которые не подчиняются рассылаемым им эмиссарам", Солженицыну, "который всех нас разделил на хозяев земли и инородцев..."

Честное слово, я не поклонник демократов типа Ландсбергиса, Гамсахурдиа и даже Ельцина, но стричь всех под одну гребёнку, всех скопом "закавычивать" в "так называемых" по меньшей мере неразумно. И, насколько я знаю, таких "так называемых" в нашей области нет... Кого же тогда "несёт" в своей статье наш партийный лидер за день до референдума и за несколько дней до сессии облсовета, где его будут избирать председателем? Тем более что на этом посту он обязан будет сотрудничать не только с товарищами по партии, но и с несогласными...

Так что если и надо было давать статью, то совсем в другой тональности; у нас ведь ситуация совсем другая, нежели в Прибалтике, Грузии или Москве...

Рука потянулась к телефонной трубке — позвонить, возразить, попытаться переубедить... Потом подумал: а зачем? Вряд ли ему интересно моё мнение — в противном случае сам бы позвонил и сказал: посмотри, может, будут замечания? А меня поставили перед фактом — может, даже намеренно, зная, что буду возражать.

Звонить — значит опять нарываться на неприязни.

Ещё раз просмотрел текст и убедился: духом непримиримости и даже агрессии по отношению к "так называемым демократам" пронизана вся политическая часть статьи. Поправить её вряд ли было возможно...

Главная беда нашего времени, как мне кажется, в том, что мы опять, как в далёкую революционную пору, изо всех сил делим страну на два лагеря. И особенно усердствуют при этом непримиримые идейные лидеры типа Полозкова, с одной стороны, и Ландсбергиса, Гамсахурдиа и в известной мере Ельцина — с другой. А такие как я, которым не по душе ни те, ни другие, и которые поэтому не хотели бы быть ни с теми, ни с этими, оказываются между двух огней, вызывая недовольство с обеих сторон. И если в конце концов большинство окажется не в центре, а на противоположных противоборствующих полюсах, то это может закончиться трагедией. Потому что "края", похоже, лишены не только чувства меры, но и разума — тоже. Вместо того чтобы попытаться хоть как-то договориться и вместе начать хоть куда-нибудь двигаться, они всё больше втягиваются в политическое противоборство, в котором, скорее всего, не окажется победителей.

Мне политика представляется разновидностью наркотика. Да, это наркотик, особенно для людей, дорвавшихся до власти. Их политические амбиции им застыт свет, и они подчас не разбирают — где чёрное, а где белое; где добро, а где зло; где “можно”, а где “нельзя”. Вот уж воистину: прости им, Боже, ибо не ведают, что творят. А если ведают? Тогда выходит: кого Бог хочет наказать, того лишает разума.

Публикуем разъяснения авторитетных правоведов СССР и Центральной избирательной комиссии по проведению референдума о том, что формулировка вопроса, предложенная казахстанскими парламентариями, совместима с “союзной”, а потому результаты голосования в Казахстане будут законными.

Володя и Валера Бугаевы стали участниками международного фотосалона в Португалии. Не сами, к сожалению, а по две их работы.

Директор Павлодарского вино-водочного завода А.Н. Островой рассказывает в нашей газете о том, что ему пришлось пережить в пору известной кампании по борьбе с пьянством, и о нынешней ситуации на предприятии.

В те отнюдь не давние времена его по два-три раза в год снимали с работы: за то, что отказывался бить бутылки, уничтожать оборудование, сворачивать производство, перепрофилировать завод в кондитерскую фабрику. Говорит — сам не знает, как уцелел.

Кажется, впервые директор обнаружил факт: 93 процента выручки от продажи водки идёт в местный бюджет, в прошлом году эта сумма составила почти 158 миллионов рублей.

Оказывается, выгодны и коммерческие магазины по торговле спиртным, особенно ночные, когда в бюджет области уходит 80 процентов выручки (при дневной “коммерции” — только 40, таков закон).

Но, может, и отчасти лукавит Александр Николаевич, когда говорит об исключительно отрицательных последствиях злополучного горбачёвского указа по борьбе с пьянством. Именно после него — как альтернативу водке — завод стал налаживать производство мармелада, ириса, горчицы и даже хрена. И с помощью того же мармелада завод отчасти решает острейшую проблему дефицита стеклотары: сдаёшь пустые бутылки — получаешь (правда, только в специализированных магазинах) дефицитный мармелад.

Так мы сегодня живём... Директор завода обещает увеличить и производство водки, но насытить ею местный рынок полностью предприятие пока не в состоянии.

19 марта

Вчера стали известны итоги референдума. За сохранение Союза проголосовало 94,5 процента избирателей области, а приняло участие в референдуме 87,4 процента избирателей. Как пишет наша газета, сказали Союзу “да” 477411 человек, “нет” — 23330; 4469 бюллетеней признаны недействительными.

По Казахстану в референдуме участвовало 88,2 процента граждан, внесённых в списки, за Союз высказались 94,1 процента. При этом разброс голосов по

областям довольно оцутим: больше всего приверженцев Союза оказалось в Талды-Курганской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областях — соответственно 96,3; 95,9; 95,7 процента, а противников сохранения Союза было больше всего в Ленинске — 12,6, Мангистауской области — 8,7 и в Алма-Ате — 8,4 процента.

Данные по Союзу в целом пока только предварительные, но они впечатляют: более 113 миллионов человек (или 76,4 процента) из 148 миллионов пришедших на участки высказались за его сохранение в обновлённом виде. Однако при этом шесть республик — Латвия, Литва, Эстония, Молдова, Грузия, Азербайджан — в голосовании не участвовали. Таким образом, не столько их население, сколько нынешние руководители также выразили своё отношение к Союзу.

В тот же день состоялся ещё один референдум — российский, на котором россияне проголосовали за введение поста президента в РСФСР. Послужит ли это сохранению и упрочению Союза? Не уверен, ведь ясно, кто первый претендует на президентский пост в России...

В нашем обкоме результатами референдума довольны и — редкий случай — поблагодарили редакцию “ЗП” за активное содействие.

По конторе гуляют слухи о моём скором повышении...

Сегодня прибежала Людмила Ермолина с выпученными глазами:

— Правда, что тебя забирают редактором “Казправды”, а к нам придёт Бабин?

Пока я её разубеждал, пришёл Сергей Горбунов и, ничего не спрашивая, солидно заявил:

— Надо идти — перестраивать и эту контору. Да и наши пусть встрепенутся, а то некоторым уж слишком вольготно живётся за твоей спиной...

Пытался отшучиваться: куда же я, мол, из “Звезды”, да и с тобой расставаться не хочется...

Вечером позвонил домой В. М. Воронов:

— Ну что, уходишь? Соглашайся — сюда всегда сможешь вернуться...

И смех, и грех... Но, может, и хорошо, что верят в эту пока ни на чём основанную версию. Пусть кое-кто и кроме меня задумается о своём будущем... Мне же (не знаю уж — к счастью или наоборот) никаких предложений ниоткуда не поступало.

Вчера на “летучке” критиковали статью С. П. Шевченко — Горбунов, Штарк, Гришина. Первые двое считают её консервативной, а третья — весьма несовершенной. Я пребывал в некоторой растерянности, потому что считал — она будет принята хорошо. Поскольку я сам готовил эту статью к печати, сказал: всё же С. П. писатель, известный в области человек, а потому имеет право на собственную точку зрения. Есть что возразить по существу — пишите, может, и опубликуем.

На заседании бюро обкома партии обсуждали, как Майский райком партии способствует развитию новых форм хозяйствования. Впечатление — удручающее. Уцепившись за одну цифру из отчёта — 94 процента всех производственных подразделений района перешли на аренду, — Б. В. Исаев методично (и вполне справедливо) “разложил” первого секретаря райкома и председателя райисполкома. На обоих было жалко смотреть.

Правда, “разноса”, как и оргвыводов, не последовало, но у меня осталось ощущение, что отчитывающиеся так и не поняли — за что их критиковали и что им теперь делать.

Потом речь зашла о докладе первого секретаря на предстоящем пленуме обкома партии (он был нам роздан для ознакомления). Б. В. Исаев спросил — есть ли замечания? Все молчат, а я вылез: доклад будет опубликован, это политический документ, а в нём такие, например, выражения: “облаять президента”, “жрали и сожрали”, “стукнуть кулаком по столу”, “прицукнуть”. Тут же прозвучала гневная тирада Б. В.: чего мы, мол, боимся, всё стараемся пригладить, я вообще человек крайностей (это Б. В. о себе). Я с трудом вставил одну-единственную фразу: вы ведь сами спросили, вот я и сказал о своих сомнениях. Б. В. пошёл на уступку: в газете эти выражения можно опустить, но на пленуме он их всё равно скажет. Я опять вылез: в той части доклада, где перечисляются хозяйства, получившие мало телят, за каждым в скобках — фамилия парторга. Такого не было даже во времена застоя, а теперь партия и вовсе отходит от чисто хозяйственных дел. Б. В. опять со мной не согласился: сколько можно бить бедных директоров — пусть на этот раз и парторги почувствуют свою ответственность.

Так мы с ним помаленьку препирались, хотя, вернее, это был его монолог, в который я время от времени пытался вставить одну-две фразы...

После заседания бюро А. М. Ажибаева, когда мы вдвоём шли по коридору, сказала с досадой:

— Сколько ещё вас можно учить...

... А день спустя мне позвонил Б. В. Исаев и в несколько неуклюжей форме сообщил, что он внёс коррективы в свой доклад. Там, где он призывает партию заявить о себе и, коль она правящая, стукнуть кулаком по столу, появилась правка: “стукнуть не вообще, а на всякого рода разгильдяев и всевозможную контру”.

Что тут скажешь!

Убрал он, правда, “жрали и сожрали”, зато добавил следующее: “Идейные противники всё более заявляют о себе как “демократическая контра”... Они мутят мозги народу идеологической марихуаной, встали на службу империализму”.

А вот что-то в этом духе я уже читал...

Б. В. Исаев — бесспорно, эрудированный человек, он умеет говорить ярко, образно. Иногда, на мой взгляд, даже слишком образно. Я сохранил — как образец — “Казахстанскую правду” с его выступлением, ещё в ранге председателя республиканского Комитета народного контроля, на пленуме ЦК Компартии Казахстана по идеологическим вопросам. Вот они, эти строки:

“Наш корабль перестройки, как тот “Летучий голландец” — на всех парусах, но без рулевых (теперь уже не поют “Партия — наш рулевой”), взлетает и падает на крутых волнах перегласности в штормовом океане передемократии, рискуя разбиться о рифы переплюрализма, а зелёные берега перепроизводства ещё так далеки”. Каково? Но это ещё не всё. Далее в его речи фигурируют “политические тараканы и экономические клопы, которые яростно принялись кусать партию, советскую власть...”. Их оратор называет “демократической контрой”, а их идеи — “идеологической марихуаной”.

Со столь подкованным во всех отношениях партийным секретарём не шибко поспоришь... И я уже не рад был, что вылез на заседании бюро обкома со своими замечаниями по его докладу...

Пленум обкома прошёл без эксцессов. Старые партийные кадры, проверенные временем, во время доклада Б. В. привычно дремали, почти не реагируя на весьма экспрессивные выражения оратора (и чего мы с ним копыя ломали, подумал я).

Отличился председатель Индустриального райсовета С. Б. Алибаев, назвавший популистским и провокационным поступок бывшего председателя Павлодарского горисполкома А. Б. Аубакирова, подавшего в отставку на прошлой сессии облсовета. Хотя мотивы поступка последнего, мне кажется, были ясны всем.

На сессии облсовета избирали нового председателя. “Несогласные”, как водится, пытались бузить. Галенко предложил ещё до выборов обсудить вопрос о возможности совмещения постов председателя облсовета с должностями в партиях (не только в коммунистической!) и общественных движениях.

Представитель Президента, государственный советник К. Т. Турьсов огласил послание Н. А. Назарбаева, рекомендующее избрать председателем облсовета Б. В. Исаева.

Б. В. выступил с программной речью, ответил на вопросы, в том числе и неудобные. Депутатка Долотова напомнила ему историю с особняками. Да, было, отвечал он, всё делалось с разрешения тогдашнего руководства республики... Потом он сам принял решение переселиться в обычную квартиру.

Галенко спросил: почему в своей программе Б. В. говорит о консолидации, а в статьях призывает к крестовому походу против демократов, видя в них главное зло? Спрашивали также о возрасте, о мешеряковских перегибах, об отношении к выводам комиссии Шаханова. Держался Б. В., надо отдать ему должное, хорошо, уверенно — умеет общаться и с “неуютной” аудиторией.

Проголосовали так: “за” — 86, “против” — 40.

Большинство депутатов (81) также проголосовало за возможность совмещения должностей в советах и партиях.

Так что Б. В. может быть доволен, хотя результаты голосования говорят о том, что среди депутатов почти треть — его противники.

Дальше началась собственно сессия — доклад, прения, словом, скучная материя, рутина. Часть депутатов из демократического стана сразу потеряла к сессии всякий интерес и тут же ушла, что их тоже весьма красноречиво характеризует.

20 марта

Думаем, безработица — это где-то, у кого-то... А она уже и у нас... Ещё недавно процветающая фабрика “Павлодарбытмебель” — на грани остановки. Причина — отказ поставщиков (Сыктывкар, Пермь, Томск, Хабаровск, Владивосток) обеспечивать фабрику лесоматериалами. Почему? По решению правительства страны только нескольким министерствам гарантировано снабжение по выделенным фондам. Министерство бытового обслуживания, к которому относится “Павлодарбытмебель”, в этот список не вошло, и поставщики тут же разорвали с фабрикой даже уже заключённые договоры. Впрочем, они готовы их возобновить и заключить новые, если с ними станут расплачиваться валютой... А где ж её взять?

Запасов сырья у фабрики осталось на две-три недели. Пока что решено закрыть четыре её участка — в Баянауле, Иртышке, Ермаке, Краснокутске... Наверное, не избежать сокращений и на головном предприятии.

Хороший заголовок у материала о проблемах овцеводства в сегодняшнем номере — “Барана — в бараний рог?”

Любимый мною писатель Борис Васильев (“А зори здесь тихие”, “Не стреляйте в белых лебедях” и т. д.) поставил очень точный диагноз тому, что сейчас происходит: “Толпа требует не идей, а лозунгов, не логики, а обещаний, не призывов к размышлению, а угадывания её настроения”. Отсюда и успех многих ораторов на митингах.

22 марта

Публикуем пространные Указ Президента СССР о реформе розничных цен (они повышаются) и социальной защите населения и соглашения СССР и республик по этим вопросам...

Честно признаюсь — не читал...

Н. А. Назарбаев встречался в Караганде с шахтёрами и убедил их не бастовать до первого июля... Шахтёрам обещано выполнение выдвинутых ими требований. Решено добиваться передачи объединения “Карагандауголь” в республиканское подчинение, оставлять коллективам угольного бассейна пять процентов добываемого ими коксующегося угля для свободной продажи, увеличить поставки шахтёрам мясомолочной продукции. Всем желающим будет выделена земля под огороды и дачи.

А в России и на Украине большинство шахтёрских коллективов бастуют.

А у нас в области найден новый путь решения табачной проблемы. Агрономам садоводческих товариществ дано указание приобрести семена табака и снабдить ими всех желающих дачников, посвятив их во все тонкости агротехники выращивания этой культуры.

Происшествия — из разряда курьёзных. В магазине один из страждущих опохмела покупателей, не в силах дожидаться своей очереди, перепрыгнул через прилавок, схватил бутылку “Русской” водки и попытался убежать. Увы, был пойман...

А с привокзальной площади Павлодара был угнан... милицейский “УАЗ”. Угонщика “гаишники” настигли у посёлка Ленинский. Им оказался начальник отдела снабжения силикатного завода из Целинограда, которому понадобилось несколько запчастей для своего “УАЗа”.

27 марта

Публикуем очередной Указ Президента СССР — о компенсации вкладов населения в связи с единовременным повышением розничных цен. Вклады будут увеличены на 40 процентов, как и стоимость облигаций, находящихся у населения на руках. Конечно же, эта компенсация не покрывает потерь уже давно подешевевших сберкнижек, но всё же...

Подорожал проезд в автобусах и трамваях, а также на маршрутных такси...

Экибастузские угольщики отменяют бартер и начинают продавать свой уголь за рубеж (в Турцию, Венгрию) за валюту. Изучается возможность покупки на неё оборудования для производства мебели, кирпича, черепицы.

28 марта

Снова был в Алма-Ате, избран делегатом второго этапа съезда журналистов СССР (избрано всего 20 человек, в том числе девять — из Алма-Аты). Председатель республиканского Союза журналистов цитировал в своём докладе гневное письмо, костерившее нашу газету; но не для того, чтобы покритиковать нас, а чтобы показать, как остро сегодня воспринимают люди содержание газет.

Подобные поездки уже перестали меня радовать: ничего нового они не дают, только изматывают. Жили в одной из лучших гостиниц — «Казахстане», где практически невозможно поесть! А ведь это — столица...

Хорошая новость: редактор «Простора» Г. И. Толмачёв пообещал опубликовать мои «Блёстки». Впрочем, часть их он собственноручно «похерил», включая «Любимца удачи» (про Ваську Дмитровского):

— Мы его еле из тюрьмы вытащили, а ты там изгаляешься!

Плохая новость: А. М. Ажибаева ознакомила с «телегой» на меня контору и ещё кое-кого. Это не просто «телега», а обращение группы граждан, как они себя именуют, к президенту и очередному пленуму обкома партии с требованием объявить политическое недоверие редактору «ЗП», двум его замам (поимённо), группе работников обкома (Скрипко, Баbinу), писателю Шевченко и отправить нас всех в отставку... Над всем этим можно было бы посмеяться (куда ж теперь, например, «отстаивать» С. П. Шевченко?), но письмо будет проверять.

Суть обвинений: позиция «ЗП» противоречит платформе ЦК КПСС по межнациональным отношениям.

Я выписал из обращения кое-что для себя, сохраняя особенности стиля: «ЗП» проявляет солидарность с позициями Васильевой (народный депутат СССР из Восточно-Казахстанской области, пророссийски настроенная. — Ю. П.), Солженицына и им «подобных реакционеров», не даёт отпор тем, кто распространяет слухи об отторжении области от Казахстана... Публикует противоречивые статьи, которые в завуалированной форме пытаются вызвать осложнения в межнациональных отношениях... Редактор и замы всегда иронизируют, подбирают материалы, интригующие межнациональные отношения... Между строчек в «ЗП» можно прочесть насмешливые иронические фразы, затрагивающие историю казахского народа... Цинизм по отношению к казахскому народу в работе редколлегии «ЗП» на виду у идеологического отдела обкома партии...».

И далее — в том же духе. Ясно, что авторы не в ладах с русским языком, но дело даже не в этом... Письмо провокационное, грязное... Подписали его десятка два не известных мне людей. И теперь весь этот бред будут проверять.

А. М. Ажибаева успокаивает меня, уверяя, что письмо направлено, прежде всего, против неё самой — ведь это её участок работы.

Открылся очередной съезд народных депутатов РСФСР. Как уже повелось у россиян, не без скандала. Часть депутатов заявила, что не может работать в оккупированной Москве, когда кругом танки и бронетранспортёры (что они делают в столице — непонятно). Предполагалось даже в знак протеста перенести съезд в Ленинград или в какой-то другой город. Приняли постановление об отмене

горбачёвского указа, выводящего московскую милицию из подчинения МВД России, и постановления Кабинета Министров СССР о неправомочности митинга в столице, назначенного на сегодня, и всех остальных в стране — вплоть до 15 апреля. Решили также отправить к Горбачёву ходока — Р. И. Хасбулатова — ультиматумом: или тот отменяет свой указ, или съезд перебирается в другой город.

Горбачёв посланца не принял, ограничившись разговором с ним по телефону. Согласился убрать военную технику из Москвы, но не сегодня, а завтра... Российские депутаты решили пока работать в комитетах и комиссиях.

Митинг в Москве, наверно, всё же состоится, как и митинги в других городах. Продолжают бастовать шахтёры (Кузбасс и другие регионы), приближая страну к катастрофе...

30 марта

Всё думаю о письме “группы граждан”. Зачем обком даёт ему ход, где тут логика? Разве я человек с улицы и только что пришёл в газету? Или наша газета полуподпольная и большинство людей знать не знают — о чём она пишет?

Было бы, конечно, наивно полагать, что, находясь на моём посту, можно угодить всем. Да я к этому и никогда не стремился... Но вот оказался не готов к таким методам “политической борьбы” и переживаю.

Сегодня, в субботу, неожиданно вызвали в обком. Повод: намечающаяся в Павлодаре учредительная конференция движения “Азат”. Это что-то вроде нашего казахстанского “народного фронта” с национал-патриотическим уклоном.

Обсуждали — как отнестись к “Азату”: нужно ли нам вообще это движение? Оказалось, “азатовцам” уже предоставили зал для конференции (бывшего Дома политпросвещения) и даже оплатили (комитет по культуре).

Теперь надо было решить — как освещать мероприятие и освещать ли вообще. Мы трое — председатель телерадиокомитета М. М. Абдрахманов, редактор “Кызыл Ту” А. М. Мухамеджанов и я — высказались за то, чтобы дать информацию, а дальше будет видно.

1 апреля

День смеха прошёл у меня на сугубом серьёзе. Газету не выпускали — не было бумаги, а про первое апреля никто в конторе даже не вспомнил: то ли не до веселья было, то ли это просто наше вечное разгильдяйство.

С утра занялся финансовыми делами редакции, да так в них увяз, что не развязался до вечера... Суть дела: в конце прошлого года создали рекламный отдел — освобождённый заведующий с окладом в 300 рублей, а все остальные — совместители: два бухгалтера, ответсекретарь и его зам. Принцип оплаты: человек, нашедший или организовавший рекламу, получает 15 процентов от её стоимости. Скажем, организовал полосу, это стоит пять тысяч рублей; значит, получаешь 750 рублей. У меня сразу были сомнения: многовато... Но надо было раскручивать новое дело, заинтересовывать людей... У совместителей свой процент от общей суммы рекламных публикаций.

Проработали пять месяцев. И вот что получается. Те, кто начал приносить рекламу, а также совместители, стали получать дополнительно в месяц от 250 до 500 рублей — это больше их месячных должностных окладов. Зарплата у завод-делом рекламы теперь выше, чем у обоих моих замов, а в иные месяцы — больше,

чем у меня. Хотя никаких особых нагрузок и они, и журналисты, имеющие отношение к рекламе, при этом не несут — во всяком случае, таких, чтобы вдвое превышали их прежний объём работы. Всё это пахнет явной синекурой... Хотя есть для редакции и выгода: отдел привлекает в месяц тысяч 20, а забирает на оплату тысячи три рублей.

Вроде нехорошо считать чужие деньги, но в данном случае никакие они не чужие, а редакционные... А проблема ещё и в том, что не у всех журналистов есть возможность подрабатывать на рекламе (той же Зое Суворовой физически некогда этим заниматься), хотя работают они на газету не меньше других. Выходит, и журналистика как таковая отодвигается на второй план, хотя "в авторитете", в том числе и денежном, должны быть прежде всего те, кто своим пером поднимает уровень газеты. Дилемма...

Говорил со всеми поодиночке, ни до чего не договорились. Надо будет ещё раз собираться. Но — чувствую — умерить аппетиты тех, кто уже почувствовал "запах крови", то есть рекламных денег, будет непросто. Важно найти баланс интересов, а вот как это сделать — не знаю.

В минувшую пятницу на сессии Павлодарского горсовета избрали его председателя. Предложенный Б. В. Исаевым первый секретарь Павлодарского горкома партии М. К. Дуйсембаев не добрал всего одного голоса. Скандал! Срочно кинулись искать депутатов, не пришедших на сессию, и троих нашли. Стали убеждать сессию: пусть, мол, и они проголосуют. Но часть депутатов взбунтовалась: с какой стати, они ведь не регистрировались, урна вскрыта, результаты известны...

Один из спешно доставленных, работник аппарата горкома партии, которого привезли из больницы, пытался взывать к сессии: "Как? Вы хотите лишить меня права голоса? Я считаю своим депутатским долгом..." и т. д.

Но "доголосовывать" никому не разрешили и, видимо, правильно сделали... Так что сессия, пусть и с небольшим перевесом, не дала себя обуздать.

Б. В. Исаев вынужден был предложить другую кандидатуру — недавно утверждённого председателем горисполкома А. В. Рюмкина. Избрали его практически единогласно. Это событие. Редкий случай, когда депутаты отвергли "нужную кандидатуру", предложенную сверху.

3 апреля

Пишу эти строки в обед, чего со мной отродясь не бывало (имею в виду "хронику"). Второй раз на этой неделе пропускаем номер. Причина всё та же — нет бумаги. Соликамский бумажный комбинат, к которому мы "приписаны", остановлен из-за отсутствия сырья и вновь заработает, когда вскрыются реки и начнётся сплав древесины.

Сегодня совещались по этому поводу в обкоме. Судили-рядили... Договорились выпускать две наши областные газеты три раза в неделю (вместо пяти): два раза — форматом и объёмом районки, а по субботам — обычную "восьмиполоску" "Советы и жизнь".

Вчера тоже был трудный день. Разбирались с нашими рекламными делами. Моё предложение — урезать размер выплат организаторам рекламы с 15 до 10 процентов — встречено в штыки. Причём не только теми, кто ею занимается, но и некоторыми другими. Меня упрекали в том, что я хочу похоронить хорошее

дело. Между тем я говорил лишь о соразмерности основного и рекламного журналистского заработка: почему, например, один и тот же человек получает за рекламную страницу в пять раз больше, чем за хороший очерк или серьёзный аналитический материал?

Разговор вышел нервный, рваный... Ни я, ни поддержавшие меня Марчевский и Фролова не были услышаны. А Гришина сказала Ольге, что я настроил против себя всех.

Домой пришёл с тяжёлым сердцем. Понятно, что реклама нужна, и без неё сегодня не выжить. Но у нас ведь не рекламный листок, а газета. И газетчик должен зарабатывать больше других не потому, что он притащил в клювике рекламу, а потому что он активный, много и интересно пишущий журналист.

Почему меня не услышали, не захотели понять? Неужели всё дело в деньгах? Может быть, не надо было мне приводить в пример Карла Маркса, который говорил: пообещайте человеку 300-400 процентов прибыли, и нет такого преступления, на которое он бы не пошёл (или что-то в этом роде).

Как просто, оказывается, в родной конторе стать плохим — надо лишь затронуть чьи-то интересы.

Редакционные финансовые дела отравляют мне жизнь. Никто и никогда меня этому не учил. Редакторы — мои предшественники, ими тоже не занимались, подписывая лишь ведомости на зарплату да на скудные премии (от сэкономленного гонорара). А мне приходится вникать, и я иногда прихожу от этого в отчаяние: ситуация постоянно меняется, посоветоваться чаще всего не с кем... И до газеты, как таковой, руки всё чаще не доходят — всё время пожирает что-то другое, нередко совсем чуждое моей натуре... И снова и снова закрадывается мыслишка: а за своё ли ты, парень, дело взялся?

Даём в “Горячем телетайпе” информацию: канцлер ФРГ Гельмут Коль за первые шесть дней пасхальных каникул похудел аж на три килограмма. Это — результат курса лечебного голодания или так называемой нулевой диеты.

Нам бы его заботы: после реформы розничных цен продукты питания и другие товары первой необходимости подорожали в два с половиной — три раза, но на прилавках их не прибавилось.

У Коля добровольная, а у некоторых из нас принудительная нулевая диета. Ольга была в “Оксане”, видит — народ скупает втрое подорожавшую кильку в томате — и тоже купила пару банок.

В городе сохраняется талонная система продажи на одиннадцать основных продуктов питания, мыло и стиральный порошок. Нормы отпуска: килограмм мяса (или 800 граммов колбасы, или два килограмма супнаборов), килограмм сахара, 250 граммов сливочного масла, 400 граммов жиров, 15 яиц, килограмм муки, по полкилограмма крупы и макарон, сто граммов чая, по бутылке вина и водки, а также 400 граммов стирального порошка, 300 граммов туалетного и кусок хозяйственного мыла.

Но и за этими товарами надо ещё побегать — они есть не везде и не всегда. Торговля предупреждает, что нормы отпуска продуктов могут быть изменены (скорее всего — в сторону уменьшения) в зависимости от имеющихся ресурсов.

4 апреля

Впервые за годы моей работы в “ЗП” (да, наверное, и за последние лет 30-35 её истории) выпускаем газету-районку с обращением к читателям по поводу наших

бумажных проблем. Обзвонил всех соседей. Не бедствуют пока только карагандинцы — и то лишь потому, что они печатаются в издательстве ЦК Компартии Казахстана, которое снабжается бумагой в особом режиме. А у семипалатинцев, североказахстанцев, кустанайцев — то же, что и у нас. Впрочем, мы “горим” ещё и потому, что у нас большой тираж, пожирающий бумагу быстрее, чем у них.

Только теперь начинаешь понимать, как бездарно мы подчас использовали наши полноформатные номера, чего только в них не “совали”... Теперь возвращаем всем материалы — и своим журналистам, и авторам — чтобы сокращали.

Принесли отчёт о работе журналистов за первый квартал. Лидируют по строчкам, как всегда, Гольшкин, Горбунов, Попов... Меньше всего опубликованных строк у Карпова — 3,5 тысячи, или в среднем 60 в номер. Два собкора и вовсе отчёты не сдали.

Я разбушевался: лишим квартальной премии, объявим выговоры... Но оказалось, сделать ничего уже нельзя: все документы в банк уже готовы, а их передка займёт слишком много времени...

Вообще же с дисциплиной у нас хреновато. Есть тут, конечно, и моя вина — мягкотел...

Какое-то странное затишье в обкоме: ни звонков, ни вызовов, ни совещаний. Как-то даже не по себе... Или не до нас, или затишье перед бурей?

5 апреля

Сергей Горбунов подготовил большое интервью с председателем павлодарского кооператива “Пульс” Кенесом Жумабековым. В то время как вся наша экономика продолжает разваливаться, “Пульс” стремительно набирает обороты. Его предприятия наладили производство дефицитных чулок, носков, колготок, налаживают выпуск линолеума и мебели... Договариваются с китайцами о поставках им одноразовых берёзовых палочек, которыми те едят и за которые готовы платить по доллару за штуку. Занимаются всякого рода обменными операциями, благодаря чему в прошлом году завезли в область 20 тысяч тонн цемента, десять вагонов стекла, десять вагонов бумаги и много других дефицитных товаров и оборудования.

Приходится много ездить, а ещё больше летать, поэтому купили за полмиллиона рублей самолёт “Як-40”...

Средняя зарплата у работников кооператива — полторы тысячи рублей, некоторые отдыхают сейчас в Сингапуре и Малайзии...

Читаю и глазам не верю — это фантастика какая-то! При всём при том руководитель кооператива — по специальности врач-терапевт. Мы с ним не знакомы, но я хорошо знаю его отца — бывшего начальника облсельхозуправления Кабидена Акимбековича.

6 апреля

Наш автор, доцент Павлодарского индустриального института В. Артамонов пишет: “В последнее время мучило сильное желание посмотреть в глаза тому, кто изобрёл продукт под названием “Масло бутербродное”. Но вот прочитал в газете доклад первого секретаря обкома партии Б. В. Исаева и сразу всё

понял: за последние десять лет производство молока в общественном секторе (то есть в совхозах-колхозах) возросло только на два процента. Естественно, в такой ситуации трудно надеяться на появление нормального масла...”

Ещё пишет, что не покупатель должен стоять в очереди за товаром, а товар — за покупателем. Вот и вся политэкономия!

И с этим не поспоришь.

Говорят, что наша торговля работает неэффективно. Это неправда. Бдительные работники ОБХСС выявили такой факт. За несколько дней до повышения цен магазин “Мелодия” получил на торговой базе товаров на 7763 рубля. И почти весь он (на 7119 рублей) был скуплен по дешёвке самими работниками магазина. Мгновенно сориентировались! А мы говорим — торговля неразворотлива...

Вчерашняя “Комсомолка” выступила с большой статьёй, анализирующей личность М. С. Горбачёва, его деяния и даже стратегические планы. Автор — Павел Воцанов, делегат XXVIII съезда КПСС, и раньше не особенно жаловал М. С. (тот даже в одном из своих выступлений высказывал обиду на Воцанова), а тут нарисовал и вовсе малопривлекательный портрет генсека и президента. Суть статьи: имидж Горбачёва — демократа, инициатора перестройки и обновления общества — далеко не соответствует его истинному лицу. Просто он, как умный человек, увидел, что из-под него ускользает партийная власть, и решил создать себе вторую опорную точку — в Советах, заполучив ещё и пост президента. И теперь стало совершенно очевидно: никакой он не демократ и озабочен лишь сохранением собственной власти и всех существующих структур — при видимости обновления. Свидетельство тому — его явные нападки на демократов, в то время как по отношению к “правым” и другим консерваторам, вроде Полозкова и его команды, он, напротив, вполне лоялен и ни разу не осудил их публично, хотя они для него куда как более опасны и не скрывают своего недовольства его политикой.

Перестройка закончилась — провозглашает автор; демократы, победившие на выборах, властью как таковой не обладают, а партия “набирает очки”, подталкивая общественное мнение к необходимости возврата в прошлое.

Схожие мотивы звучат и в статье Олега Попцова, опубликованной в “Московских новостях”.

Вероятно, Горбачёв всё же обречён. Потому что вряд ли ему удастся в нынешних условиях договориться с прибалтами, лидерами закавказских республик, с тем же Ельциным... Да и те, кто готов подписать Союзный договор, видят роль центра совсем иной. Его права будут строго регламентированы, он получит лишь те полномочия, которые ему делегируют республики. Но такая роль центра сегодня явно не устраивает очень многих, включая, наверное, и самого Горбачёва. Это какой-то тупик.

Вчера, во время “круглого стола”, показанного по ЦТ, депутаты и политики, представляющие как либерал-демократов, так и коммунистов (В. Алкнис, Ю. Афанасьев, С. Шахрай, Г. Зюганов), вели себя как вполне цивилизованные люди, хотя говорили о самых острых проблемах: о возможности создания правительства народного доверия, о необходимости создания консультативного органа, представляющего разные политические силы, об уходе М. С. Горбачёва с поста генсека...

Звучало очень много здравых суждений, весь вопрос в том, смогут ли договориться все эти разнонацеленные силы, когда дело дойдёт до принятия конкретных решений?

Съезд народных депутатов РСФСР наделил Б. Н. Ельцина президентскими полномочиями. Прямые президентские выборы назначены на 12 июня. Мне кажется, это означает новый виток конфронтации между союзным центром и новым российским руководством. Ну зачем будет нужен той же России ещё и президент Союза, если у неё появится свой собственный? А с другой стороны — почему у России не должно быть своего президента, если они есть у других республик; что это за дискриминация? Но ведь Россия — сама по себе сердцевина Союза, его основа, без неё СССР невозможен...

Никто из лидеров стран, взявших курс на отделение от СССР, почему-то не задумывается о том, что примерно четверть населения страны живёт “не в своих” республиках. Всё у нас за годы советской власти (да и не только за эти годы, а за последние полтора-два столетия) так перемешалось-перепуталось, что и распутывать придётся десятилетиями. А те же прибалты, например, хотят всё и сейчас. Мне кажется, у нас всюду сегодня какое-то всеобщее помутнение разума.

А Горбачёв, похоже, обречён. Если, конечно, не пойдёт на крайние меры, чего опасаются демократы. Но что это могут быть за меры? И возможны ли они при нашем нынешнем бардаке?

Обсуждали в редакции пути зарабатывания денег. Пока их не так много — реклама, платные материалы. Некоторые предлагали эти “новые” деньги оставлять на отдельном специальном счёте, создать малое предприятие или коммерческий центр... А у меня было впечатление, что мы пытаемся заняться не своим делом. Ведь для того, чтобы у нас что-то получалось, нужны специалисты совсем иного профиля — экономисты, коммерсанты и тому подобное...

Говорил на эту тему с Рузилем Гарифуллиным... Он встретил меня так, будто только об этих наших заботах и думал: тут же выдал чётко сформулированные предложения по созданию малого предприятия, вызвал нужных людей, поручил им подготовить проекты документов.

Иногда Гарифуллин просто поражает меня своей одержимостью и тем, что ему удаётся реализовывать самые невероятные проекты. Иногда он, наоборот, кажется мне чуть ли не шарлатаном. Я как-то спросил: знакома ли ему личность графа Калиостро — мага, алхимика, авантюриста? Он отвечал, что очень часто стоящая идея многим кажется чистойшей авантюрой и только потом, в случае успеха, её выдают за строгий расчёт.

В данном случае идея состоит в том, чтобы объединить, казалось бы, необъединяемое: потенциал газеты и возможности гарифуллинского “космоформа” (выращивание женьшеня методом биотехнологии и производство косметических препаратов на его основе) для реализации новых проектов (в том числе и издания наших книг). Хорошо бы привлечь к этому делу и областную “Полиграфию”.

А ещё — написать очерк о Гарифуллине для “Простора” (кое-какое досье на Рузиля у меня уже собрано).

10 апреля

В понедельник был на очередном “аппаратном” совещании в обкоме (секретари обкома, завотделами и редакторы областных газет) и поразился: народу меньше, чем у нас в редакции на планёрке.

Б. В. Исаев продолжает обновлять кадры. Секретарь обкома по строительству Н. Ф. Красносельский уехал в Алма-Ату, на хозяйственную работу. И доволен тем, что теперь будет подальше от политики. Мне на прощание советовал не тушеваться: грехов особых за мной нет, членом бюро избран недавно, надо держаться... Я был удивлён таким его вниманием — по существу у нас с ним не было никаких отношений.

В. В. Другова сменил на посту заворготделом М. В. Крюков — бывший первый секретарь обкома комсомола, успевший поработать в Алма-Ате первым секретарём одного из райкомов партии. Мы с ним практически не знакомы.

Никакого разбирательства со мной по поводу письма “группы граждан” пока не было, хотя я готовлюсь к нему. Сделали выборку материалов на эту тему за два года — набралось три приличные папки.

В редакции продолжаем дебатировать идею создания малого предприятия — как плацдарма для зарабатывания денег, страховки от сюрпризов надвигающегося рынка...

Ещё просится “на квартиру” кооператив “Мегаполис”, ворочающий много-миллионными оборотами. Просит в аренду два кабинета, суля взамен всяческие блага. Наводим справки о том, что этот самый “Мегаполис” собой представляет, насколько серьёзные люди за ним стоят... К тому же кабинеты могут понадобиться и нашему будущему малому предприятию...

От всей этой “коммерции”, в которой ни черта не смыслу, голова у меня идёт кругом, а результатов пока никаких и неизвестно — будут ли вообще. Нашёлся бы толковый (и что не менее важно — порядочный) человек, которому можно было бы всё это перепоручить, а не тащить самому...

Газету стали выпускать три раза в неделю, но зато полным форматом — пришёл ещё один вагон бумаги. Дышать стало полегче, хотя ясности с бумагой на перспективу никакой.

Пришёл Штарк — с претензиями по поводу материала Н. П. на партийную тему. Претензии, надо сказать, справедливы, но те же самые я высказывал Штарку, когда он курировал Н.П. (из-за чего я и вынужден был забрать его к себе). Решив защищать партию, Николай Петрович делает это столь усердно, что иногда просто оторопь берёт. Я уже не раз разговаривал с ним на эту тему, пытался доказать, что во всём хороша мера, но увы... Он отвечал, что и без этого знал, что я далеко не “твёрдый искровец”, а скорее, колеблющийся... Его идейные усердность и плодовитость у меня уже в печёнках. Но что тут поделаешь, если это его убеждения, а других желающих писать на партийные темы нет (а если кто-то и берётся, то чаще всего выходит уже антипартийная тема). Он хороший, искренний человек, и Штарк тоже хороший и искренний... Да разве есть у нас в конторе люди явно нехорошие, неискренние? Но вот даже мы подчас не можем договориться и конфликтуем... Что же тогда говорить о стране в целом!

По ЦТ транслировали заседание очередного Совета Федерации. М. С. Горбачёв опять выступал с жёсткой речью, снова строжился; ссылаясь на итоги

референдума, предупреждал о возможных последствиях. Убедила ли кого-нибудь эта речь, подействует ли на того, кому она адресована? В последнее слабо верится...

Я искренне сочувствую Горбачёву, более того — остаюсь его союзником, но вряд ли он теперь в состоянии что-то исправить... Падает доверие к нему самому и к новому премьеру. “Комсомолка” дала разгромный комментарий Василия Селюнина к договору, заключённому Председателем Совмина СССР В.С. Павловым с шахтёрами. Автор, нисколько не стесняясь в выражениях, открыто демонстрирует не только неприятие павловской политики, но и неуважение к нему самому (как, впрочем, и к Н. И. Рыжкову — “плачущему большевику”).

Мне кажется, мы всё же сегодня перебираем в газетах и на телеэкранах по части критики и безапелляционности оценок. Ошалели от гласности, что ли?

Вот бы поручить налаживание нашего развалившегося хозяйства тем же В. Селюнину, П. Буничу и другим неистовствующим критикам — они бы нам наработали! И ведь в судьях, если повнимательней приглядеться, всё время одни и те же.

Между тем шахтёры Кузбасса решили бастовать до конца. Непонятно, правда, до какого, ведь ещё ни одна забастовка не привела к видимому улучшению дел — ни на шахтах, ни в смежных отраслях.

Забастовала даже самая спокойная республика — Белоруссия, где остановлена работа на Минском тракторном заводе.

На нашем тракторном тоже действует нечто вроде забастовочного комитета, предъявившего руководству целый пакет требований и грозящего предупредительной забастовкой, если эти требования не будут выполнены.

И никто ни с кем не хочет договариваться и хотя бы попытаться действовать сообща.

11 апреля

Скоро и у Казахстана появятся свои космонавты. К полёту в космос готовятся Тохтар Аубакиров и Талгат Мусабаев. Тохтар — лётчик-испытатель, первый в мире посадил в штормовую погоду самолёт на палубу авианесущего крейсера. За серию испытаний самолёта-истребителя “МиГ” удостоен звания Героя Советского Союза.

Талгат — мастер спорта по высшему пилотажу, дважды чемпион страны в этом виде спорта.

Оба они готовятся к полёту в Центре подготовки космонавтов.

Спасибо Толе Устиненко: он побывал на Байконуре и в Москве, встречался с ними обоими и прислал нам материал со снимками, украсивший сегодняшнюю первую полосу.

П. В. Лефлер, отвечая критикам совхозно-колхозной формы хозяйствования, пишет в сегодняшнем номере о том, что она, особенно колхозная, ещё не до конца использовала свой потенциал. И приводит в пример колхоз имени Тельмана (а мог бы добавить сюда колхозы имени Кирова, имени 30-летия Казахской ССР, “Победу”).

Во многом прав Павел Васильевич. Но в целом наше сельское хозяйство всё же работает неэффективно. Ведь не может накормить население страны...

В Павлодаре восстанавливается старая мусульманская мечеть, построенная в 1905 году. С середины тридцатых годов здесь квартировали театр(!), поликлиника, Дом пионеров, спортивная школа.

Володя Бугаев снял репортаж о том, как на мечеть с помощью подъёмного крана устанавливали 12-метровый минарет весом в три с половиной тонны.

13 апреля

Хоть и трудновато нам сегодня живётся, зато нескучно. В Павлодаре прошёл на днях чемпионат певчих и говорящих птиц. Победили канарейки Наташи Резвановой.

А наш земляк Н. Л. Данилевский находится сейчас в Стокгольме — в качестве сопровождающего своего собственного кота Сэма, у которого обнаружись гипнотические способности. Там кот проходит специальное обследование.

Вторая информация, которую мы перепечатываем из республиканской “Ленсмены”, больше смахивает на “утку”. Тем не менее призвали хозяина кота откликнуться и познакомить земляков со своим выдающимся питомцем.

Воскресенье, солнце, хотя ветерок всё ещё холодный. Погуляли с утра с Пашкой. Я люблю эти не очень частые с ним прогулки. В самые трудные моменты жизни я по вечерам специально уходил с ним в пришкольный парк или на набережную, чтобы перевести дух.

Читал газеты. В “Комсомолке”, “Известиях”, “Московских новостях”, “Правде” материалы о Горбачёве. Последняя пишет о М.С., скорее, в сострадательном тоне, а все остальные публикации при всей их разности роднит то, будто пишутся они не живыми людьми, а некими полуроботами-прозекторами-патологоанатомами, с холодным профессиональным любопытством анатомирующими труп, хотя речь идёт о жизни и судьбе их собственного президента. А если и звучат кое-где нотки, осуждающие людскую неблагодарность (да, конечно, Горбачёв ещё долго мог “царствовать” на посту генсека, а он затеял перестройку, дал нам свободу и гласность, всё это надо помнить и ценить), то далее тут же следуют новые словесные залпы, мало что общего имеющие с порядочностью и совестью. Во всяком случае, статья Олега Попцова в “МН” вызвала у меня не только раздражение, но и чувство брезгливости. А всем перечисленным публикациям, вместе взятым, недостаёт самого главного — чувства меры... “Комсомолка”, например, назвала последнее публичное выступление Горбачёва (на заседании Совета Федерации) истерикой.

Отставки Горбачёва не требует сегодня разве только ленивый: к либерал-демократам добавились теперь шахтёры, минские тракторостроители и даже значительная часть партаппарата. При этом некоторые готовы лишить его обоих постов, а некоторые только партийного.

Положа руку на сердце надо сказать, что и лидеры республик, готовые подписать новый Союзный договор, не шибко празднуют М.С. Но ведь бесконечно подобное продолжаться не может, дальше одно из двух — либо полный хаос, либо диктатура.

Я одного только не могу понять: ну добьются противники Горбачёва его отставки с обоих постов... А дальше что? Раздоры сразу прекратятся и всё сразу наладится?

Пока я пекусь о делах государственных — запустил семейные. В школе жалуются на Димку: способен, но неусидчив, учится неровно, разговаривает на

уроках... На русском языке дали задание — придумать предложение, в котором было бы обращение. Он написал: “Ты зачем, собака, написала в мой туфель?”. Это, конечно, хорошо, что у него есть чувство юмора, а учительница возмущена.

17 апреля

Выходим по-прежнему три раза в неделю. Нагрузка на работе — более чем падающая, к которой я, как выясняется, совсем не привык. Чувствую себя очень неуютно, читая в рабочее время газеты (хотя это тоже моя служебная обязанность).

Бумаги нам хватит (на три номера в неделю) до середины мая, а что будет дальше — Бог весть... Учредители наши по этому поводу не чешутся, наши собственные возможности более чем скромны (да и в соучредители нас не взяли).

Пока суть да дело — занимаемся созданием малого предприятия. К нам в редакцию приходил Р. Гарифуллин. Ему функции этого МП видятся куда шире, чем нам: мы озабочены прежде всего финансовой подпиткой редакции, а он готов и книги наши издавать, и выставки организовывать, и культуру поддерживать.

Послушав всё это, Гришина спросила у меня: “А ты не задумывался о том, как отнесутся к нашей бурной “предпринимательской” деятельности учредители?”. В самом деле: как? По здравому размышлению — радоваться должны... Но кто знает...

Вчера накануне очередного заседания бюро обкома позвонила Ажибаева — попросила вступить, если речь зайдёт об освобождении её от обязанностей секретаря обкома. Аргумент: надо хотя бы дождаться пока человек выйдет из больницы (она лечится). Но об этом речь не зашла.

Обратил внимание на то, что зал заседаний опять меблирован по-новому. Теперь члены бюро сидят за одним полукруглым столом, другие постоянные участники заседаний — за отдельно стоящими зигзагообразными столами.

Интересно, что Мещеряков тоже начинал с перестановки мебели: во главе полукруглого стола он сидел сам, дальше — по обеим сторонам — члены бюро, а зигзагообразные столы были вовсе “упразднены” — все оставшиеся размещались слегка на отшибе, как бы в зрительном зале...

На заседании бюро слушали, как один из районов перестраивает экономику села, реформирует формы собственности. Положение удручающее (да и где оно сегодня иное?). Б. В. Исаев, критикуя районное руководство за то, что оно не только не владеет ситуацией, но и само не хочет никаких новых форм собственности на селе, восклицал: “Ну какая ещё другая форма хозяйствования в мире может дать столь ничтожный результат? Только совхоз — советское хозяйство!”.

Меня Б. В. в последнее время как бы не замечает. Или это такой метод воспитания?

В стране всё идёт к полному развалу: шахтёры бастуют; оставшись без угля, останавливаются металлургические и другие предприятия; в Киеве создан уже республиканский забастовочный комитет; собирается остановить ряд предприятий Свердловска; в Грузии блокировали работу железнодорожного транспорта...

И в это самое время Президент СССР отправился с визитом в Японию, а Президент России — во Францию. Чем не театр абсурда?

Секретариат Московской организации Союза журналистов СССР исключил председателя Гостелерадио СССР Л.П. Кравченко из членов СЖ — за факты цензуры на ЦТ. Опять будет по этому поводу “рубка” на предстоящем съезде Союза журналистов. Мне самому Кравченко, можно сказать, симпатичен: умница, профессионал, интеллигентный человек. Тут, скорее всего, всё дело в борьбе за пост главного начальника на Центральном телевидении.

Начали почти всем семейством ездить на дачу — на купленных недавно велосипедах. Едем — впереди я с Пашкой на раме, сзади Ольга, за ней Димка. Экзотическое зрелище!

Узрев меня как-то в столь неподобающем виде, ветеран-фотокор и водитель редакции Владимир Сидорович Колчин расстроился:

— Дмитрич! Ну неудобно тебе на велосипеде появляться — ты же редактор, тебя люди видят... Давай тебе хоть мотоцикл с коляской, что ли, купим... С деньгами, если что, я могу помочь.

18 апреля

Публикуем проект республиканского закона о преобразовании собственности в Казахской ССР (о разгосударствлении и приватизации). Собственность будет поделена на общесоюзную, республиканскую и коммунальную (т. е. местную). Вторые две могут быть поэтапно разгосударствлены и приватизированы, и вместо нынешних государственных появятся частные предприятия.

Обнародован указ М. С. Горбачёва о чрезвычайных мерах по обеспечению материальными ресурсами предприятий, объединений и организаций. Это вынужденная мера, призванная предотвратить хаос в экономике. Указом отменяются решения республиканских и местных органов о запрете вывоза продукции за пределы республик, краёв и областей, а также их решения о самовольном использовании продукции, выделенной для выполнения заказов государства. Срок для отмены — неделя.

Рекомендуется сохранить заключённые предприятиями на этот год договоры и хозяйственные связи.

Вопрос лишь в том, удастся ли провести этот указ в жизнь.

У нас даёт рекламу брокерская фирма “Контакт”. Насколько я понял, это нечто, заменяющее наши все более недееспособные “снабы”. В тексте говорится, что имеются свободные брокерские места, и взнос всего ничего — тысяча рублей в год. Может, нам ещё и брокерами стать?

Из номера в номер даём материалы под рубрикой “Операция: цены”, в которых анализируем ситуацию на прилавках магазинов после реформы (читай — повышения) розничных цен. Картина, в общем, безрадостная. Двух-четырёхкратный рост цен никак не повлиял на убогость ассортимента: что было в торговле, то и осталось.

И ещё, как сказал позвонивший мне сегодня наш читатель: “Цены, может, и правильные, только зарплаты у нас неправильные...”. Он имел в виду, что введённые правительством компенсации ничтожно малы по сравнению с “кусающимися” теперь ценами.

19 апреля

Суматошный, непутёвый день, каких очень много в последнее время. Всё время что-то выбивает из колеи, из-за чего начинаю дёргаться, срываться, истерично реагировать на вещи, которые того явно не заслуживают... Сегодня дважды наорал на Ольгу, она, разумеется, обиделась. Я понял, что был не прав, но слишком поздно. Надо всё же учиться держать себя в руках.

Пришёл “Простор” с повестью Людмилы Гришиной “Родные и близкие”. Отлично подана — прямо с обложки — “новое имя”. Повесть, по-моему, отличная, мы печатали из неё отрывки. Гришина в этот день как на крыльях летала. Давно не видел её такой.

Задумали выкупить часть здания (три этажа) Дома печати, которую мы занимаем. Посмотрим, что из этого получится.

22 апреля

Традиционное собрание общестественности города в честь дня рождения В. И. Ленина. Всё как всегда: президиум, доклад, пение “Интернационала”. Почему-то всегда чувствую себя неуютно во время этого пения. По динамику звучит мощный хор, а зал ему вторит, едва шевеля губами. Мне самому и петь неудобно, и не петь вроде нельзя — вот и открываю рот беззвучно, как рыба.

Вряд ли и Ленину понравились бы подобные собрания с подобным песнопением. Но — привыкли, традиция — вот и едем по накатанной колее.

“Советская Россия” дала очередную главу из мемуаров Е. К. Лигачёва — о том, как начинался раскол в компартии Литвы и как побывавший в республике А. Н. Яковлев успокаивал членов Политбюро ЦК КПСС, говоря, что там тоже всё в порядке, хотя председатель КГБ Чебриков и предупреждал о грозящей опасности.

Затрагивается в публикации и Горбачёв, по мнению Лигачёва, не придававший в своё время значения тому, что происходило в Литве...

Не позавидуешь Горбачёву: с одной стороны Ельцин со своей “исповедью”, с другой — Лигачёв с мемуарами.

23 апреля

Опубликовал в “ЗП” под псевдонимом первую “порцию” “Блёсток”. Переживаю...

В Ольгинской средней школе Павлодарского района восьмиклассники — все как один — отказались вступать в комсомол. Объяснили — “просто не хотят”.

“Экибастуэнерго” будет строить в Крыму санаторно-курортную базу: гостиницу на 500 мест со столовой и рестораном, детскими площадками и пляжем. По соседству у них — писательский дом творчества.

За тёплое местечко у берега моря экибастузские энергетики обязуются построить в Феодосии 140-квартирный жилой дом и отдать ещё 15 процентов мест в будущей гостинице... Общая стоимость затрат, на которые решается “Экибастуэнерго”, составит около 30 миллионов рублей.

27 апреля

Вернулся из Москвы — со съезда журналистов СССР. Ничего нового он не дал, хотя избрание председателем Союза Эдуарда Сагаллаева способствовало созданию более ровной и доверительной атмосферы на заседаниях. Может быть, ему что-то и удастся сделать.

Но положение журналистских организаций на местах продолжает оставаться аховым — ни денег, ни влияния. Я бы и сам с удовольствием отказался от роли свадебного генерала — председателя областной организации СЖ.

На съезде приняли устав, несколько программ, установили оклад председателю СЖ СССР — 1800-2000 рублей в месяц. За такие деньги можно и поработать.

Повидался с А. Г. Колодным. Дела у него вроде получше. Их газетно-журнальное объединение переходит под “крышу” Президента. Кроме того, новый редактор “Известий” предлагает Александру Германовичу пост первого зама. Размышляет — что выбрать.

Ещё договорился в Москве о приобретении компактного газетно-издательского оборудования: компьютеры, принтеры и прочее. Привёз с собой гарантийное письмо и счёт на оплату.

А самое главное моё московское приключение на этот раз было связано с поселением в гостиницу брата Петьки. Ему нужно было по своим делам в Ленинград, мы договорились встретиться в Москве и хотя бы сутки-двое пожить вместе.

Я прилетел раньше, хотел сразу занять номер на двоих (с расчётом на Петьку, в наших списках он значился — это я заранее “подсуетился”), но не удалось... Администратор сказала: “Вот приедет ваш брат — тогда и приходите. К тому времени должен освободить место ваш нынешний сосед”.

Этот вариант показался мне ненадёжным, и я пошёл на поклон к чиновнице Союза журналистов, которая бронировала нам места в “России” и была в курсе моих дел. Она тут же выписала мне направление на поселение с правом одному занимать двухместный номер. Пришёл я с этим направлением в службу размещения — отказывают переселять в другой номер: мол, от всех этих ваших капризов у нас одна головная боль. После всех моих объяснений (“Поймите, давно не виделись с братом, а тут такая возможность, да и бронь на него ведь тоже есть, и к тому же вот у меня направление...”) администратор посоветовала предупредить дежурную по этажу, чтобы никого не селила, когда мой нынешний сосед выедет — и номер будет за мной. А дежурная заявила: селить или не селить — это дело администратора, к ней и иди. Сосед же, как он сам мне объяснил, точно не знал, когда уедет, и я задержался: к моменту приезда брата Петьки сменятся дежурные и администратор. Я к тому времени буду на съезде, ко мне могут подселить кого угодно, и мы с братом окажемся в разных номерах.

Пошёл опять в службу размещения и там, к счастью, оказалась наша кураторша из СЖ, которая мне помогала. Пожаловался ей на свои злключения, а она руками разводит: видите — какие тут люди работают, даже я ничего не могу сделать. И предлагает мне вовсе экзотический вариант — чтобы я выселился, как будто уезжаю, а потом она меня поселит заново — сразу одного в двухместный номер без права подселения; а приедет брат — его поселят ко мне. Я побегал, собрал вещи, забыв впопыхах зубную щётку (которую потом так и не смог отыскать), пришёл (уже в который раз) всё к той же администраторше — всё, ухожу от вас. Она удивилась: что это вдруг? “Так надо”, — отвечаю и бегу в службу размещения, где мне выписывают новое направление. Я с ним опять — всё к той же администраторше, а она отказывается меня селить: это, мол, что ещё за фокусы, у нас вам тут что — проходной двор, общежитие?

Так я оказался без места вообще: стою как полный идиот со своей дорожной сумкой и не знаю, что мне теперь делать. Тут уж и моя благодетельница из СЖ, которой, наверное, осточертела моя активность, вижу — тоже расстроилась... Пошла искать ещё кого-то, нашла, но та её знакомая тоже кочевряжится. У меня сложилось такое впечатление, что у служащих этой “фирменной” гостиницы с гордым названием “Россия” вообще не остаётся ничего человеческого. Проблема-то пустяковая: бронь есть и на меня, и на брата, свободные номера тоже наверняка есть (многие из тех, кому заказана гостиница, на съезд не приехали)... Наконец знакомая нашей кураторши снизошла и пообещала помочь, но после того, как сменился администраторша, которая меня запомнила и ни в какую не хотела селить...

Велено было прийти часа через два, и я пошёл, как говорится, куда глаза глядят... Вообще-то я люблю иногда бесцельно побродить по Москве, открывая для себя её новые уголки... Но тут был совсем другой случай. День клонился к вечеру, накрапывал мелкий дождь, а у меня даже зонтика не было; состояние — мерзейшее, к тому же устал я от всех этих передрыг как собака. И кроме всего прочего, неизвестно было, найду ли я вообще себе приют на ночь.

Так я ходил по столице и думал: это что же за абсурдную жизнь мы за 70 лет советской власти построили, если человек, у которого есть законное место в гостинице, просто так не может переселиться в другой номер, чтобы сутки побыть вместе с братом?

Даже теперь, спустя несколько дней, мне муторно вспоминать весь этот театр абсурда, в финале которого меня всё же поселили в двухместный номер — одного, с расчётом на брата...

И ещё один штрих: когда я шёл в свой новый законный номер, мне встретился сосед по номеру прежнему — он уезжал. То есть, скорее всего, его место для брата Петьки я бы получил без всяких хлопот... “Ну что же, — сказал я тут самому себе, — так тебе, хитрозадому, и надо: сам себя перехитрил — за что и расплачиваешься”.

Как бы там ни было, с братом мы встретились — проговорили всю ночь и провели вместе ещё целый день. Пожаловались друг другу на жизнь, сказали друг другу, что сильные идут дальше — и разъехались в разные стороны. Правда, он — как будто в награду за все мои мучения — ещё сутки пожил один в этом, так дорого мне доставшемся, гостиничном номере.

В эти же дни прошёл пленум ЦК КПСС, обсуждавший ситуацию в стране и антикризисную программу. Кроме прочего, на нём часть членов ЦК требовала от Горбачёва отчёта за всё, что творится в стране, и его отставки с поста генсека. Он сказал, что готов это сделать... После чего Политбюро заявило: оно считает такую постановку вопроса несвоевременной и неоправданной.

По всему чувствуется — ситуация обострилась до предела: консервативные силы партии, в том числе и в высших эшелонах, жаждут реванша и готовы пожертвовать Горбачёвым; более умеренные тоже недовольны им — мало уделяет времени партийным делам, устраняется от руководства партией. Про отечественных либералов-демократов и говорить нечего. Так что жмут на М. С. со всех сторон, оставляя ему всё меньше возможностей для манёвра. Похоже, его политическая карьера близка к закату. Может, и вправду его роль исчерпывается демонтажем административно-командной системы, разрушением негодного, а строить должны уже другие? Но кто они, эти другие? Способны ли они строить?

Наверное, хорошо, что у членов ЦК хватило ума сохранить Горбачёва для партии... Или это наоборот только продлевает его и её агонию?

Большую часть дня провели на даче. Немножко поработали, но главным образом праздновали Димкин день рождения. Я был ответственным за шашлыки и, судя по тому, как их поглощало моё семейство, особенно его “наследная” часть, справился со своей задачей неплохо. А потом пили чай с дымком из настоящего самовара... Как всё же хорошо, что у нас есть эта отдушина — дача!

30 апреля

Четырнадцать лет назад была наша с Ольгой свадьба. В горах. Все приглашённые стояли за столом, и только мы двое сидели на прикрытом старой фуфайкой валуне, который прикатили неизвестно откуда Толян Егоров, Васька Дмитровский и Вовка Леев. Действо происходило в яблоневом саду, и лепестки цветущих деревьев падали на стол, в закопчённое ведро с тушёной картошкой и в разнокалиберную посуду с вином... Это было фантастическое зрелище...

А потом сидели у костра, пели песни. А потом нам с Ольгой выделили персональную палатку.

Всё это вспомнилось вдруг, только сейчас, когда взялся за ручку... А день сегодня был какой-то серый, тягучий, полупустой... Как, впрочем, и вчерашний... Каких много в последнее время...

Бумаги по-прежнему нет. Выходим через день. Это деморализует людей: какой смысл напрягаться, если нет гарантии прохождения материалов? И у самого состояние смутное, ощущение зыбкости, неуверенности. Бывает, срываюсь на пустяках, неадекватно реагирую на некоторые вещи — неприятные, но не драматические.

Кажется, наступило время, когда никому ни до чего нет дела, в том числе и учредителям до своей (нашей!) газеты.

Разумом понимаю, что нынешняя ситуация в газете — часть общего развала; стало быть, так её и надо оценивать. А на деле не получается, всё время пребываю в сомнениях: за своё ли дело взялся — руководить газетой да ещё в таких условиях; не лучше ли бросить всё к чёртовой матери и уйти... Ведь жизнь одна, а нынешняя изматывает до предела, не принося не только радости, но и элементарного удовлетворения.

Успокаивая себя, говорю: кое-что и удаётся — сохранён коллектив, он не раскололся. По нынешним временам неплохо и тираж. Есть кое-какие проекты. Иногда мне кажется: я просто не вполне нормальный человек — до сих пор

страдаю необъяснимыми детскими комплексами, слонтяйством... Но ведь нельзя же и судьбу гневить, имея то, что имею в свои годы я, и без конца терзаться сомнениями, заниматься самокопанием, которые не дают ничего, только душу бередят.

Надо брать себя в руки и делать дело. Это лучшее лекарство от мерихлюндии.

1 мая

Первомайская демонстрация — в традиционном стиле: на трибунах-мостках избранные (и я в их числе — как член бюро обкома), а по площади идут праздничные колонны павлодарцев. То есть всё как всегда, если не иметь в виду моё стояние на трибуне; на ней мне было неудобно...

Хотя был и один приятный момент: шедшие по площади вместе с простыми смертными Ольга и Данька с Пашкой на шее показывали меня Пашке. Он не сразу смог меня разглядеть, а когда увидел, обрадовался, разулыбался и смотрел на меня во все глаза, пока они шли, и потом оборачиваясь на меня назад...

Из экзотических персонажей опять обратил на себя внимание работник тракторного завода Виктор Зайнуллин, который нёс большой плакат, обличающий его бывшего начальника Мешкова. Мы о Зайнуллине писали неоднократно, и, кажется, под началом Мешкова он давно уже не работает, но это не мешает мятежному заводчанину бороться против “бюрократа Мешкова”...

А самое интересное было уже после демонстрации. Б. В. Исаев пригласил членов бюро обкома на товарищеский обед по случаю Первомая. Сначала он огласил две поздравительные телеграммы — от Горбачёва и Назарбаева, а мы скромно поаплодировали. Потом Б. В. сказал, что за этим столом в основном собрались люди, с которыми он работал и кого выдвигал, и это доставляет ему особую радость; что он рад своему возвращению в Павлодар, которое состоялось во многом благодаря большинству сидящих за этим столом; но если бы этого и не произошло, он всё равно, выйдя на пенсию, вернулся бы сюда жить. Показал сжатый кулак: “Вот так нам надо всем держаться!”. “А будет так! — продемонстрировал растопыренную пятерню, — перещёлкают по одному, что с вами и делали...”. Прочитировал Окуджаву: “Чем дольше живём мы, тем годы короче, тем слаще друзей голоса!”. Вспомнил, как ему довелось сживать за одним столом с Леонидом Ильичом и Димашем Ахмедовичем, и призвал нас поднять рюмки с “Посольской” (сам, кстати, пил шампанское).

Все дружно выпили, а потом Б. В. как тамада стал давать каждому слово, предварительно характеризуя гостящего. Начал с Кожанова, заметив, что хорошо его знает, выдвигал на должность первого секретаря Экибастузского горкома партии, что ему нравится в Кожанове энергия, хватка и то, что он не унывает в трудные моменты жизни. Вся область знала, что Кожанов претендует на должность председателя облисполкома, и за те три месяца, пока решался вопрос, на него не пришло ни одной “телеги”, что тоже говорит о многом.

Оралбек Кожанович цитировал в своём тосте стихи о богатстве и славе; “прошёлся” по столу, воздав должное каждому из сидящих за ним. Не забыл и обо мне: сказал, что знает меня с детских лет (моих, разумеется), что работал ещё с моим отцом. Заметил, что Исаеву надо бы приналечь на решение проблем за пределами области, а тут, мол, мы и сами справимся. На что тот сразуотреагировал: “Ну нет, внутренние дела я также из рук выпускать не намерен”.

Потом Исаев говорил об К. К. Ашимбетове: толковом директоре совхоза, председателе райисполкома и первом секретаре райкома партии, а ныне втором секретаре обкома, и тот держал ответную речь, подробности которой я не слишком запомнил.

Тепло и проникновенно Б. В. предоставил слово К. Н. Шакириму, напомнив, что тот пострадал невинно и в отношении его просто восстановлена справедливость; подчеркнул, что нынешний пост Ш. — первого зампреда облисполкома — весом и солиден. Шакиримов, произнося тост, говорил: своим выдвижением, а теперь и “вторым рождением”, он обязан Исаеву; что не надо нам всем постоянно возвращаться к тому, что произошло, держать в душе обиды, а надо объединиться во имя общего дела; сам он себя хорошо чувствует на новой должности и даже спит хорошо, особенно если удаётся решить перед этим какой-нибудь важный вопрос. Ещё Ш. напомнил: когда он оказался в конфронтации с Мещеряковым, а потом и выброшенным из привычного круга жизни, то не тянул за собой никого, дабы не испортить жизнь другим.

Далее пришла очередь А. М. Ажибаевой. Предваряя её тост, Исаев выразился в том духе, что если он тут среди всех нас вроде батьки (похоже, ему самому очень нравится этот образ и эта роль: я, мол, если и поругаю и даже накажу, но ведь и защиту в случае чего), то Ажибаева — вроде мамки... Сама Ажибаева вела себя за этим всё более оживляющимся столом (выпивали и закусывали!) очень сдержанно, если не сказать — отстранённо. Наше общее возбуждение её как бы и не касалось, было даже ощущение, будто всё ей тут в тягость... Сказала, что своим выдвижением она также обязана Исаеву, а уж оправдала она его доверие или нет, судить не ей, а другим, да и время рассудит... Поздравила всех с праздником, пожелала благополучия семьям и попросила отпустить её, сославшись на болезнь домашних. Мне показалось, что и Исаев отпускал её с нашего застолья с неким облегчением...

Предоставляя слово секретарю обкома по селу А. Ф. Симону, Б. В. заметил, что его иногда зовут “железным Симоном” — за то, что у того всегда есть позиция, и за его принципиальность. Тостующий в свою очередь призвал нас всех побольше заботиться о сельском хозяйстве.

Далее настала очередь председателя областного КГБ Е. И. Мусабаева. Исаев сказал о нём так: человек выполняет свою служебную миссию и не его вина в том, что он защищал бывшего первого секретаря, скорее, это его обязанность, но вообще-то и он никому лично на верность не присягал... Генерал отвечал: он рад, что спокойно прошла демонстрация, что в городе порядок; что же касается работы, то на службе он руководствуется высшими интересами партии и государства, и никто не может упрекнуть его в том, что он отступает от этого правила.

Своего заместителя по облсовету К. Д. Даржуманова Исаев характеризовал по имени: Канат — это символ надёжности; сказал, что помнит, как, работая в Баянауле, Д. держал этот район в руках... Даржуманов подчеркнул: некоторые казахи уважительно называют Исаева — Бореке, подчёркивая особое к нему расположение, и то, что он тут свой...

Характеризуя М. К. Дуйсембаева, Б. В. назвал его человеком поступка и напомнил, что это он предложил Дуйсембаеву побороться за пост первого секретаря Павлодарского горкома партии; ещё сказал, что Д., конечно, допускает и ошибки, но всё у него ещё впереди. Д. произнёс короткий тост, поблагодарив И. и за добрые слова, и за мягкую товарищескую критику.

Наступила, однако, и моя очередь. Конечно же, мне было интересно: а обо мне что скажут? Исаев выразился примерно так: обо мне он сказать ничего не может, поскольку со мной не работал, но он понимает, какую роль играет сегодня газета (а я её редактор), и посему даёт мне слово. Мне бы в этой ситуации поприжать зад, но натура опять взяла верх. Говорил я, может, и неплохо, но можно было и покороче. О чём говорил? О том, что мне по душе атмосфера за этим столом, хотя я чувствую себя не совсем в своей тарелке — как-то не привык

участвовать в застольях на таком уровне. “Ну вот, видите, и мы — такие же люди”, — вставил реплику Исаев. Но я продолжал гнуть своё: “Да и на бюро я как бы на отшибе, как бы — при бюро... И хотя вся моя жизнь на виду, всё как-то мной недовольны... Когда утверждали замом, Ерпилов сказал, что я слишком много пишу о гречихе, будто главный специалист в этом деле... Когда утверждали характеристику на бюро обкома как редактора газеты, Мещеряков сказал, что я хочу увести газету из-под партийного влияния неизвестно куда (Кожанов, Шакиримов, Дуйсембаев в этом месте моей речи согласно закивали головами — было, мол, было). Теперь вот, чувствую, опять мною недовольны (тут, правда, схитрил — не стал называть — кто, хотя ясно, что имелся в виду Исаев), и поэтому хочу сказать, что позиция моя предельно проста — жить и работать по совести, сохранять достоинство. У меня трое детей, и я не хочу, чтобы когда-нибудь кто-то сказал им, что их отец на посту редактора был сукиным сыном... Я хочу и могу делать хорошую газету, но очень часто оказываюсь заложником противоборствующих сил. Так было при Мещерякове и отчасти — сейчас. Я знаю, что делать, но мне нужно больше свободы и, может быть, понимания — в том числе и от сидящих за этим столом...”

Я ещё много чего наговорил... Слушали, по-моему, хорошо, сочувственно. Но слишком обольщаться не стоит: Исаеву моя речь не понравилась, а отчасти она его даже обидела — он почувствовал в ней мою настороженность к нему, о чём тут же и высказался... Вообще же И. комментировал (а если считал нужным, то и корректировал) каждый тост, и временами наше застолье превращалось в театр одного актёра. Впрочем, это и был своего рода спектакль, где каждый играл свою роль — как мог.

Надо ли было мне говорить всё, что я сказал? Думаю, всё же — да. Может быть, это тот самый случай, когда надо было высказаться в подобном духе...

После меня речь держали начальник отделения железной дороги А. С. Саркыншаков, председатель горисполкома А. В. Рюмкин, первый секретарь обкома комсомола С. Е. Есимханов.

Выпито было немало, и сказано всякого — тоже... Хорошо ещё, что водку пили хорошую... Да и вспомнить будет что...

В Павлодаре живёт легендарная женщина — Анна Власовна Сорокина. Она недавно стала чемпионкой мира по лыжным гонкам. Правда, среди ветеранов, разменяв восьмой десяток лет. Что, впрочем, не делает её победу менее значимой...

Впервые встала на лыжи, когда ей было уже за 30 лет. В Павлодар попала по вызову — на тракторный завод, когда он только начинал строиться. Именно здесь лыжи стали для неё второй жизнью. Уйдя на пенсию, не только не бросила их, но еще больше начала отдавать времени спорту и чаще бывать на соревнованиях.

Дважды — в 1989 и 1990 годах — побеждала на Всесоюзных состязаниях лыжников-ветеранов. Так и попала в Италию. Денег едва хватило на дорогу, кормили там участников соревнований два раза в сутки, и, чтобы не обессилеть перед стартами, ела захваченные из дома сухари да варила суп из концентратов. И не ударила в грязь лицом: на дистанциях в 10 и 15 километров была второй, а на 20-километровке завоевала золотую медаль.

Опубликовали большой материал о Сорокиной. Может быть, это та самая женщина, которую я, идя по утрам на работу, иногда встречаю бегущей на лыжероллерах на набережной?

4 мая

Плохо, когда работаешь без выходных, но когда их слишком много — тоже плохо. Это я к тому, что газету по-прежнему выпускаем три раза в неделю вместо пяти, а я к такому облегчённому ритму жизни не привык.

Приехал Пашка Бабенко — один из самых близких моих университетских друзей. Мы не виделись, наверное, лет десять. В последний раз он приезжал в Павлодар продавать тюльпаны, которые для этой цели у себя дома на юге, в Белых Водах, выращивал. Кажется, та поездка была удачной: он выручил за пару дней более тысячи рублей. Я тогда не зарабатывал столько и за полгода. Пашка же на радостях купил нам в подарок шесть хороших стульев, которыми мы всё ещё пользуемся. Теперь обещает своему тёзке — нашему Пашке — мотоцикл к шестнадцатилетию. На какие шиши? Он учредил частное малое предприятие по производству стройматериалов. Больше месяца провёл в Красноярском крае, добывая там лес. Взял кредит в банке — 26 тысяч рублей, заложив недостроенный дом и семейный “Москвич”. Говорит: в случае провала выход один — петля. Но держится спокойно, уверенно, невозмутимо. Домой не спешит, надеюсь и в Павлодаре найти что-нибудь для своих проектов. Интересуется зерном и стройматериалами.

Честно говоря, я ему удивляюсь. Откуда у него берутся силы, чтобы раз за разом браться за всё новые дела, ведь все прежние проекты были не слишком удачными? Удастся ли ему, как сейчас говорят, “раскрутиться” или он останется вовсе ни с чем? Во всяком случае, я хочу, чтобы ему повезло...

Посмотрел киносpectакль “Дни Турбиных” по Булгакову (его повторяли). Вещь просто замечательная, прекрасно передающая атмосферу того времени — уходящего мира удивительных людей. Великолепная игра актёров, их неповторимые интонации. Это тот самый случай, когда в спектакле нет ни одной проходной, случайной роли. Мне почему-то кажется, что и самому Булгакову понравилась бы “Дни Турбиных”, поставленные Басовым с такими актёрами.

“Комсомолка” пишет, что в день выборов президента России в Ленинграде пройдёт опрос населения о переименовании его в Санкт-Петербург.

Вышел очередной номер “Павлодарской газеты”. Сразу в двух публикациях долбят Б.В. Исаева за его статью в “ЗП”. Выражений особенно не выбирают. Мы же молчим — и потому, что не привыкли ещё дискутировать с новой прессой, и потому, что в данном случае крыть нечем — Б. В. сам дал повод для подобной критики.

Хорошо, что появляются новые издания. Плохо, что сразу берут истеричный тон, откровенно хамят, безапелляционно судят обо всём... Подумал вдруг: а ведь это и мы тоже, включая “ЗП”, в этом виноваты — сами воспитали таких оппонентов.

7 мая

На грани остановки Ермаковский завод ферросплавов. Причина банальна: поставщики прекратили отгрузку стальной стружки, шахтёры срывают

поставки коксующегося угля. Если завод станет, на его запуск потребуются многие месяцы, а некоторые агрегаты придётся разрушить и строить вместо них новые.

Публикуем сегодня открытое письмо заводчан народным депутатам СССР от нашей области — В.И. Видикеру и В.Ж. Мукашеву. Или решите проблемы, пишут металлурги, или назначьте правительство, способное их решить. В противном случае мы изберём других людей, способных это сделать.

В городе Дилижан армянские боевики блокировали и разоружили подразделение внутренних войск МВД СССР, захватив четыре бронетранспортёра и 45 автоматов. (Из сегодняшнего “Горячего телетайпа”).

9 мая

Володя Дегтярёв с областного телевидения, по сценарию которого снят игровой фильм “Восточный коридор”, получивший какую-то премию на кинофестивале, дал интервью Сергею Горбунову для “ЗП”. Но главными работами этого года Володя считает документальные фильмы о крестьянском хозяйстве Леонтьевых и проблемах экологии Экибастуза. Может, он отчасти и рисует, но всё равно “Восточный коридор” надо посмотреть...

10 мая

Жизнь какая-то раздрызганная. Душевная смута не проходит, а усиливается. Иногда мне даже кажется, что я глубоко и неизлечимо душевно болен. Всё время приходится усилием воли собирать воедино своё расплывающееся студенистое естество. И никак не могу понять — где тут первопричина, чего тут больше: тонкокорой чувствительной натуры, принимающей всё близко к сердцу, или объективной реальности, когда всё вокруг рушится... Когда одни упорно цепляются за старое, а другие с меньшим упрямством распшатывают существующее, не зная, что они хотят сделать. А я (кажется, писал уже) ни с теми и ни с другими, а сам по себе. Может быть, в этом и есть моя главная беда?

Перед отъездом в Москву — на недельную учёбу в Академию общественных наук при ЦК КПСС — имел неприятный разговор с Б. В. Исаевым. Он критически отозвался о газете: она отражает точку зрения журналистов и других авторов; но явно недостаточна её роль как органа обкома партии; мнение обкома в газете глубоко и последовательно не проводится. К такому выводу Б. В. пришёл за четыре месяца своей работы в области.

Далее он изложил мне две свои основные стратегические цели. Первая — социальная защита населения. В нынешних условиях это возможно, если дать каждому желающему источник поддержки — землю (дачный участок, огород и т. д.). Пусть берут, если захотят, и по два-три участка — на детей, внуков, обихаживают, выращивают что хотят, кормятся сами и продают излишки продукции. По известному ленинскому выражению, это то самое звено, уцепившись за которое, мы сможем вытащить всю цепь. Плюс личное подсобное хозяйство, плюс “малая” производственная программа — все эти крупорушки, пекарни, маслобойни...

Вторая цель — политическая: это стабилизация, устранение противостояния. Её можно достичь объединением трёх сил — партии, Советов и трудовых коллективов — для решения общих задач.

Многое, по его мнению, уже сделано: от прежних огневых схваток остались одни тлеющие угли; значит, не напрасны были все его усилия.

И вот в этих двух главных стратегических направлениях Б.В. не ощущает активной поддержки газеты, как и её твёрдой позиции в защите коммунистов от всевозможных нападков.

Пример. Директор опытной станции воспротивился решению облисполкома о выделении части земель этого хозяйства под дачные участки горожанам и чинит всяческие препятствия, хотя сам распорядиться этими землями по уму не может. Вот тут бы и сказать газете своё веское слово — кто есть кто.

Почему бы газете не проанализировать с критических позиций роль предшественников Исаева — Ерпилова и Мещерякова? Один не решал ничего и жил — как спал, зато хорошо жилось его окружению, другой — решал свои личные проблемы и плодил программы одну за другой. Как можно было, например, принимать программу “Удвоение” для села? Почему все молчали при этом? Роль в этом деле бывшего председателя облисполкома и вовсе провокационна: прекрасно понимал, что это авантюра, и поддержал.

Я, слушая Исаева, не молчал — огрызался. Сказал, что не считаю свою работу, и газеты тоже, лишёнными недостатков, но не могу отвечать за все провалы (если таковые были) прежнего руководства. В членах бюро обкома я меньше полгода, так что многие прозвучавшие упреки — не по адресу. А на недавнем совещании в ЦК Компартии Казахстана нашу газету ставили в пример — именно за ответственную взвешенную позицию.

Мало кто знает, чего мне стоило уберечь газету от большой склоки, в которую её втягивали противоборствующие стороны недавнего конфликта. Далеко не во всём мы были безупречны, но зато не были и бессовестны, и мне за то время нечего особенно стыдиться и посыпать голову пеплом. Те же опальные “оппозиционеры” Шакиримов и Никифоров находили во мне в ту пору человеческое участие — об этом можно спросить у них самих. Никифоров приходил ко мне за советом в самые трудные для него дни.

— За четыре месяца вашей работы, — продолжал я, — в адрес газеты не было ни одного сколько-нибудь серьёзного замечания с вашей стороны, и тут сразу столько всего... Мне нужно обдумать сказанное вами, потому что не всё предлагаемое стоит тут же реализовать. Например, не уверен, что надо критически оценивать в газете работу Ерпилова и Мещерякова. Да и самовыживание населения не может считаться стратегической целью....

Расстались мы, взаимно недовольные друг другом...

Похоже, Б. В. ещё не решил, что со мной делать, но тем не менее ясно дал понять: сегодня он мной как редактором, скорее, недоволен. Поэтому будущее моё смутно и неопределённо.

Слабым утешением мне может быть разве только то, что Б.В. недоволен не одним мной. С явным раздражением он говорил и о Горбачёве: речи, мол, хороши, а вот что касается дел... И, по мнению Б. В., правильно генсеку “напопдавали” на недавнем пленуме ЦК.

Вторую неделю общаюсь с Пашкой Бабенко и, честно говоря, испытываю всё большие сомнения в успехе его предприятия. Он же, несмотря на своё довольно шаткое положение (пока только траты, дома не был больше месяца, родители недовольны, жена в панике), не теряет присутствия духа. И все эти политические бури и дразги, которые каждый день треплют мне нервы, его совсем не

касаются. Во всяком случае, он не столь чувствителен, как я, и это помогает ему жить, хотя и создаёт определённые трудности тем, кто его окружает...

11 мая

Ходил к С. П. Шевченко — жаловаться на жизнь. Говорили о трудностях подлинных и мнимых. С. П. считает, что ничего не надо драматизировать: время действительно трудное, ну а когда вообще редактору жилось легко? Что же касается Исаева, то и тут не надо оболящаться: при всех его способностях, уме, интеллекте он человек своего времени, привыкший быть наверху, у власти — со всеми вытекающими последствиями. Его не переделаешь. Исаеву больше нужны не собеседники, а слушатели. И это не значит, что он плох, просто такова натура. С. П. говорит, что и он во время несчастных разговоров с Б. В., случилось, замечал: тот просто не слушает его... И совет мне — приспособливаться к этой новой реальности; на особую доверительность в отношениях не рассчитывать, поддерживать с “Первым” ровный деловой тон, в чём-то уступать, в самом важном иметь твёрдую позицию, учиться её отстаивать. И — работать.

Продолжается выдвижение кандидатов на пост президента России. Среди них Ельцин, Рыжков, Бакатин, некий 40-летний гомосексуалист (говорит: в стране 100 тысяч геев и лесбиянок, и они меня охотно поддержат), никому не известный лидер либерально-демократической партии.

Перенёсший инфаркт Н. И. Рыжков говорит, что выздоровел, советовался с Горбачёвым, и тот пожелал ему успеха на выборах. У меня же решение Рыжкова вызывает смешанные чувства: я искренне сочувствую Николаю Ивановичу — он фигура трагическая, попал на разлом истории и, будь любой на его месте, потерпел бы крах. Он — человек, несомненно, порядочный, искренний, но после тотальной критики его правительства, с которым люди связывают развал экономики и обнищание населения, вряд ли у него есть шансы на победу.

Вообще же, думаю, сегодняшней России требуется не хозяйственник Рыжков и не политик Ельцин, а новый человек — трезвый, ответственный, прагматичный, готовый вывести Россию из тупика и способный во имя этой великой цели объединить все здравомыслящие силы. Но есть ли такой? И, кстати, регистрации кандидатов ещё не было.

14 мая

Скандал в Иртышке. Сессия райсовета приняла решение, запрещающее совмещать посты председателя райсовета и первого секретаря райкома партии, фактически объявив тем самым вотум недоверия “пришлому” партийному лидеру. Скорее всего, ему тут больше не работать.

Партия учится зарабатывать деньги. Торектинский райком партии Уральской области арендовал для своего подхоза 800 гектаров земли и опустевшее отделение колхоза. Сюда переехало несколько семей, для них отремонтировали жильё, помещения для скота. Райком помог закупить коров, овец, свиней, птицу, наладить полив на овощных полях. По выходным дням сюда приезжают работники аппарата — на свои огороды.

А Балакшинский райком Гурьевской области вступил в ассоциацию, организованную на базе рыбодобывающих колхозов и перерабатывающих предприятий. Тут выгода очевидна: “рыбное дело” и сегодня не может быть убыточным.

Наш обком, кажется, собирается стать соучредителем биржи, но пока свои намерения не афиширует.

19 мая

Побывал в Москве, на курсах редакторов республиканских и областных партийных газет в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. Любопытная деталь: повышать свою квалификацию приехали далеко не все редакторы. Раньше такое вряд ли было возможно.

Курсы, конечно же, бесполезны: встречались с секретарями ЦК КПСС, сотрудниками “Правды”, другими умными людьми. Главное — получали информацию из первых рук. Не могу, впрочем, сказать, что мне хорошо прочистили мозги, в чём-то курсы усугубили мои сомнения.

В своей позиции на работе я всё время пытался придерживаться золотой середины и, наверное, правильно делал. Но нельзя же бесконечно балансировать — как на канате! Думал, здесь получу ответ на какие-то очень важные вопросы, но на большинство ответов нет.

На все наши стенания по поводу монополизма производителей бумаги и связистов нам отвечали: рычагов воздействия на ценовую политику почты у правительства нет, а бумажная промышленность переходит под юрисдикцию республик (читай — России). Похоже, до нас вообще никому нет дела — по этой части, а вот ругать нами никто не отказывается.

Встречались с Н. И. Рыжковым и В. В. Бакатиным — кандидатами в Президенты России. Николай Иванович вблизи оказался совсем невысок, зато очень элегантен. Говорит, что вполне оправился после недавнего инфаркта и готов к борьбе. Я симпатизирую Рыжкову как человеку и государственному деятелю, оказавшемуся на своём посту в самое неблагоприятное время, но вряд ли у него есть шансы на победу. И мне не совсем понятно, почему пленум ЦК Российской Компартии поддержал именно его кандидатуру. Может быть, тут есть какие-то тактические предвыборные хитрости, главный смысл которых — “свалить” Ельцина? Но и в таком случае Рыжков — не та фигура для подобных игр.

В. В. Бакатин на встрече с нами держался очень хорошо, уверенно. Умён, эрудирован, собран, отлично владеет аудиторией. Но, кажется, немножко позёр. Не скрывал своего критического отношения к руководству ЦК Российской Компартии и консерваторам из ЦК КПСС. Говорит, что его главный предвыборный лозунг — здравомыслие. Ещё сказал: в его родной Кировской области собрали более ста тысяч подписей в его поддержку, а он позвонил в тамошний обком партии и попросил не предпринимать никаких официальных шагов по этой части. Тем самым Бакатин даёт понять, что как кандидат он дистанцируется от выпестовавшей его партии. Значительной части нашей партийно-редакторской номенклатуры Бакатин на встрече не понравился.

Понятно, что в предвыборной кампании антиельцинскими силами выстраивается некая сложная многоходовая композиция. Однако больше всего шансов именно у Ельцина, который может выиграть уже в первом туре.

Одно мне непонятно: кому, а главное зачем нужен будет после выборов президент России ещё и президент СССР? И чем он будет заниматься?

Ещё одно знаменательное событие: мои курсы по времени совпали с защитой Толей Егоровым его кандидатской диссертации в той же АОН при ЦК КПСС. Защита венчала собой и его двухлетнюю учёбу в этом высшем партийном учебном заведении страны.

Название Толиной диссертации звучало мудрёно: что-то связанное с деятельностью местных средств массовой информации в национальных республиках на примере Казахстана... Но работу он, судя по всему, сделал приличную, защита проходила спокойно, чувствовалось — Толян тут в авторитете и к нему хорошо относятся. Я тоже сказал пару хвалебных слов в его адрес — вполне, впрочем, искренних. Из 14 членов учёного совета никто не проголосовал против, и мой университетский друг теперь кандидат исторических наук.

В свою Кзыл-Орду он не вернётся — Зеленоградский горком партии (ближнее Подмосковье) берёт его к себе — редактором здешней партийной газеты. Помимо прочего, это гарантирует и получение квартиры — в самом ближайшем будущем.

Отмечали защиту тут же, в общежитии АОН. Сначала Толян угощал профессуру, а потом собратьев по курсу, в числе которых оказался и я. Водку для застолья (такие уж времена!) Толькона жена Надя Стефаниди привезла на самолёте из Кзыл-Орды, и мы с ней накануне, пока диссертант утрясал последние предзащитные проблемы, одну бутылку уже “приговорили”. Вспоминали наши студенческие времена, их свадьбу в Алма-Ате на квартире у Васьки Дмитровского и последующие мытарства без собственного жилья в Алма-Ате, результатом чего и стал их переезд в Кзыл-Орду... Надя — большой молодец, и очень хорошо, что они с Толяном нашли в этой жизни друг друга.

... Гуляли нешумно, но весело. Наблюдал за Толиными собратьями по партийному храму науки. Бесспорно, яркие, одарённые люди, но и среди них есть явное расслоение по идеологическим пристрастиям. И ещё мне было важно видеть: мой друг среди них не бедный родственник, а человек, знающий себе цену, и они это чувствуют.

Когда пришёл мой черёд говорить, сказал: вот и опять судьба нас свела вместе — на важнейшем витке жизни; могли ли мы подумать, прощаясь 14 лет назад в университетской общаге, что встретимся в Москве и по такому поводу...

Я рад, что Толя не стал возвращаться в Кзыл-Орду, о чём и сказал ему, когда он, пару дней спустя, провожал меня в аэропорту. Конечно, и тут в Зеленограде, известном своими демократическими настроениями, ему будет в партийной газете нелегко. Но всё же это не Кзыл-Орда...

Уезжал в Москву в крайне “разобранном” состоянии. Вернулся вроде поспокойней; как будто жизнь дала небольшую “усадку”. Вот только надолго ли?

21 мая

В Павлодар приехал редактор нового казахстанского литературного журнала “Нива” В. Р. Гундарев. К своему стыду я лишь недавно узнал, что это он автор слов песни “Деревенька”, которую пел (правда, перед этим “приняв” как следует “на грудь”) лишённый всяческого певческого таланта мой отец. Я почему-то считал, что эта песня — народная.

Вблизи Гундарев оказался хотя и несколько сдержанным, но совершенно не заносчивым человеком. Я сразу стал допытываться — как ему удалось в наши

безденежные времена создать такой журнал? “Сам не знаю — как, — наверное, уже скорее по привычке отвечал он. — Но когда вышел первый номер, на радостях напился с друзьями. А вечером, оставшись дома один, разрыдался...”.

Владимир Романович попросил устроить ему встречу с Б. В. Исаевым. Я позвонил и, не будучи уверенным, что тот согласится, начал издали: вот, мол, стараемся действовать в духе нашего с вами недавнего разговора — дали материал о сдвигах в продовольственном снабжении, о приёме в партию. Вижу, отвечает, но вижу и то, что нет толковых материалов о жизни трудовых коллективов и других публикаций, о которых шла речь. Я отвечал: что-то уже есть в заделе, что-то собираемся готовить.

Потом я завёл речь о Гундареве: мол, сильные мира сего всегда благосклонно относились к музам, а сам Б. В. к тому же и сам просвещённый человек... После чего он согласился, без всякого, впрочем, энтузиазма.

Владимир Романович, помимо прочего, хотел заручиться поддержкой первого секретаря обкома и по части спонсорской помощи журналу. Но Б. В. скептически заметил: тут впору для “ЗП” искать спонсоров...

Увидел в подаренном ему журнале фамилию бывшего помощника Д. Кунаева и не без иронии заметил: “А, тайный советник вождя”.

Обстоятельного разговора не получилось. По конкретным вопросам нам с Гундаревым рекомендовано было обратиться к обкомовским идеологам, тем более что он у нас (то есть я) — член бюро, добавил Б. В.

Пошли к Ажибаевой, которая, оказывается, уже читала адресованное в обком письмо А. Г. Брауна — первого секретаря Целиноградского обкома партии — с просьбой оказать всяческое содействие “Ниве”.

Так что наш с Гундаревым поход в обком можно считать даже удачным. Потом мы с ним ходили в департамент образования, на почту, и я везде начинал разговор примерно так: “Вы знаете, кто к вам пришёл? Автор “Деревеньки!” Напоминал строки, лица собеседников расплывались в улыбках — и нам везде обещали поддержку.

Гундарев пообещал опубликовать в ближайших номерах журнала две мои новеллы. Одна — про Ваську Дмитровского — была выброшена лично редактором Г. И. Толмачёвым уже подготовленной к печати в “Просторе”.

Ещё Гундарев обещает опубликовать новую повесть С. П. Шевченко “Зимние каникулы”. Провели у нас в редакции презентацию журнала.

Провожал Владимира Романовича домой — уже как близкого человека. Он произвёл на меня очень хорошее впечатление — открытостью, искренностью, деликатностью и ещё какой-то, я бы сказал, непорочностью, что ли... Он ведь хороший, настоящий поэт, но отодвинул все свои поэтические заботы на неопределённое время и занимается только журналом. Буду ему помогать — чем смогу.

Расспросил у В. Р. Гундарева про Людку Яшную (теперь Лееву). Мы вместе жили в “казгушной” общаге, пока они с Вовкой Леевым не перебрались на съёмную квартиру. Как-то у всех у нас закончились деньги, а до стипендии оставалось ещё дня три — так что и перехватить не у кого было...

Людка заставила нас с Вовкой вывернуть карманы: набралось что-то около рубля... Сам я отправился в гости к нашим совхозным землякам — авось, накормят обедом, а они вдвоём остались “на хозяйстве”. Когда я вернулся вечером домой, меня ждала огромная кастрюля борща и Людкина записка: ешь от пуза...

Борщ оказался с мясом в виде куриных голов и лапок, что считалось у нас дома в детстве деликатесом из деликатесов... Оказывается, Людка на собранные нами деньги купила кочан капусты, килограмм куриных голов и ножек (за 25 или 30 копеек), картошкой и томатом “разжилась” в общаге и обеспечила нас пропитанием на два дня вперёд. А потом и стипендия подоспела...

Мы с Людкой не теряли друг друга из вида, когда она после университета работала в Балхаше, она даже приезжала к нам с Ольгой в гости... А теперь она, оказывается, в “Акмолинской правде”, и на хорошем счету. А с Вовкой Леевым они расстались.

Разговор с А. М. Ажибаевой. Дала понять мне, что дорабатывает последние дни. Цитировала Черчилля, который говорил, что приходиться и уходить надо вовремя, чтобы не стать жалкой тенью — отражением себя прежнего...

Чувствуется — она переживает, и поплакаться особенно некому: бывшие друзья и почитатели, поняв, что запахло жареным, предпочитают теперь держаться от неё подальше.

На заседании бюро обкома партии заслушали Иртышский райком партии. Второй секретарь райкома отчитался вяло, неубедительно (да я и не знаю, кто сегодня из “районщиков” мог хорошо отчитаться). Обсуждения как такового не получилось. Говорил по существу один Б. В. Исаев, был раздражён и не скрывал этого. О чём, мол, вообще можно вести речь, если коммунисты-депутаты по существу выразили недоверие первому секретарю райкома, не дав согласие на совмещение постов — партийного и советского? Ещё Б. В. говорил, что в этом некогда сильном районе всё пришло в запустение, он потерял позиции ведущего района области в зерновом производстве, плохи дела и в животноводстве...

А я хорошо помню аналогичный отчёт двухлетней давности первого секретаря Иртышского райкома партии при Мещерякове, и последний, пусть и не столь красноречиво, говорил ему то же самое — что дела в районе провалены и ему надо либо поправлять положение, либо уходить...

Так что не в одних только секретарях райкома (и даже обкома) дело. Хотя, конечно, и в них тоже...

На работе всё то же: делаем по три номера в неделю, и качество их никудышное. Об этом прямо говорили на последней “летучке” и решили провести мозговую атаку — встряхнуться, наметить конкретные темы для журналистских материалов, чтобы в каждом номере было что почитать.

Гришина сделала обзор “Павлодарской газеты” — по-моему, вполне приличный. Анализ — критический, а тон — ровный, доброжелательный. Цитирует одну из программных статей газеты: “...противостоять “пятой колонне” в лице номенклатурных мутантов и оборотней административной системы, всякого рода захребетников, а также националистов всех мастей...”. Каково?

Посмотрим, какова будет реакция в кругах официальных и неофициальных.

Публикуем указ Президента СССР о неотложных мерах по обеспечению стабильной работы базовых отраслей экономики. В нём говорится: народное хозяйство находится в критическом состоянии, падает производство, национальный доход сократился на 10 процентов. Поэтому для базовых отраслей (электроэнергетика, угольная, нефтяная, газовая, химическая, нефтеперерабатывающая промышленности, металлургия, железная дорога) вводятся приоритетные условия хозяйствования, стимулирования производства. Эти условия заключаются в том, что им разрешено до 10 процентов продукции реализовывать самостоятельно, по договорным, а не фиксированным ценам, в том числе за рубли... Ещё на предприятиях ряда указанных отраслей (угольной в том числе) вводится "особый режим работы", не допускающий её прекращения как средства разрешения трудового конфликта. То есть те же шахтёры теперь если и могут бастовать, то не останавливая производство...

А в стране сегодня общесоюзная забастовка лётчиков. Требования всё же: повышение зарплаты, улучшение условий труда, социальные гарантии. Наши авиаторы на работу, скорее всего, выйдут, но неизвестно, будут ли отправляться в рейс самолёты — из-за того, что бастуют в других регионах...

В Москве состоялась презентация книги "Нурсултан Назарбаев: без правых и левых". Ещё не читал. Говорят, там есть проникновенные строки, посвящённые Б. В. Исаеву.

23 мая

Роберт Штарк вернулся из Москвы, где участвовал во Всесоюзной конференции немцев. Написал большой материал. Вопросы немцы поднимают всё же, и главный из них — восстановление немецкой автономии в Поволжье. Делегатов конференции принял М. С. Горбачёв. Договорились, что "вопрос должен решаться поэтапно, по мере создания... необходимых экономических, социальных и политических предпосылок...". Когда эти самые предпосылки будут созданы, никто не знает, потому что руководители Саратовской и Волгоградской областей (как, впрочем, и их население) воспринимают идею возрождения немецкой автономии без всякого энтузиазма, а проще говоря, противятся ей... Между тем немцы эмигрируют в Германию десятками тысяч в год. В том числе и из Казахстана.

В своё время всерьёз обсуждался вопрос о создании немецкой автономии в нашей республике — с центром в Ерментау. И к ней должен был отойти самый хлебный район Павлодарской области — Иртышский. Говорят, даже практически утвердили на должность председателя облисполкома немецкой автономной области председателя знаменитого колхоза имени 30-летия Казахской ССР Я. Г. Геринга... Но в Целинограде состоялась очень грамотно подготовленная мирная демонстрация протеста, и тема закрыта.

Сегодня советские немцы также настаивают на восстановлении прежних (или создании новых) национальных районов в местах компактного проживания немцев, но и тут пока не просматривается никаких реальных перспектив.

28 мая

На заседании бюро обкома обсуждали кадровые перестановки и доклад на предстоящем пленуме. Секретаря по строительству Красносельского сменил начальник строительного объединения “Мелиорация” Санников. Объявлено об уходе Ажибаевой. Исаев обосновал это так: ей приходилось приспосабливаться ко всем первым секретарям обкома (“А кому не приходилось или не приходится?” — подумал я), из-за чего произошло её перерождение, и у неё появилась политическая бесхребетность; потеряла вкус к работе, болела — ей теперь не до дел. Тут кто-то из членов бюро заметил, что неплохо было бы обсуждать вопрос в присутствии самой Ажибаевой. Исаев пояснил: она в Москве, решает вопрос о своей будущей работе. Ещё сказал, что у него вообще много претензий к идеологической работе в области, за которую отвечает Ажибаева, и он об этом ещё скажет на пленуме обкома.

В качестве секретаря обкома по идеологии (вместо Ажибаевой) Исаев предложил Марданова, напомним его послужной список: замзавотделом обкома, начальник облуправления культуры, лектор ЦК Компартии Казахстана... И хвалили будущего секретаря, но как-то без вдохновения, не слишком убедительно, больше по обязанности.

Исаев (скорее, для разрядки) вдруг спросил у меня:

— Вы, я надеюсь, не против?

— Как можно, — в тон ему ответил я, и все рассмеялись.

Потом обсуждали другие кандидатуры. Против назначения на один из новых постов в облисполкоме решительно возразил Шакиримов: на этом месте должен быть человек более принципиальный и безупречный в моральном отношении. При этом Ш. никак не пояснил свою позицию, его поддержал Дуйсембаев, и кандидатура была отклонена.

Эта и другие должности — прерогатива Совета, но Исаев вёл заседание бюро, демонстрируя, что правящая партия и сегодня не намерена выпускать кадровую политику из своих рук.

Обсуждение текста доклада, подготовленного вторым секретарём обкома Ашимбетовым, протекало довольно бурно. Замечаний докладчику набросали — выше крыши. Доклад и в самом деле слаб, в нём много несуразностей. Но в нём была попытка изложить собственное видение ситуации, сложившейся в области. Но именно от этой позиции (небесспорной, но имеющей право на жизнь) все, кто выступал, не оставили камня на камне.

Я тоже выступил. Сказал, что испытываю противоречивые чувства: с одной стороны, бывшее бюро обкома, конечно же, должно отвечать за свои действия; но с другой — двум первым руководителям области (первому секретарю обкома и председателю облисполкома) такая оценка уже дана — самим фактом их ухода. Теперь присоединяются и два секретаря обкома. Остальные члены бюро всего полгода работали под началом бывшего первого секретаря и при всём желании не могли уж так сильно проштрафиться. Надо ли устраивать на пленуме разборку, подобную той, что совсем недавно происходила на собрании депутатов облсовета? Может быть, вообще сменить акценты и не об отчёте прежнего бюро вести речь, а о том, как действовать обновлённому — в новых условиях?

После чего возникла лёгкая перепалка... Но первый секретарь вновь заявил: прежнее бюро обкома заняло беспринципную соглашательскую позицию, и он даст этому оценку на предстоящем пленуме, как и бывшему “Первому” и его ближайшим соратникам; хотя они и ушли, дело их всё ещё живёт, сопротивление переменам сохраняется. И чтобы начать новый отсчёт времени, надо окончательно разобраться со старым. А то, мол, Мещеряков тоже хорош: сначала

пообещал, что откажется от мандата народного депутата СССР, который получил как первый секретарь обкома, а сам этого не сделал. И вот теперь даже приехал, чтобы вести приём избирателей, дал объявление в газете... А в помощниках у него — бывший помощник, нынешний начальник облсанэпидстанции Другов.

Так вот где, оказывается, собака зарыта! На этой неделе мне позвонил Другов и попросил дать такое объявление. Я, поразмыслив, согласился, хотя и не без колебаний. Какие у меня были основания для отказа? А вчера мне позвонил Шакиримов: как появилось объявление, кто его давал, оплачивал?

Так и живём. И ещё хотим, чтобы люди партии верили...

Теперь мне яснее и позиция Исаева. Этим самым пленумом он пытается решить двуединую задачу: покончить с “проклятым старым прошлым” и открыть областному партийному активу глаза: видите, какое дерьмо я получил в наследство! Но в таком случае претензии надо предъявлять даже не только “нашему” (во всяком случае — не только ему), а и предыдущему... А тогда надо спрашивать и с тех, кто сегодня мнит себя в героях.

Но доживём до пленума... Я тоже заготовил своё выступление — главным образом о делах газеты и её нынешних бедах, охарактеризовав его для себя как “слезливо-истерическое” — но ещё не решил — буду ли выступать.

Вышел “Простор” с моими “Блётками”. Приличная подборка, оставили практически всё, кроме новеллы о Ваське Дмитровском. Но радости почему-то нет.

А долгожданная статья в “Журналисте” принята родной редакцией в штыки. Во всяком случае — большей её частью.

Пришина: не знала, что работаю в такой никудышной газете; зачем всё это надо было писать — это мог сделать редактор любой областной газеты (скорее всего, она глубоко уязвлена тем, что я написал: и сегодня ещё, на шестом году перестройки, часть провинциальных журналистов не готова к работе в новых условиях — у нас в газете, где 25 штатных журналистов, подчас некому поручить материал, выходящий за рамки наезженной колеи).

Обиделись Фролова и Попов...

Гольшкин сказал: создаётся такое впечатление, будто один редактор бьётся как рыба об лёд, а все остальные — ни богу свечка, ни чёрту кочерга; ты противопоставил себя всем.

Семерьянов сказал, что не ко времени эта статья...

Поразительно! Никогда не думал, что реакция будет такой: писал о том, что болит, о том, что провинциальная журналистика переживает жесточайший кризис, вот и нам не удастся сделать газету качественно иной — творческие возможности местной прессы более чем скромны... Никого не хотел обидеть, наоборот, хотел, чтобы люди задумались. А вышло — один против всех?

Впрочем, Ковхаев сказал, что статья нормальная, самодостаточная, а на всех не угодишь.

Ещё позвонила Татьяна Конобейцева — прочитала статью. Хвалила. “Ну да, — ответил я ей прямо, — это, наверное, потому, что она тебя не касается...”. — “Как раз потому и звоню — что всех нас касается... Просто не все готовы сказать сами о себе правду...”.

Я Татьяну тоже если не обрадовал, то точно удивил, сообщив, что в Павлодаре уже почти с месяц обретается Пашка Бабенко. Она ему тут же перезвонила (в гостиницу), а он от этого слегка приодурел...

Добавление из 2006 года. Подумал, что уместно будет привести здесь ту злополучную статью из “Журналиста”, чтобы стало яснее — о чём речь и почему она так была воспринята...

Провинция там, где застой мысли

В конце прошлого года вышел юбилейный номер нашей газеты “Звезда Прииртышья”. В числе прочих материалов были размышления бывших редакторов — каждого о своём времени. Оказались там и мои 150 строк. О том, что в чём-то моим предшественникам было проще, чем мне: хорошо знали свой “шесток” — что можно, а чего нельзя.

Однако мне грех жаловаться: я дожил до гласности (кто из редакторов о ней не мечтал!), и мы теперь печатаем такие вещи, за которые ещё недавно можно было не только креслом поплатиться, но и отправиться в места не столь отдалённые.

Наше ремесло стало более свободным, мы независимы в суждениях, в нас просыпается чувство собственного достоинства.

А на душе тревожно. Почему?

Пытаюсь разобраться в самом себе, дискутируя с коллегами, прихожу к выводу, что это ощущение тревоги имеет свою осязаемую опору из трёх “китов”-первопричин. Условно говоря, их можно обозначить так: политические, экономические, творческие.

И начал бы я с последней.

Анатолий Аграновский когда-то тонко заметил, что провинциализм — понятие не географическое, а социальное.

Да, провинция — это не там, где далеко от столиц, а там, где застой мысли. Отдадим должное перестройке — она немало сделала для того, чтобы стереть в этом смысле грани между центром и окраинами. И страсти “на местах” бушуют порой ещё похлеще, чем в столицах. В нашем некогда тихом Павлодаре были в прошлом году и забастовки, и голодовки, и митинги, и съезд социал-демократов, что всякий раз сопровождалось бурным общественным возбуждением. И всякий раз вставала злободневная проблема: как освещать эти события? Не без скрытого и явного сопротивления удалось отвоевать право информировать читателей о подобных и других “аномальных” явлениях.

Теперь об этом писать легко, а тогда... “Зачем будоражить людей?”, “Неформалов защищаете?”, “Экстремистов пропагандируете?” — это лишь малая часть упреков и обвинений, которые приходилось, впрочем, и до сих пор приходится выслушивать. Тем не менее мы у себя в редакции утвердились во мнении: информировать читателей обо всём, что происходит в области (независимо от того, нравится происходящее кому-то или нет), — не только наше право, но и долг. Есть тут и прагматическая целесообразность. Положа руку на сердце: мы ведь не можем тягаться с коллегами из столичных изданий по уровню публицистики, литературного мастерства. Чем же можем привлечь читателя? Прежде всего оперативной, достоверной информацией о жизни области — той информацией, которой в полной мере обладаем именно мы. И наши поиски в этом направлении были замечены читателями. Стали популярными регулярные первополосные подборки событийной, в том числе политизированной, информации — “Курьер “Звезды Прииртышья” и четвёртополосные “200 строк в субботний номер”, актуальные комментарии журналистов “На темы дня”, еженедельные подборки читательских писем, событийные репортажи. Учитывая, что газеты подорожали и люди зачастую не в состоянии выписывать сразу несколько

изданий, мы начали публиковать дайджесты центральных газет, так называемой альтернативной прессы, республиканской и местной казахскоязычной печати.

Словом, газета как будто меняется к лучшему. Для нас главное, чтобы был ощутим поворот от ведомственного подхода в освещении жизни области к общечеловеческому. В общем, что-то сделать удалось.

И всё же превратить “Звезду Прииртышья” в газету качественно иную, скажем, на порядок выше по профессиональному уровню, нам пока не удалось. Да и вряд ли в скором будущем удастся. Об убогости полиграфического исполнения говорить, вероятно, не стоит: в подобном положении большинство газет нашего уровня — лишь бы хуже не стало. Что же до содержания... Надо сказать себе правду: и сегодня ещё, на шестом году перестройки, часть журналистов, в первую очередь провинциальных, не готова на высоком профессиональном уровне освещать главные проблемы нашей жизни: экономические, политические, межнациональные.

Мне думается, тут есть один фактор, от которого просто так не отмахнёшься и никуда, как говорится, не уйдёшь.

Давайте вспомним, кто ещё не так давно пользовался спросом в большинстве изданий. Это — некий усреднённый, обкатанный тип журналиста, хорошо знающего своё место, никогда не высывающегося, не доставляющего хлопот редактору. Такой тип журналиста формировался не одно десятилетие. И не так просто заменить его новым.

Беда и в другом. А. П. Чехов всю жизнь по капле выдавливал из себя раба, а иные наши собраты и сегодня ещё не приступили к этому внутреннему очищению. Может, просто неспособны, может, выжидают. Есть и такие, кто вообще не годен к работе в новых условиях — не обладают достаточной квалификацией, профессионализмом. С такими всё как будто ясно, им надо уходить, менять работу. Ну, хорошо, а других-то где взять? У нас ведь не столица! За последние пять лет в газете побывало на практике десятка полтора студентов журфака. А для работы удалось “выловить”... одного. Вот и выходит, что в редакции, насчитывающей в штатном расписании 25 журналистов, подчас некому поручить подготовку материала, выходящего за пределы наезженной колеи.

Грустно, конечно, но такова реальность: творческие возможности провинциальной прессы пока более чем скромны.

Не добавляют оптимизма и политические нюансы нашей работы. “Звезда Прииртышья” сохранила свой прежний статус, учреждена областным Советом и обкомом Компартии Казахстана. В целом отношения с учредителями стали более ровными, доверительными, конструктивными. Учитывая возрастающую роль Советов в жизни общества, пошли на выпуск специального еженедельного номера “Советы и жизнь”. Стараемся делать его независимым, отражающим спектр общественных умонастроений. Учредители активно помогали газете в подписной кампании, помогают они нам и с жильём, и в других вопросах. Но я погрешил бы против истины, если бы сказал, что в наших отношениях установилась атмосфера полного доверия. Взять хотя бы историю с регистрацией. Коллектив редакции не возражал против того, чтобы газета сохранила прежний статус, но пожелал выступить наравне с обкомом партии и облсоветом соучредителем своего издания. Мотивы, думаю, ясны. Пошли на переговоры — и получили от ворот поворот. Аргументы? Мы, мол, и так вашу свободу не ограничиваем, у вас отдельный счёт, деньгами распоряжаетесь сами, чего, дескать, ещё надо? И как ни убеждали в том, что журналисты имеют право на соучредительство, что это нам нужно для обретения душевного равновесия, уверенности в завтрашнем дне, равноправного партнёрства, повышения ответственности коллектива за результаты финансовой деятельности редакции, — не убедили.

И вот думаю теперь: почему мы начинаем искать пути к согласию лишь тогда, когда противостояние сторон доходит до крайних пределов? Я не только о соучредительстве веду речь. Подобное сегодня наблюдается сплошь и рядом — в политике, экономике, международных отношениях.

Ещё момент, над которым стоит поразмышлять, на мой взгляд. В прошлом году все мы были свидетелями ряда шумных “бракоразводных” процессов с разделом газетного имущества, его “самозахватом” и прочими атрибутами нарождающейся демократии. У этой проблемы масса аспектов, но коснёмся только одного. Куда пойдут в такой ситуации лучшие журналистские силы или, наоборот, где они предпочтут остаться? Я думаю, дело не в том, где больше платят, хотя это, естественно, имеет значение. И всё же журналисты наверняка выберут то издание, где им больше доверяют, где у них больше возможностей для самореализации. Пока в Казахстане областные газеты остаются в основном изданиями обкомов партии и облсоветов. Но вот уже созданы самостоятельные советские газеты у наших соседей в Караганде и в Целинограде, появляется много новых. У крепких журналистов будет возможность для выбора. И, как это ни грустно сознавать, я не убеждён в том, что многие из моих коллег не оставят в таком случае редакцию. Не только из-за того, что нам было отказано в соучредительстве. Но и поэтому тоже.

Ещё один повод для тревоги — дела финансовые. Много лет “Звезда Прииртышья” была прибыльным, устойчиво рентабельным изданием. Правда, мы до недавнего времени от этого решительно ничего не имели. В последние год-полтора наметились кое-какие сдвиги: завели свой счёт в банке, стали учиться считать деньги, занялись рекламой. Появилась возможность поднять людям зарплату. Но накануне новой подписной кампании было объявлено о двойном повышении цен на бумагу и услуги полиграфистов. А главный сюрприз преподнесли связи: с нас первоначально затребовали сумму примерно в 14 раз большую, чем мы платили прежде. Аппетиты связистов удалось умирить более чем на треть. Но всё равно провинциальные газеты оказались в куда худшем положении, нежели центральные. Никаким рынком тут не пахнет. Обыкновенный, ничем не прикрытый ведомственный диктат. Где гарантия, что аппетит не разыграется у других наших партнёров?

Наша газета нынче подорожала вдвое. Именно поэтому и потеряли пятую часть подписчиков. Но и набрав 120 тысяч тиража, не покрываем всех расходов. Ожидаемые убытки — 238 тысяч рублей.

Существование убыточных производств в условиях рынка немыслимо. Одной рекламой положение не исправить. Садиться на шею учредителей, искать богатых спонсоров тоже не дело — какая уж тут независимость? Выходит, чтобы выжить, опять придётся поднимать цену на газету? Но ведь и терпение наших читателей не беспредельно.

Более трёх десятков газет выходит сегодня в Павлодарской области. Разумеется, большинство из них не сможет выжить в условиях рынка. Вряд ли кто станет содержать газету, выходящую тиражом от двух до пяти тысяч экземпляров и приносящую в год десятки тысяч убытка. А нынешняя ситуация именно такова.

Недалеко ушли, как выясняется, и областные газеты. Какой будет их судьба? У нас, к примеру, больше половины подписчиков в Павлодаре и совсем немного в Экибастузе и Ермаке, где довольно крепки позиции местных городских газет. Но ведь не исключено, что в Павлодаре может появиться конкурент — городская газета. Нужна ли тогда будет областная? А если нужна, то какая?

Может быть, ориентированная главным образом на сельского читателя? А может быть, наиболее перспективными станут региональные издания?

Увы, вопросов пока больше, чем ответов.

Ю. ПОМИНОВ,

редактор областной газеты “Звезда Прииртышья”.

30 мая

М. С. Горбачёв наконец доехал, вернее, долетел до Казахстана. Его давнишний кратковременный визит в Целиноград не в счёт... Хотя и на этот раз визит начался с Кокчетова, где высокому гостю продемонстрировали в магазине кооперативов сразу десять сортов копчёных колбас и столько же — варёных. Судя по всему, казахстанцы не собираются “грузить” Президента, и без того замордованного нескончаемыми проблемами. Всюду — и на полях, и на фермах, и на предприятиях его встречают как дорогого гостя, рассказывают о нововведениях, демонстрируют достижения.

М. С. Горбачёв побывал также в Чимкентской области и в Алма-Ате, сказал, что Казахстан идёт в авангарде перемен. На вопрос о Семипалатинском полигоне ответил: решение о его закрытии принято, но взрывы пока всё же надо проводить. Наш полигон более полутора лет молчит, а американцы за это время провели шесть или девять взрывов...

Пока нам не прислали тексты выступлений М. С. Горбачёва и Н. А. Назарбаева на собрании республиканского актива. Самое интересное будет, скорее всего, в них.

1 июня

Оперативная группа милиции и КГБ обнаружила в отделе сбыта винно-водочного завода настоящие завалы дефицитов: обувь, французские духи, индийский чай, красная икра — всего более 50 наименований. Всё это привезено взамен на дефицитную “Посольскую”, выпускаемую заводом. В свободной продаже её, само собой, нет.

А водка эта и впрямь хороша, какой-то особой очистки, её можно пить не закусывая.

Ещё — почти из той же серии: “неустановленные лица” залезли ночью в пищеблок первой городской больницы и утащили оттуда пять килограммов сахара, 20 банок рыбных консервов и 60 бутылок молока.

Как говорится — кому что требуется...

2 июня

С тяжёлым сердцем шёл на вчерашний пленум обкома. Даже посидел несколько минут в саду на лавочке — уж больно тяжёлый и неприятный разговор ожидался...

Нас, членов бюро, попросили прийти к девяти утра, за час до начала. В приёмной Исаева (её ещё называют “первой” приёмной) столкнулся с выходящей из его кабинета Ажибаевой, у которой было какое-то неестественно серое лицо...

Всё стало ясно через несколько минут: она отказывается оставлять свою нынешнюю должность. Мотив: на неё оказывается грубое давление, распускаются слухи, что у нас в области вся идеология в провале, хотя совсем недавно ЦК Компартии Казахстана оценил эту работу положительно... А. считает, что её судьбу должен решать не первый секретарь лично, а пленум обкома, и просит

дать возможность доработать на прежнем месте, пока в Москве утрясётся вопрос с её трудоустройством.

Потом Исаев опять привёл свои, уже знакомые нам аргументы, добавив к ним ещё и то, что она разогнала лучшие идеологические кадры (Хмельницкий, Стоянова, Удовиченко) и привела вместо них случайных людей; что давно потеряла не только политическое лицо, но и вкус к работе, и к тому же сама обещала уйти...

После чего наступило долгое, невыносимо тягостное молчание...

Прервал его начальник отделения железной дороги А. С. Саркыншаков. Волнуясь, сказал, что выходить на пленум с этим кадровым вопросом нельзя.

Я сказал, что недавно приобщился к высшим эшелонам областной власти и меня просто удручает царящая в них атмосфера. Теперь вот предстоит “разборка” на пленуме обкома, чего допускать нельзя. Нужен компромиссный вариант: в данном случае надо дать Ажибаевой доработать...

Нас с Саркыншаковым поддержали члены бюро из рабочих... Остальные хранили упорное молчание. Исаев попросил их высказаться. За уход Ажибаевой высказались Дуйсембаев и Симон; первый — прямо, второй — в обтекаемой форме: мол, если человек в принципе решил уходить, то какая уже может быть работа... Ашимбетов тоже был за её уход, но с оговоркой: может быть, всё же дать доработать...

Председатель КГБ Мусабаев робко заметил: “Стабильности хочется...” — что можно было истолковывать по-разному, но, вернее всего, он имел в виду, что вопросы такого рода надо решать полюбовно.

— Откуда же возьмётся стабильность? — раздражённо сказал Исаев, — когда сюда приезжает Мещеряков, опять накаляет обстановку и даже находит себе помощников... А я даже среди членов бюро её не нахожу, хотя мы, кажется, предварительно обо всём договорились... Вот и теперь мнения разделились... Так и выйдем на пленум? Я к этому готов — пусть решает пленум.

Однако после неудавшегося разговора с членами бюро Б. В. Исаев держал совет ещё и с первыми секретарями райкомов партии, часть которых также определённо высказалась против спешного решения этого вопроса, и он был снят с повестки дня.

Сам пленум прошёл без всяких эксцессов, временами даже по-застойному. А когда первый секретарь Майского райкома партии, помимо прочего, сказал в своём выступлении, что не дело — бросать камни вслед уходящим, пусть всё, что ими сделано, будет на их совести, — в зале даже раздались аплодисменты — едва ли не единственные за весь пленум. По ним можно было судить и о настроении его участников, и об их отношении к обсуждаемому вопросу. И сразу после первого перерыва поступило предложение прекратить прения, которое было дружно поддержано. Так что я, скорее всего, был недалёк от истины, высказывая на недавнем заседании бюро обкома свои сомнения относительно актуальности обсуждаемого вопроса...

Верен себе остался Дуйсембаев, выступивший с жёсткими оценками всё тех же персонажей и бюро обкома в целом и предложивший признать его работу неудовлетворительной, беспринципной. В том, что говорил Д., было немало справедливого, но правда и то, что у него самого “голос прорезался” лишь после вынужденного ухода с поста второго секретаря обкома...

Впрочем, предложение Дуйсембаева больше никем не было поддержано... А претендент на должность секретаря обкома по идеологии К. М. Марданов молча просидел весь пленум в президиуме.

Так что победила, можно сказать, Ажибаева (вернее — возобладал здравый смысл большинства членов обкома), у которой, как оказалось, был ещё и день рождения. Хотя вряд ли это вообще можно считать победой — работать в обкоме она всё равно не будет, это лишь временная оттяжка. И щелчок Исаеву по носу... И хотя вроде и “наша взяла”, я не испытываю никакой радости... Потому что вся нынешняя партийная политика — это интриги и грязь, ложь и неискренность.

Отчёт с пленума, наиболее откровенные оценки, прозвучавшие на нём из уст тех же Исаева, Дуйсембаева, Абдыкалыкова, даем один к одному. Люди сами разберутся — что к чему.

4 июня

Публикуем большую речь Н. А. Назарбаева на республиканском активе с участием М. С. Горбачёва. Н. А. говорит о вакханалии в системе поставок сырья и материалов, о бессилии центра, о бессовестном грабеже села. Так, например, фиксированная цена на трактор “К-701” — 35 тысяч рублей, а завод установил собственную — 48 тысяч. Чтобы купить один зерноуборочный комбайн “Дон-1200”, надо продать более 100 тонн зерна, или 60 тонн молока, или девять тонн мяса. Это явный грабёж.

Еще Н. А. настаивает на скорейшем подписании нового Союзного договора теми республиками, которые готовы к этому (их девять).

Критикует нашумевшую статью А. И. Солженицына, не называя, впрочем, его имени... Говорит, что как коммунист никогда не откажется от великой социалистической идеи, но он против движения назад, в “командный” социализм.

М. С. Горбачёв опять разъяснял, убеждал, агитировал, но осталось ощущение, что оправдывался.

5 июня

Пытались сегодня составлять прогноз на будущее газеты, предусмотреть разные варианты на все случаи жизни. Попытки эти, скорее, эфемерны, но надо же как-то упреждать грядущие неприятности, барахтаться как та лягушка в молоке, сбившая в конце концов масло.

Что мы, в сущности, можем? Зарабатывать на рекламе — и мы это делаем. Сократить часть штата — это возможно, хотя и очень болезненно. Можно ещё привлечь какие-то благотворительные деньги... Значительно повышать подписную цену нельзя — люди стали жить хуже и стараются считать каждую копейку. Но можно увеличить розницу и варьировать цену — в зависимости от реальной ситуации... Примерно так и станем действовать.

6 июня

Ездил к директору Ермаковского завода ферросплавов С. А. Донскому. Умнейший мужик, тонкий психолог, руководитель, каких поискать. Это при нём завод, долгое время пребывавший в состоянии перманентного кризиса, встал на ноги и заработал в полную силу. Ермаковские ферросплавы высоко котируются не только в СССР, они хорошо известны в мире. Несколько лет назад одна из влиятельных американских газет писала о том, что наши ферросплавы потеснили на мировом рынке американские. Мы потом дали у себя эту публикацию в переводе.

Ко мне Семён Аронович относится со сдержанным уважением и некоторой опаской. Из-за нашей газеты он не смог стать делегатом последнего съезда КПСС, хотя его кандидатура уже была одобрена во всех инстанциях. Я этого не знал и подписал критический материал Кости Минкина, который ездил в Ермак по

письму то ли завхоза, то ли электрика заводского ДК металлургов, которого, погорячившись, уволил Донской. Потом он же не захотел объясняться по этому поводу с Минкиным, и в результате появилась публикация.

А уже на следующий день я объяснялся с заворгом обкома И. И. Скрипко. Рассказал — как было дело, и он мне по секрету сообщил, какую роль сыграл этот злополучный материал в судьбе директора одного из лучших заводов Союза, и к тому же председателя ревизионной комиссии обкома партии: посоветовавшись, верхушка обкома решила не рисковать (гласность же, а вдруг и другие обиженные начнут писать наверх) и отставила кандидатуру Донского в качестве делегата партийного съезда.

Второй раз мы “подгадили” Донскому, когда он, послушавшись партийного совета, не стал снимать свою кандидатуру в народные депутаты СССР. Тут он просто по-человечески обиделся и закусил удила, ведь выдвижение его тоже получило партийное благословение. Оказалось, это не более чем предвыборные игры, потому что нужен был депутат от рабочих... “Что я вам — мальчик, — якобы сказал Донской говорившему с ним “по душам” секретарю горкома партии, — то выдвигайся, то задвигайся, перед людьми стыдно!”. И стал вести предвыборную агитацию “не по правилам”. Приезжал в деревни, где его не знали, останавливался на бойком месте, говорил с людьми на их языке... Дальше на него работал уже узункулак. Что же до Ермака, то там за него проголосовали бы и без всякой агитации.

Поскольку шансы Донского стремительно росли, а ни на какие уговоры он не поддавался, в ход был пущен приём, безотказно действующий на советского человека. Нам в газету принесли материал из службы госфинконтроля с критикой в адрес руководителей предприятий, выплачивающих себе непомерно большие премиальные. Он так и назывался — “По четырнадцать с половиной окладов...”. И хотя никто из руководителей (а среди главных персонажей там фигурировал, само собой, директор ферросплавного завода Донской) не нарушал при этом закон (предприятия перевыполняли планы, внедряли новую технику и технологию и т. д.), они как бы отрывались от коллективов — другим работникам тоже полагались премии, но куда более скромные. Словом, расчёт был безошибочный...

Я пытался отговорить от подобной антирекламы в адрес Донского (а в материале фигурировали также директор алюминиевого завода и другие руководители) председателя облисполкома, первого секретаря обкома, но безуспешно... Публикация получила скандальный резонанс, после неё у Донского уже не было шансов победить на выборах... Но, впрочем, об этом я уже писал в своей “Хронике”, как и о том, что, к чести Донского, он никогда не напоминал мне о той истории, потому что понимал — то была не моя инициатива, а вполне обдуманый “точечный” удар известных ему лиц, предназначенный ему лично...

На этот раз мы проговорили часа два: и о делах завода, и о ситуации в области, и “за жизнь” вообще... Узнал для себя много нового: завод производит ежегодно почти миллион ферросплавов (каждую пятую тонну в стране), а также треть всего ферросилиция и почти половину углеродистого феррохрома в СССР. Примерно пятую часть ферросплавов закупают крупные компании США, ФРГ, Японии, откуда они расходятся по всему миру. На долю завода приходится 97 процентов валютных поступлений в область.

О ситуации в стране Донской сказал следующее: у нас была создана крайне неэффективная, по сути дела, самоудушающая экономическая система, а выжили мы до сих пор лишь потому, что у нас безмерно богатая ресурсами страна и безмерно любящие её люди. И сегодня, когда эйфория от перестройки прошла,

эти самые люди, во всяком случае большая их часть, находятся в состоянии оцепенения — они концы с концами в этой “новой” жизни свести не могут... Отчаявшиеся и разуверившиеся, они вполне способны пойти за тем, кто пообещает им спокойствие, порядок и относительную сытость... Отсюда и неприятие частью общества радикальных реформ.

Спасибо Донскому — на кое-что он открыл глаза и мне самому...

Ещё я спросил, как ему удаётся преодолевать кризисные ситуации в своей жизни, все эти катаклизмы последних лет? Он чуть-чуть подумал и рассказал историю. Недавно он в числе других директоров заводов побывал в Африке, на сафари... Гид рассказывал им, как львы охотятся на буйволов. Иногда при групповой охоте им удаётся “завалить” взрослого буйвола или буйволицу. Но, оказывается, это лишь полдела: шкура у этих животных настолько крепка, что добраться до мяса не так-то просто. Тогда старая, самая опытная львица прогрызает на брюхе у буйвола небольшое отверстие, и, постепенно расширяя его, львы постепенно выедают мясо изнутри...

— Я как тот старый буйвол, — подытожил Донской, — во многих житейских передрыгах моя шкура настолько задубела, что к мелким укусам она не чувствительна, да и крупных я по большому счёту не боюсь...

Интервью, считаю, получилось. Назову его одной из понравившихся мне фраз Семёна Ароновича “Объявим мораторий на болтовню!”. Смысл очевиден: меньше говорить и больше делать.

На совместном заседании Совета республики и Высшего экономического совета, проходившем под председательством Н. А. Назарбаева, заявлено: одним из основных принципов проведения в Казахстане разгосударствления и приватизации станет социальная справедливость, государство безвозмездно возвратит людям часть произведённого ими за годы работы национального богатства.

На пленуме обкома партии названы цифры: только за шесть последних месяцев численность Павлодарской городской парторганизации сократилась на 1216 человек, Экибастузской городской — на 620 человек, областной в целом — на 2783, или на 5,4 процента. В Павлодаре из-за массового выхода из партии ликвидировано 12 первичных парторганизаций.

8 июня

Четыре совхоза Ермаковского района продали одной из итальянских фирм 130 лошадей. Всего было отправлено по железной дороге 150 лошадей, но 20 из них западные партнёры забраковали. За остальных расплатились валютой — в переводе на рубли более 18 тысяч за каждую лошадь.

Приславший эту информацию Юра Сакин не пишет, для чего итальянцам понадобился этот табун. Вернее всего — на мясо...

Надвигающийся хаос коснулся и железнодорожного сообщения. Перестали ходить поезда “Павлодар — Харьков” (украинцы посчитали этот маршрут нерентабельным). Поезд “Киев — Павлодар” ходил круглый год, а теперь — только

летом. Фактически у нас остался всего один поезд дальнего следования — “Павлодар — Москва”, но и он ходит через день, хотя билетов на него не взять.

Практически вдвое выросли цены на железнодорожные билеты.

В Павлодаре создан универсальный биржевой центр. Возглавил его бывший директор химзавода С. С. Беркетов. Когда-то, в пору моей журналистской юности, мы с П. А. Побережниковым ходили к нему — выколачивать мне общагу. И не без труда выбили — девятиметровую конуру на улице Толстого, где я с семейством (Ольгой и маленьким Данькой) обитал. К счастью, недолго...

В учредителях биржи — крупнейшие предприятия области и даже облисполком. Биржа — своего рода большой базар, где счёт сделкам идёт не на сотни и тысячи, а на десятки, сотни тысяч и многие миллионы.

“Крадут на корню” — заголовок одной из информаций из сегодняшнего номера. В садоводстве “Мелиоратор” неизвестные аккуратно выкопали и унесли с дачи 45 укоренившихся кустов помидоров, столько же — рассады перца, все гладиолусы. Сторож, как водится, ничего не видел.

Пострадавшим помогли рассадой соседи — кто чем мог...

11 июня

Партийный комитет Ермаковского завода ферросплавов направил коллективное письмо М. С. Горбачёву. Требования: увеличение заработной платы и продолжительности отпусков, установление льготных пенсий для рабочих, занятых на особо трудных производствах, увеличение закупочных цен на продукцию предприятия.

Пока политики безуспешно занимаются переустройством нашей жизни, граждане страны занимаются самовывживанием. Узнал из нашей газеты: в личных хозяйствах населения области содержится 207 тысяч голов крупного рогатого скота, в том числе 112 тысяч коров (по 118 на каждые 120 сельских дворов), 237 тысяч овец и коз, 40 тысяч лошадей и 37 тысяч свиней. Сельские семьи не только себя кормят, но и часть горожан. И, конечно же, подворье в разы продуктивнее совхозного сектора.

Супермарафонец Марат Жыланбаев из Экибастуза получил регистрационный сертификат книги рекордов Гиннеса, куда он занесён дважды — за пробег 75 классических марафонов (42 км 195 м) с 6 октября по 1 апреля 1991 года и за пробег 23 классических марафонов со 2 по 24 марта 1991 года.

Теперь Марат задумал пробег по маршруту Владивосток — Экибастуз и ищет спонсоров. Может быть, найти их поможет ему и публикация в нашей газете о его достижениях.

14 июня

Не доходят руки до “Хроники”: днём — работа, вечером — почти каждый день дача. Стоит жуткая жара, от которой нет спасения ни днём, ни ночью.

Жара буквально плавит мозги, раздражает и изматывает. Дождя нет уже третий месяц: посевы ещё кое-где держатся, а сенокосы сохнут на глазах. Одна надежда — на пойму... И такое положение во всём Северном Казахстане, в соседних российских областях. Если не пойдут дожди, останемся и без хлеба, и без мяса.

Позавчера россияне выбирали президента. Победил, как и ожидалось, Б. Н. Ельцин — уже в первом туре. За ним — с большим отрывом — идёт Н. И. Рыжков.

Насколько я понимаю, теперь предстоит отставка Горбачёва, а, возможно, и отставка Совета Министров СССР, роспуск Верховного Совета СССР. Потому что итоги президентских выборов в России, кроме всего прочего, свидетельствуют о настроении россиян в пользу радикальных реформ. А ещё эти итоги говорят не только о весьма скептическом отношении населения к “умеренному” Рыжкову, но и о непопулярности среди народа российской компартии, выдвинувшей и поддерживавшей Рыжкова на выборах. То есть россияне определились: они, скорее, с Ельциным, чем с Горбачёвым. А что такое СССР без России?

Примерно 55 процентов ленинградских избирателей высказались за возвращение их городу прежнего названия Санкт-Петербург. И это после волны общественного протеста, прокатившегося по всей стране (не без участия КПСС, на курсах в АОН при ЦК КПСС нам даже рекомендовалось “формировать эту волну общественного давления”). Все эти митинги, решения партийных пленумов, обращения трудовых коллективов, письма в газеты с целью отстоять имя Ленинград не помогли... Хотя сам я, честно говоря, думал, что останется Ленинград...

Теперь в Ленинградской области будет город Санкт-Петербург.

Плохая новость. Сергей Горбунов подал заявление. Переходит в КазТАГ — собкором по нашей области. Я его обругал, сказал — бежит, как крыса с тонущего корабля; редакция столько для него сделала, а он бросает её в такую трудную минуту. У него нашлось что ответить: даже мои ближайшие помощники давно махнули на меня рукой, считая мою песенку спетой.

Разговором с Сергеем один на один я не удовлетворился и в том же духе высказался на планёрке, чем также вызвал кое у кого неудовольствие. Гришина после сказала: что же мы теперь все вместе должны тонуть с этим кораблём? И не только Горбунов, но и другие прикидывают для себя разные варианты...

Так что разброд и шатания продолжаются.

Собирался идти к Б. В. Исаеву — откровенно поговорить о ситуации, которая складывается в редакции... Но, кажется, это его не так уж сильно трогает, потому что он позвонил сам (по другому поводу) и в ответ на мои стенания (надо, мол, прийти в редакцию — поговорить с людьми, успокоить) заметил: успокоить нас он вряд ли сможет, разве что скажет — будет ещё хуже.

Я ещё (опять нарываюсь) спросил: нет ли у него ощущения, что члены обкома не хотели обсуждать на прошедшем пленуме отчёт бюро? Есть такое ощущение,

сказал он, и вывод есть тоже: оказывается, дело Мещерякова по-прежнему живёт, противодействие сохраняется, многие хотели бы, чтобы ничего не менялось и впредь; вот и вы все хорошие, добрые, а я один плохой; но в итоге получается, что проблемы (вашей газеты, например) решать некому...

Ходили с А. М. Мухамеджановым к зампреду облсовета К. Б. Даржуманову и первому зампреду облисполкома К. Н. Шакиримову, настаивали на том, чтобы они подключились к решению “бумажной” проблемы. Будет ли толк — неизвестно.

А связисты вчера прислали новые условия договора на распространение газет: стоимость всех своих услуг в расчёте на экземпляры они оценили в 8,22 копейки — против 2,9 копейки в нынешнем году. Вот и живи, как знаешь. И неизвестно ещё — сколько будет стоить бумага.

Это просто сумасшествие какое-то...

15 июня

Газета “Социалистик Казахстан” изменила название на “Егименди Казахстан” (“Независимый Казахстан”). В “Казахстанской правде” вместо лозунга “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” теперь другой — “За гуманизм и демократию!”.

А мы всё ещё выходим с “пролетариями”, хотя давно предлагали снять этот девиз.

17 июня

Понедельник. Как всегда, суматошный. На “аппаратном” совещании в обкоме первый секретарь был в хорошем расположении духа. Причина оказалась проста: Экибастуз посетил Н. А. Назарбаев, остался посещением доволен и даже согласился на товарищеский ужин...

Нам Б. В. сделал замечание: почему в Экибастузе не оказалось местной прессы?

— Нас никто не счёл нужным даже поставить в известность о приезде президента, — обиженно сказал я.

— Другие же как-то узнали, да и вся область говорила об этом, — продолжал Б. В.

— “Другие” приехали из Алма-Аты — вместе с президентом, — не сдавался я.

— Всё равно надо быть порасторопнее, — заключил “обмен мнениями” Б. В.

Думаю, что в суматохе, предшествующей визиту Н. А. Назарбаева, о нас просто забыли... Да и не освещали мы в прежние времена поездок первых лиц республики — это всегда было прерогативой “казтаговцев”.

Вечером — звонок из обкома: почему вы добиваетесь отдельной встречи редакции “ЗП” с первым секретарём обкома, ведь можно было бы устроить совместную — и с коллективом “Кызыл Ту”.

— У нас разное финансовое положение. “ЗП” уже давно самоокупаема (за исключением прошлого и нынешнего годов), а соседи всегда получали дотацию. В условиях рынка каждый прежде всего должен позаботиться о себе сам. Мы хотели выжить, рассчитывая на самих себя. Учредители должны определиться — нужна им газета или нет? Мы сегодня не чувствуем, что нужна.

В ответ последовал “товарищеский” совет не употреблять слов “должен”, “должны” по отношению к первому секретарю и председателю облисполкома — они этого не любят.

Былещё один разговор—обнадёживающий: второй секретарь обкома К.К. Ашимбетов сказал, что изучается возможность обмена на бумагу какого-то количества мяса. Впрочем, особой уверенности в успехе задуманного нет: мясо это — “облпотребсоюзское”, менять его собираются в первую очередь на дефицитные масло и табак, так что вряд ли дойдёт дело до нашей бумаги.

Очередная редакционная “летучка” прошла вяло, неинтересно. После обзора газеты за две недели никто, даже после моих призывов, не захотел выступать. Вынужден был встать сам, отклонил четыре из пяти материалов, названных обозревателем лучшими. На том и разошлись.

Такое ощущение — будто редакция в путях оцепенения, которые она никак не может сбросить. А может, я просто не умею заставить людей работать? Хотя кто сегодня может с полным правом о себе сказать: я умею, у меня работают.

Стало известно, что у моей двоюродной сестры Нади (дочери дяди Коли и тётки Нины Хухаревых) тяжёлая форма рака. Некоторое время назад ей удалили грудь. Мать попросила меня сходить к врачу, навести справки — чего ждать в будущем. Сходил к участковому врачу и вернулся почти успокоенным: всё у Нади теперь должно быть в порядке. А на днях поступил результат анализов из онкодиспансера: у неё прогрессирующий рак.

Мать сегодня звонила в Железинку Наталье, чтобы она приехала в Павлодар — “пока Надя живая”, — навестила сестру.

Мудрая женщина наша мать. Нам у неё этой житейской мудрости учиться и учиться.

20 июня

В традиционном “Президентском часе” Н. А. Назарбаев, отвечая на вопросы телезрителей, сказал, что текст нового Союзного договора согласован, и его можно отправлять на обсуждение Верховным Советам республик.

Одним из спорных моментов остаётся разделение полномочий в вопросах собственности. Республики хотят недр и внешнеэкономические связи оставить себе, а центр этому противится. Предложен компромиссный вариант — пусть это будут совместные полномочия, но против этого теперь уже республики.

Ещё нюанс: многие автономные образования России также объявили себя суверенными республиками и хотят подписать договор на правах субъектов федерации нового Союза. А это может привести уже к развалу России.

Начальник трамвайного управления Д. Д. Махмутов вновь рассказывает на страницах нашей газеты о перспективах открытия троллейбусного движения в Павлодаре. Разработана комплексная схема, утверждённая правительством республики, в соответствии с которой планируется проложить пять маршрутов. Три начнутся от железнодорожного вокзала и протянутся: один — до Усольского

жилого массива, второй — до алюминиевого завода, третий — до дачного микрорайона. Ещё два свяжут алюминиевый завод с Дачным и Усолкой. Их общая протяжённость — сто километров.

Первые троллейбусы должны выйти на городские улицы уже в 1994 году.

Г. Жаманбалинов прислал хороший аналитический материал о незавидном экономическом положении крупнейшего района области — Иртышского. Хотя точно такое же положение, если не хуже, и в большинстве других районов. Кризис социалистической системы хозяйствования налицо. Но — поразительная вещь — в большинстве районов есть хозяйства, которые не только держатся на плаву, но и развиваются даже при нынешнем экономическом хаосе.

21 июня

“Исторический” день. Редакцию посетил Б. В. Исаев. Думали — явится с командой, а он пришёл один. Конкретные проблемы предложил не обсуждать (в обкоме планируется специальное совещание о делах прессы), говорил минут 40-50... Собственно, я это всё уже слышал, а наши журналисты слушали не без интереса.

Потом я заговорил о нынешнем критическом положении газеты: о бумаге, финансах, соучредительстве, о том, что уже давно пора убрать из выходных данных слово “орган”, ибо есть в его содержании нечто неприлично-физиологическое. Если эти вопросы не будут решены, говорил я, обком и облсовет потеряют и газету, и лучших журналистов, а местная демократическая печать получит самых талантливых критиков партии — уж кто-то, а они знают, как и за что её надо критиковать.

Впрочем, в целом, несмотря на отдельные “завихрения”, встреча прошла ровно, спокойно. Исаев в конце её сказал:

— Думал — жарче будет.

— Просто люди у нас ответственные, проявляют понимание сложности момента, — объяснил я.

— Не бойтесь, — продолжал Б. В., — если что — вместе тонуть будем — и обком, и газета.

— А вот тут вы заблуждаетесь, Борис Васильевич, многие с нами вместе тонуть отнюдь не намерены, — сказал я, не называя фамилий, — кое-кто уже подыскал или подыскивает себе запасные варианты.

Первый результат от встречи, кажется, уже есть: Б.В. Исаев лично дал “добро” на бартерную операцию по обмену мяса на бумагу для наших газет. Организацию всего дела готов взять на себя кооператив “Пульс”, который предлагает такую схему: он берётся реализовать мясо, на вырученные деньги требует горюче-смазочные материалы и “Малютки” (дефицитные стиральные машины, которые выпускает наш тракторный завод), а всё это он будет менять на нужную нам бумагу. Обкому и облисполкому эта схема не нравится, и они делают попытку договориться с Пермью напрямую: мы вам — мясо, а вы нам — бумагу. Неизвестно, что из этого выйдет, но хорошо уже то, что учредители наконец-то озаботились нашей главной проблемой.

Ограбили редакцию... Причём, мелко, гадко... В обеденный перерыв взломали дверь в приёмной, утащили кнопочный телефон из моего кабинета и телефон из приёмной. Больше ничего не взяли, хотя на столе стояла хрустальная пепельница и на виду — хрустальная ваза. Да, ещё утащили из холодильника бутылку минералки. Из кабинета Горбунова (он напротив приёмной) тоже унесли телефон.

Вахтёры, разумеется, ничего не видели — ничего не знают. Тут, видимо, не обошлось без наводки кого-то из тех, кто часто бывает в редакции: кто ещё знает, что в обед у нас тихо, особенно на четвёртом этаже?

Приезжала милицейская оперативная группа, проводила осмотр, снимала отпечатки пальцев... Но вряд ли кого-то найдут: и ущерб невелик, и следов практически никаких.

Наконец-то прошли дожди, местами приличные, в Иртышском, Железинском, Качирском районах... Может, ещё и помогут хлебам.

А на даче поспела степная вишня, поспевают смородина...

22 июня

“Их нравы” — была ещё недавно такая популярная рубрика в центральных газетах, повествующая о том, как уродует людей мир капитала. А вот происшествие — из наших дней: в Экибастуз из Ставрополя пришла автоцистерна с вином и прямо на одной из улиц дала течь — вино хлестало струёй. Местные жители сориентировались мигом и бежали к цистерне — кто с ведром, кто с канистрой, кто с банкой... Те, у кого не оказалось под рукой ничего, подставляли под живительную влагу ладони и пили. Некоторые из “счастливчиков” так и остались лежать под забором. А пока бегал-суетился водитель, пытаюсь что-то предпринять, из кабины утащили его собственную канистру с вином.

Это информация Булата Ахметова из подборки “200 строк в субботний номер”.

24 июня

Позвонил какой-то читатель: не согласен с той частью моего интервью с С. А. Донским, где говорится о том, что до его прихода завод лежал “на боку”; на самом деле это далеко не так, многое было заложено его предшественниками. Я вынужден был признать его правоту и даже предложил ему высказаться по этому поводу в газете.

Прав он ещё и потому, что очень часто, живописуя своего героя, мы, ничтоже сумняшеся, утверждаем, что отрядные перемены на предприятии (стройке, в совхозе, районе и т. д.) начались именно с его приходом... Есть тут, наверное, рецидивы нашей общей многострадальной истории, когда каждый новый генсек начинал переписывать прошлое “под себя”, не слишком утруждая себя поисками истины, да и чувством меры тоже. Вспомним хотя бы историю ВКП(б), редактируемую лично товарищем Сталиным, или книги Л.И. Брежнева, удостоенные Ленинской премии в области литературы. Вот и сами не знаем теперь — где в ней, нашей истории, правда, где “подправленная” правда, а где откровенная выдумка...

А контора наша, оказывается, осталась встречей с Б.В. Исаевым недовольна: пришёл в редакцию — как лектор, о наших проблемах говорить не захотел... Наверное, это недалеко от истины, но хорошо уже, что пришёл. Нашему-то брату-журналисту тоже угодить трудно.

Смотрел по ЦТ выступление М. С. Горбачёва на сессии Верховного Совета СССР, очень резкое, мне показалось — на грани срыва. Критиковал “правых” — Алксниса, Блохина (депутаты из группы “Союз”). Выступления “левой” прессы назвал “политической фальшивкой” (там написали: Ельцин едет на Запад для налаживания сотрудничества, а Горбачёв — только попрошайничает).

Чувствуется, что М. С. — уже на пределе. Не припомню его таким, впечатление — будто кто-то его специально “заводит”. Судя по всему, отставка Горбачёва не за горами.

Исполнилось 50 лет с начала Великой Отечественной войны. Теперь называется уже новая цифра всех наших потерь, которая на семь миллионов превышает прежнюю, — 27 миллионов. Какая ещё страна в мире может позволить себе “недосчитаться” такого числа своих погибших сограждан?!

Невозможно вообще обыденным сознанием охватить эту цифру погибших — 27 миллионов.

Дата отмечается очень широко. А мне это, честно говоря, непонятно: это ведь не День Победы, не праздник, а скорбная дата, и поминать её надо тихо и скорбно. Ни в чём мы не знаем меры...

26 июня

Вчера новый заворг обкома М. В. Крюков с пристрастием расспрашивал меня о мотивах, побудивших Гришину и Горбунова выйти из партии, и последствиях этого шага для них самих.

Я отвечал, что не стоит делать из случившегося трагедию, и постарался представить их обоих в лучшем свете. Не понял только, была ли это беседа личной инициативой Крюкова или поручением Исаева?

Былу меня Николай Богормистов. Когда-то мы вместе работали в сельхозотделе, много общались... Потом его стали выживать и выжили из газеты — как он считает под давлением КГБ. Работал в Кустанае, потом вернулся на родной Алтай и теперь собкор независимой “Сибирской газеты”.

Николай — человек с изломанной судьбой. Бесспорно, способный и даже талантливый человек, уверенно шёл в журналистике в гору, поступил в Высшую партийную школу. Кажется, у него нашли какие-то полузапрещённые книги (или что-то в этом роде), раздули дело, отчислили из партшколы и исключили из партии. По сути, испортили жизнь человеку. Хотя не был он ни антисоветчиком, ни диссидентом.

Я застал Николая уже разочаровавшимся и обозлённым. Он пытался и в Павлодаре добиться партийной реабилитации, восстановиться в партии, но ему всякий раз отказывали, а потом, повторяю, и вовсе выжили из газеты.

На этот раз Николай снова ядовито говорил о партии и о том, что она обречена. По всему видно, застарелая обида по-прежнему живёт в нём, хотя несколько газет уже рассказали о том, как с ним обошлись, и КГБ принёс ему официальные извинения. Но что они ему теперь, эти запоздалые признания, когда почти вся его жизнь — по боку, а начинать новую поздновато. Да разве он один такой, попавший в подобную мясорубку?

Приходил П. А. Побережников. Его Вере Кирилловне всё хуже. Испробовали все средства, ничего не помогло; теперь вот ещё корейцы лечат травами с прижиганиями. Боль адская, а будет ли улучшение — неизвестно. В. К. уже почти не встаёт с постели, П. А. кормит её с рук, ухаживает за ней.

А приходил он по поводу своей просьбы в обком партии о выделении ему вне очереди легковой машины. Их старый “жигулёнок” давно поизносился. В обкоме ему сказали — идите в редакцию, очередь там. А он в нашей очереди вовсе не значит, и каждый в ней (пятеро!) также жаждет новой машины. Тот же В. С. Колчин (тоже ветеран и заслуженный человек) знает, что он в очереди первый. Ну как тут его отодвинуть?!

А Побережникова жаль неимоверно. Уж кто-кто, а он обо всех нас, особенно молодых, заботился как никто другой. Работал как вол и за годы своего “замредакторства” не приобрёл, по сути, ничего — ни хорошей квартиры, ни прочих бытовых выгод. Разве что геморрой.

Да и машина ему, откровенно сказать, как мёртвому припарки — он её даже водить не умеет. За рулем всегда была Вера Кирилловна. Она нас и на их дачу возила, и обратно, терпела все наши “художества”... Если ездили вместе с Побережниковым в командировку, то, возвращаясь, обязательно заезжали к нему домой. “Жалко расставаться”, — просто объяснял он своё приглашение. И ни разу, завидя наши несвежие физиономии (кто же из командировки возвращается трезвым!), не выразила неудовольствия. Накрывала стол, доставала банку с домашним вином. Вера Кирилловна всегда была стержнем их семьи, в которой Побережников — она его и при нас всегда звала “Петя” — был ещё одним ребёнком. А теперь она и сама как ребёнок. По большому счёту я ни ей, ни ему не в силах помочь. И от этого на душе ещё горше.

27 июня

Пенсионерка М. Васильева предлагает в нашей газете еще один способ пополнения кормовых запасов в области: организовать сбор выполотых дачниками сорняков. Не такой уж, между прочим, абсурд: те же горожане, содержащие коров (а их не одна сотня), наверное, согласились бы на такую “подпитку”...

29 июня

Публикуем проект “Договора о Союзе суверенных государств”. Как говорится в предваряющей его приписке, договор детально и неоднократно рассмотрен, изменён и уточнён полномочными представителями республик и Советом Федерации. Теперь договор направлен на рассмотрение в Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР.

2 июля

Н. А. Назарбаев на сессии Верховного Совета Казахской ССР поставил вопрос о прямых всенародных выборах президента республики. Однако депутаты решили иначе: доверие президенту Казахстана в парламенте и среди народов республики настолько высоко, что в прямых выборах главы республики нет необходимости.

Бюро обкома партии обсуждало отчёт парткома алюминиевого завода по укреплению партийных рядов. Коммунисты здесь бегут из партии как крысы с тонущего корабля: менее половины их осталось в центральной лаборатории измерительной техники, электроцехе, цехах подготовки сырья и опытно-металлургическом. Каждый пятый из покинувших партию — руководитель участка или специалист.

Алюминиевый завод — один из лучших коллективов — это преимущественно техническая и рабочая элита. Люди тут хорошо зарабатывают, знают себе цену. И массовый уход из партии здешних коммунистов лишний раз свидетельствует о том, что дела в партии и впрямь плохи.

3 июля

Сегодняшний раз убедился в том, как мало мы иногда знаем о своём собственном городе, о потенциале его предприятий.

Наш новый молодой сотрудник, выпускник журфака Омского госуниверситета Слава Лесовский подготовил интервью, приуроченное к 25-летию ПКТИАМа — проектно-конструкторского технологического института автоматизации и механизации. Он разрабатывает сборочные станки, полуавтоматические и автоматические, роторно-конвейерные линии для сборки узлов и агрегатов автомобилей, тракторов, комбайнов и другой техники. Нет, пожалуй, сегодня в стране ни одной сельхозмашины, которая создавалась бы без участия института. Его заказчики — «Ростсельмаш», Таганрогский и Тульский комбайновые заводы, Липецкий и Павлодарский тракторные заводы, Волжский автозавод (ВАЗ), объединение «БелАЗ» и ряд других крупнейших предприятий. За рубежом это — Куба, Вьетнам, Мозамбик, Эфиопия, Пакистан...

Впрочем, сегодня институт также переживает не лучшие времена — он ведь работает по заказам, а предприятиям всё чаще нечем рассчитываться за его услуги.

Хорошее интервью сделал Лесовский, он и вообще хорошо начинает — уверенно, по-крупному...

4 июля

Умерла Надя Хухарева... На похороны пришли все бывшие совхозные жители, перебравшиеся в Павлодар. Неожиданно объявился брат Петька. Добирался из Алма-Аты через Экибастуз (в Павлодар не было билетов). Сказал мне: «На свадьбу приехать смог, а на похороны что же...».

Какая глупая, несправедливая смерть! На дядю Колю страшно смотреть. Надины дети — как неприкаянные. Младшей дочери три года, хорошо что она ничего не понимает...

После похорон поехали на дачу: Ольга с Пашкой, я, Лихановы, брат... Посидели за столиком на берегу, помянули ещё раз Надю и, кажется, чуть-чуть отошли.

Братан Петька снова председательствует в университетской приёмной комиссии. Должность — самая что ни на есть собачья: отовсюду просят, со всех сторон давят... А надо ведь и уровень обеспечивать, и лицо сохранять... Не позаидуешь, хотя он вроде держится.

А я временами не выдерживаю...

Вчера Н. П. сказал мне, что написал заявление о выходе из редакционного партбюро. Мотив: оно отстранено от принятия важнейших решений, в частности, от подведения ежемесячных итогов работы журналистов...

И я устроил истерику — вместо того чтобы сразу послать его ко всем чертям.

Потом З. А. Суворова сообщила: Костя Минкин ведёт с ней разговоры о выходе из партии. Вызвал Минкина. Отвечает: ещё не решил, но не видит никакой пользы для себя от членства в партии, равно как и ей — от его присутствия.

Настроения в редакции упаднические. И я никак не могу это переломить: люди видят, что ни обкому, ни облсовету нет дела до редакции, и не верят им.

А как можно охарактеризовать мою нынешнюю жизнь и моё состояние, когда вокруг нет ничего постоянного, никакой прочной основы под ногами. Всё временно, непостоянно, как на вокзале; толком не знаешь, куда ехать и будет ли поезд вообще...

По инициативе Б. В. Исаева дали его интервью по поводу “чистых” пятниц и дачного бума. Заголовок он придумал сам — “Чтобы Павлодар не превратился в Павлодыр”. И заголовок, и интервью конторе не понравились, хотя у меня лично к содержанию претензий не было.

5 июля

Э. А. Шеварднадзе обратился в первичную парторганизацию с заявлением о выходе из партии. Предыстория: будучи где-то за границей, он высказался за создание в стране сильной партии демократического направления. Ортодоксы из Комитета партийного контроля при ЦК КПСС решили обсудить этот его поступок. Кажется, речь об этом шла и на пленуме ЦК КПСС, где самого Ш. не было. Поднялась шумиха в прессе. Ш. написал письмо КПК: он имеет право говорить, что думает, и не позволит устраивать над собой судилище (или что-то в этом роде). Теперь КПК информирует через ТАСС: мы ждём решения первичной парторганизации по поводу заявления Ш.

Уже откликнулся на “событие” Ельцин: это личное дело каждого — уходить из партии или оставаться в ней; однако сам он считает — процесс выхода из партии будет только нарастать.

Испытываю двойственные чувства от происходящего. С одной стороны — совершенно дурацкая затея блюстителей идеологической невинности из КПК, с другой — демарш (уже который по счёту) самого Ш. Он ведь не институтка, а прожжённый политик, прошедший огонь, воду и медные трубы... Хотя, может быть, потому и действует на опережение, рассчитывая тем самым заработать новый политический капитал.

Яковлев, Шеварднадзе, Силаев, Вольский, Собчак, Попов заявили о создании общественного движения в защиту демократии. Кое-кто сразу увидел в нём

прообраз будущей партии, кто-то, наоборот, не скрывает по этому поводу скептицизма. Я тоже думаю, что эта идея, пусть она и исходит от столь известных людей, не будет иметь успеха: люди настолько устали от политики, что им плевать на партии, они мечтают сегодня о нормальной человеческой жизни.

“Казправда” дала материал “Пришельцы в городе” почти на целую полосу — о кадрах, завезённых в своё время в Павлодар — от Ерпилова и Байтерякова до Мещерякова. Есть в статье справедливые вещи, пишется, например, о репрессивной реакции Колбина и его подручных на авторов “письма-42-х”; в принципе, правильно ставится проблема “варягов” в кадровой политике... Но многие сложные жизненные коллизии намеренно упрощены, спрямлены, схематизированы до примитивных чёрно-белых тонов.

Тут, разумеется, налицо так называемый социальный заказ. Но сколько же можно...

К чему было представлять в фельетонном духе ушедшего в политическое небытие Ерпилова, бойко отмеченного ярлыком “ветерана номенклатурного движения?”. Он, разумеется, не был ни трибуном, ни вообще яркой личностью, но это не вина, а, скорее, беда его — он человек своего времени и далеко не худший воспитанник системы.

Зачем рисовать мелким стяжателем и недалёким человеком того же Мещерякова? У меня и самого к ним обоим немало претензий, но нельзя же всё так примитивизировать! Тем более что о Мещерякове на пленуме обкома партии, избравшем Исаева, Назарбаев говорил больше хорошего, нежели наоборот.

Какие чувства может вызвать эта статья у неравнодушных читателей, если у партии такие руководящие кадры — одни никчёмные, другие нечистые на руку? И какое будущее может быть у самой этой партии, когда она сначала выдвигает таких секретарей, а потом публично развенчивает? При этом один — персональный пенсионер союзного значения, а другой — заместитель союзного министра. И какие аргументы я должен находить после всего этого, чтобы убедить колеблющихся коммунистов редакции не покидать партию?

Республиканская пресса взялась за нас, похоже, всерьёз. В следующем номере “Казправды” — зубодробительный комментарий на доклад, прозвучавший на недавнем пленуме обкома (отчёт бюро о проделанной работе). Говорят, кто-то послал в пресс-службу президента нашу газету с текстом доклада, подчеркнув наиболее одиозные абзацы. На этот раз абсолютно права “Казправда”. Отдельные места читал не без некоторого злорадства: то же самое говорил и я на заседании бюро обкома, когда мы обсуждали этот текст, высказывал сомнение в том, что и повестка дня в сложившихся обстоятельствах, скорее, неуместна. Но Исаеву уж очень хотелось расставить все точки над “i”. Интересно, что он теперь скажет?

6 июля

Н. А. Назарбаев провёл пресс-конференцию в Москве. Опровергая страхи по поводу возможного прихода капитализма, сказал: “Основных фондов, включая землю, в Казахстане на 170 миллиардов рублей, на сберегательных книжках — 14 миллиардов. Кто же способен скупить все основные фонды?”.

Он также вновь высказался за “сохранение федеративного государства как единого экономического пространства для проведения реформ”.

На днях обсуждали в обкоме проблемы выживания местных газет. Положение наше (всех!) просто аховое: за год бумага подорожала вчетверо, полиграфические услуги — вдвое, услуги связи — многократно, и на будущий год почтовики опять собираются их увеличить примерно втрое (против нынешнего уровня). Некоторые газеты собираются создавать собственные структуры по распространению своих изданий. Но для нас это вряд ли приемлемо: в Павлодаре мы смогли бы, наверное, обойтись без почтовиков, а как быть с сельскими подписчиками, кто повезёт “ЗП” в “Озёрный”, “Акшиманский”, “Западный”, “Трофимовский” — за 200-350 километров?

Решили создать специальную рабочую группу для выработки возможных решений и мер, но и она вряд ли что сделает...

Пенсионерка из Павлодара пришла в редакцию — рассказать, как грабили её квартиру. Два парня зашли в её избушку, припугнули, стали искать — чем поживиться. Шарили-шарили, ничего не нашли... Уходя ни с чем, посоветовали: “Бабушка, вы хотя бы двери запирайте, что ли...”.

9 июля

Опять объясняем народу — почему нет сахара. Госресурсы его, по сообщению Минторга республики, составляют в июле аж по 200 граммов на каждого казахстанца. Сахар ищут по всему СССР и даже в Китае. В нашей области на этот месяц установлена норма — по килограмму на человека, что выдаётся торговыми работниками чуть ли не за достижение.

А мы у себя в газете даём советы бывалых садоводов — как консервировать без сахара дачную ягоду. Уверяют: отлично хранится, и даже зимой — совсем как свежая. Нет, всё же ничем не взять нашего советского человека!

В Экибастузе в целях экономии партийных средств объединились горком и райком партии. Говорят, дело от этого только выиграет, но верится, честно говоря, слабо...

Один из разработчиков закона “О разгосударствлении и приватизации” парламентарий С. Т. Такежанов уверяет в нашей газете: при его претворении в жизнь собственником в Казахстане станет каждый. По грубым прикидкам на каждого из нас — от новорождённых до стариков — нынешней общенародной собственности придётся примерно на десять тысяч рублей. Разработчики закона предполагают использовать при этом купонный механизм приватизации. На первом этапе будет передано в государственную собственность 30-40 процентов того, чем располагает республика (в основном, мелкие предприятия), а потом дело дойдёт и до крупных. Впрочем, механизм приватизации будет ещё дорабатываться и совершенствоваться — с учётом первых шагов в этом направлении.

11 июля

Её зовут Нина Павловна Аринина. Уже лет пять она ходит к нам в редакцию в поисках справедливости. Строители, прокладывая теплотрассу, “потревожили” её ветхую избушку, после чего жить в ней стало опасно. Аринина просит её капитально отремонтировать, строители же уверяют, что они тут ни при чём, а все беды избушки от её собственной старости.

Наша газета писала об этой истории трижды.

Аринина обошла всё городское начальство, побывала на приёме у сменивших друг друга трёх первых секретарей обкома партии, не одну свою пенсию потратила на обстоятельные телеграммы трём сменившим друг друга первым секретарям ЦК Компартии республики, обращалась к Генеральному секретарю ЦК КПСС и Президенту СССР... Результат неизменно был один: очередная комиссия выносила заключение, согласно которому избушка Арининой капитальному ремонту не подлежит из-за ветхости, а новое жильё ей не полагается, поскольку она уже является домовладелицей.

У Нины Павловны Арининой не осталось никого. Родителей она лишилась в детстве и воспитывалась в детдоме. Муж погиб на войне, братьев и сестёр она схоронила, а детей у неё не было. Аринина приближала светлое будущее для потомков на лесоповале, в угольной шахте, на рыбацком промысле. Теперь у неё нет для этого сил, светлое будущее объявлено очередным заблуждением. И сама она решительно никому не нужна... Дни её, похоже, сочтены — кажется, от неё исходит запах тления...

... Когда в очередной раз гляжу в её заплаканные бесцветные глаза, мне кажется, что передо мной не глубоко несчастная пожилая женщина, которой я ничем не могу помочь, а вся наша измученная, истерзанная страна.

В окрестностях совхоза имени Мичурина (километров 15 от Павлодара) обнаружен сохранившийся участок древнего могильника из 26 погребений. Все они парные, тела лежат на левом или правом боку, в позе спящих людей. Тут же сосуды, орудия труда, украшения. Эти захоронения оставлены андроновскими племенами, населявшими эту территорию во втором тысячелетии до нашей эры.

Приславшие нам в газету материал археологи пишут: это первый хорошо изученный в павлодарском Прииртышье крупный погребальный комплекс эпохи бронзы.

Ещё одна уникальная находка — два древних поселения близ Павлодара. Одно, площадью около 20 тысяч квадратных метров, имело два типа построек — наземные жилища и глубокие землянки с ярко выраженным культурным слоем. Оно датируется VIII-VII веками до нашей эры (переход от эпохи бронзы к раннему железу). Эти времена считаются наиболее загадочными в истории древних племён степной Евразии.

14 июля

Воскресенье... С тоской думаю о том, что завтра идти на работу. И подобное чувство возникает в последнее время всё чаще. Надоела бесконечная и по большей части бессмысленная суета-беготня, бесконечные объяснения в обкоме (“Да вникните же, наконец — газета на грани распада”), в редакции (“Да, поймите же вы — я делаю всё, что могу!”). И сколько же можно так жить, разрываясь на части и не находя понимания ни там, ни там?..

Разумом понимаю, что нынешняя наша редакция — слепок общества: тот же разброс мнений, накопившаяся усталость и, как следствие этого, то апатия, то агрессия, желание найти крайнего — в том же обкоме. А я — в центре этого дьявольского то остывающего, то закипающего варева и не в силах что-то изменить.

Пока что написал служебную записку учредителям — о положении газеты, о том, что можно и нужно делать... Особого движения пока нет, но председатель облисполкома О. К. Кожанов пообещал отправить своих работников в Пермь — за бумагой.

Затеяли в редакции реконструкцию, чтобы объединить большинство отделов в два крупных блока — экономики и политики. Никто как будто не против: наши отделы, в которых по одному-два журналиста, таковыми по сути не являются. Создавались они по типу обкомовских, а сегодня такое дробление не имеет смысла.

Сокращаем часть технических работников... Тут, конечно, и недовольство, и слёзы, но иного выхода, если хотим выжить, нет..

Взялся за реконструкцию рекламного отдела, который постепенно превращается в этакую редакцию в редакции. Это уже не первый заход. Прежние успеха не имели. Тут всё дело в личном интересе части конторы, совсем, кстати, небольшой. Но она очень активна ("Мы деньги приносим, а нам перекрывают кислород!") и на её стороне симпатии многих. Я же убеждён: это ненормально, если за хороший очерк мы платим 70 рублей, а за рекламный текст такого же объёма, для подготовки которого не нужно ни ума, ни сердца, вдвое-втрое больше. Буду эту систему ломать. Доплаты за рекламные материалы оставим, но в меньших размерах — до десяти процентов от их стоимости. Оставшиеся деньги, полученные от рекламы, пойдут на увеличение гонорарного фонда и премии — с учётом реального вклада каждого сотрудника. В конечном счёте, не рекламные публикации создают авторитет газете.

Через две недели подписка, а как её объявлять, если бумаги нет и неизвестно, когда и по какой цене она будет?

Иногда мне кажется, что я физически ощущаю, как всё разваливается в нашем государстве и как само оно трещит по швам...

15 июля

Что ни день — то какая-нибудь пакостная новость. Гришина сегодня сказала мне, что хочет создать свою газету — для женщин, которую она будет делать как хочет.

Да, это предприятие может иметь успех, поскольку есть огромная читательская аудитория, информационная ниша, пока никем не занятая. Пожелал Гришиной удачи, добавив, что у неё, скорее всего, возникнет и масса сложностей...

Каюсь, про себя подумал ещё: "Что ж, похлебай щи лаптем — может, гонора у тебя и поубавится..."

Горбунов, говоря, затеял издавать газету "Биржевой вестник". Но пока у него ничего не получилось и пришёл сегодня с идеей — выпустить у нас вкладыш о предстоящих биржевых торгах.

С бумагой по-прежнему никакой ясности. Сегодня напомнил об этом Б.В. Исаеву, вызвав его неудовольствие. Наверное, скажу завтра ещё раз — уже на заседании бюро обкома.

Встретил в обкоме Г. А. Никифорова. “Ну вот, видите, “Казправда” меня реабилитировала, — сказал он, — теперь дело за “Звездой Прииртышья”. — “У меня достаточно своих грехов, чтобы отвечать и за чужие, — возразил я. — Тот материал пришёл из КазТАГа — для обязательного опубликования. Пусть агентство и отвечает за него, опровергает, извиняется...”

Г. А. сообщил: в одном из московских судов лежит его исковое заявление к Колбину, КазТАГУ и “ЗП” (как соответчице). Но Колбин — всё ещё народный депутат СССР, отсюда и все сложности.

Расстались с Г. А. Никифоровым мирно, думаю — он в целом неплохо ко мне относится. Как, впрочем, и я к нему — в целом...

Узнал вчера: все первые секретари райкомов партии — председатели райсоветов зарплату получают в Советах. Последние также оплачивают аренду автомобилей, на которых ездят секретари-председатели. А сидят секретари-председатели по-прежнему в зданиях райкомов.

Такое вот разделение властей.

16 июля

Дали фоторепортаж с открытия в Павлодаре только что отреставрированной мусульманской мечети. Большой молельный зал был заполнен до отказа.

Начато строительство мечети в Краснокутске. Значит, есть у людей потребность в вере.

18 июля

Павлодарским городским центром занятости зарегистрированы первые безработные. Скоро их будет гораздо больше... Быть безработным плохо ещё и потому, что ещё нет механизма начисления им пособий.

Из подборки “200 строк в субботний номер”...

По-прежнему нет дождей. В Майском районе старейшины аулов проводят религиозные обряды с молитвами, жертвоприношениями овец, прося у Всевышнего живительной влаги. Помогает пока не очень...

Мастер спорта международного класса боксёр Николай Кульпин стал чемпионом Х летней спартакиады народов СССР (весовая категория свыше 91 килограмма). До него такого успеха добивалась только конькобежка Людмила Прокашева — на зимней спартакиаде народов СССР (дистанция 1500 метров).

20 июля

Центральные и республиканские газеты объявили подписные цены на следующий год. “Правда” и “Известия” — по 29 рублей, “Казправда” — 27, “Ленсмена” — 35. При этом нигде нет никакой информации о ценах на бумагу.

Мы собираемся установить стоимость экземпляра в 15 копеек (ещё пару лет назад он стоил 3 копейки), а годовая подписка будет стоить 37 рублей 50 копеек. Всполошились учредители: это слишком дорого, в ЦК Компартии Казахстана говорят — бумага будет не дороже 1300 рублей за тонну.

Стали пересчитывать: если уменьшить цену на треть — “светит” миллион рублей убытков, на 20 процентов — 800 тысяч... Остановились пока на последнем варианте. Хотим ещё сделать скидки всем тем подписчикам, кому мы недодали “энное” количество номеров в этом году — на сумму их стоимости. Если они, конечно, захотят выписать газету на будущий год.

Согласовываю в обкоме повышение гонорара — за счёт рекламных денег. Мы запросили 125 тысяч на год (в расчёте 500 рублей за номер). Собираются дать “добро” на 100 тысяч. И то хорошо.

Снова забрасывал Исаеву удочку насчёт возможного соучредительства коллектива. Когда сказал: мы готовы взять на себя треть всех расходов на покрытие наших убытков, он заколебался и пообещал подумать над этим.

Даже Ковхаеву и Семерьянову надоели мои разговоры с теми в конторе, кто “посматривает на сторону”. Сказали мне сегодня: хватит нянчиться с ними, нам надо делать свою газету, а они пусть делают свои. И, наверное, мои замы правы.

Отвёз мать и братана Шурку в Железинку. Хотел ещё съездить в совхоз, на кладбище к отцу, да времени не хватило. Зато успели наломать веников. Впервые сам вязал их — ничего, не боги горшки обжигают. Хорошее было настроение — светлое...

Вязал и думал: почему я живу такой неестественной жизнью?

Навестил в больнице Веру Кирилловну Побережникову. Она уже почти не ходит, хотя при мне бодрилась и вообще держится молодцом.

У неё какая-то редкая болезнь — в позвонках почти не остаётся кальция. Надежд на улучшение нет.

А Побережников в запале сказал врачам, что разнесёт больницу, если Кирилловна (так он её всегда называет) умрёт.

24 июля

Объявил на планёрке о реконструкции, об увеличении гонорара. Известие встречено прохладно-равнодушно, иные даже хмыкнули...

Такова наша нынешняя реальность. Та же Гришина в последнее время махнула рукой на нашу газету и больше занимается своей... Все это видят, некоторые возмущаются: почему ты это терпишь?

Исторический день. Первые торги на недавно созданной Павлодарской товарно-сырьевой бирже. Любопытнейшее зрелище! Подходы и подъезды к общественно-политическому центру (бывший Дом политпросвещения обкома партии) загружены легковыми машинами. Немало иномарок...

Так просто в зал для торгов не войдёшь: вход преграждают молодцеватые — как на подбор — парни, одинаково подтянутые, в белых рубашках с короткими рукавами, отутюженных брюках и с портативными рациями; у каждого на груди табличка — служба охраны “Феникс”. Кого и от кого они охраняют, непонятно, но у всех проверяют, кроме пригласительных, ещё и паспорта.

Открыл торги генеральный директор биржи (а также кандидат технических наук, лауреат Госпремии СССР, заслуженный рационализатор СССР — так его представили) господин С. С. Беркетов, который начал свою приветственную речь со слов: — Уважаемые дамы и господа!

После ознакомления присутствующих с правилами торгов место за трибуной занял главный маклер — человек в чёрном костюме с бабочкой, которого мне прежде видеть не приходилось.

К участникам торгов он обращался исключительно следующим образом:

— Господа брокеры! Кого заинтересовала данная позиция (то есть товар. — Ю. П.), называйте цену, господа брокеры...

Мне же в это время хотелось громко добавить:

— А товарищей просят не беспокоиться!

Мне казалось, было в этом намеренно частом обращении “господа брокеры!” нечто фальшивое, наигранное, искусственно-эпатажное и отчасти... детское.

Сидел и думал: вот и дожились — в этом святилище коммунистической идеологии (если можно так выразиться — в партийной синагоге) с его бывшим университетом марксизма-ленинизма (я его тоже закончил!) творится сугубо капиталистическое действо — купля-распродажа народного имущества. И происходит это в присутствии членов всё той же компартии и даже членов бюро обкома. Если бы кто-то два-три года назад сказал, что такое возможно, его бы, наверное, посчитали сумасшедшим.

Но вот сидим, смотрим и видим, что, несмотря на непривычную терминологию (главный маклер, господа брокеры...) и прочую эпатажную шелуху, рождается новое, нужное — нормальное! — дело. И всему этому надо ещё учиться.

А продавали стройматериалы, металл, машины-иномарки, товары народного потребления и даже столь нужную нам бумагу; правда, не наших “параметров” и по цене десять тысяч рублей за тонну, которую никто так и не дал...

Б. Н. Ельцин издал указ о департизации всех государственных структур России и отвёл на его исполнение две недели. Таким образом, парторганизации на госпредприятиях и в госучреждениях — практически повсеместно — должны быть распущены.

Политбюро ЦК КПСС выступило по этому поводу с осуждающим заявлением, а Секретариат ЦК КПСС обратился в Верховный Совет СССР с просьбой, чтобы Комитет Конституционного надзора дал правовую оценку указу. И такое поручение комитету дано.

Только что в программе “Время” министр юстиции СССР критиковал указ — как нарушающий права человека.

Но у очередного демарша Б. Н. много и сторонников. И как бы там ни было, надо отдать Ельцину должное — он последователен в своих шагах, и этот его указ чреват серьёзными последствиями для всей страны.

А Н. А. Назарбаев на пленуме ЦК Компартии Казахстана раскритиковал Павлодарский обком партии за последний пленум с отчётом бюро — антирыночный и замшелый. Фактически это звучало как: вы поглядите, милые, какое нынче тысячелетие на дворе!

И хотя отчётный доклад на пленуме делал не Исаев, рикошетом эта критика бьёт и по нему тоже.

25 июля

В республике принимаются чрезвычайные меры на период уборки урожая и предстоящей зимовки скота. Публикуем указ президента о создании чрезвычайной комиссии, которой даны права устанавливать областям задания по продаже зерна, картофеля, овощей и другой сельхозпродукции в госресурсы; проводить мобилизацию транспорта, рабочих, студентов и другого населения на уборку; а “в экстренных случаях направлять имеющиеся в республике источники материально-технических ресурсов на сельхознужды”.

27 июля

М. С. Горбачёв выступил на Пленуме ЦК КПСС с докладом о проекте новой Программы партии. В первой части этого доклада, мудрёно озаглавленной “О коренной перемене всей нашей точки зрения на социализм”, говоря о соотношении социализма и рынка, М. С. подчеркнул: “В прошлом эти понятия считались у нас несовместимыми... Речь идёт о создании именно смешанной, многоукладной экономики. О свободном развитии всех видов собственности...”.

Вновь накаляется обстановка вокруг Семипалатинского ядерного полигона. Решением Верховного Совета республики от 30 ноября 1990 года он закрыт. Но два союзных министерства — обороны и атомной энергетики — настаивают на проведении двух взрывов. Президент СССР направил соответствующий проект своего указа на согласование президенту и парламенту Казахстана. В первой части указа говорится о полном закрытии полигона и превращении его в научно-исследовательский центр. А во второй — о серии завершающих испытаний из двух взрывов и размерах компенсаций жителям близлежащих районов: 1,6 миллиарда рублей — на капитальное строительство и 3,5 миллиарда — на материальную помощь.

На проект этого указа Н. А. Назарбаев наложил резолюцию: “Только после согласия парламента республики”. А парламент категорически против и предлагает вынести этот вопрос на референдум. Формулировка и сроки референдума будут определены позднее.

Недавно в области побывала делегация участников казахско-американского культурного практикума. Больше всего американскую медсестру Шарон

Янг удивило то, что мы беспрестанно едим: “Всё время, которое мы здесь находимся, только и делаем, что едим. Иногда по шесть раз в день!”. Наверное, она удивилась бы ещё больше, пройдясь по нашим продовольственным магазинам, где, конечно же, не найдёшь и десятой доли того, чем кормили её и других заокеанских гостей. Поистине наше усердие в этом и не только в этом деле превосходит все разумные пределы.

Павлодарка В. П. Варенова принесла в редакцию груздь, найденный в лесополосе у аэропортовских дач. В самом узком месте он достигал 23, а в самом широком — 26 сантиметров. Я сам заядлый грибник и толк в груздях знаю, но таких больших мне находить не удавалось. А самое главное — груздь оказался не червивым!

30 июля

Два главных решения недавнего Пленума ЦК КПСС: проект новой программы КПСС выносится на общепартийную дискуссию и в ноябре-декабре этого года созывается внеочередной XXIX съезд КПСС.

31 июля

Завтра начинается подписка. Даём передовую — о том, из чего складывается цена на газету. Вечером — звонок из “Союзпечати”: мы подписку на “ЗП” не начинаем — вы не подписали договор с нами. Действительно, не подписали, потому что некоторые неожиданно появившиеся в нём положения нас не устраивают. А вопрос решать не с кем — почтовый начальник в отпуске, его зам в командировке.

Ответил: это ваше дело — открывать или не открывать подписку, но отвечать за последствия придётся вам. А у самого на душе кошки скребут..

Вот она — новая реальность. Уже нет прежнего пиетета к партии (газета ведь её орган), с партнёрами надо договариваться, а каждый из них блюдет свою выгоду. Директор типографии сказал сегодня, что тоже не собирается заключать договор со связистами: контроль за отгрузкой отпечатанной газеты — это наша, а не его забота. Тоже вопрос — мы ведь этим никогда не занимались.

Мои попытки хоть как-то активизировать творческую активность в редакции особого успеха не имеют. Двойное увеличение гонорара — в том числе.

Подумал сегодня: может, и вправду лучше будет, если уйдут те, кто хочет уйти? А то ведь и сами работают через пень-колоду, и на других разлагающе действуют. Тем более я убедился: никакие уговоры не подействовали ни на Гришину, ни на Горбунова, решивших выйти сначала из партии, а затем и вовсе уйти из газеты. Теперь вот ещё ушёл Володя Карпов — способный, в общем, парень. Подумывают об уходе Гольшкин и Попов.

Уход их всех — невосполнимая потеря для газеты. Со многими мы столько лет вместе! А может, они просто лучше моего понимают, острее чувствуют, что газета в её нынешнем виде, с её нынешними учредителями должна умереть, чтобы родиться заново — уже в обновлённом качестве?

Далеко не все собратья по конторе горят желанием вступить в создаваемое нами малое предприятие (то самое, что мы задумали вместе с Рузилом Гарифуллиным). Некоторым, вероятно, жалко денег — каждый должен внести по тысяче рублей; другие не верят в успех нашего предприятия. И это, в общем, тоже характеризует нынешнюю ситуацию в редакции.

Я же решил твёрдо: малое предприятие создавать надо. А что из этого получится — будет видно.

Ещё одна гадость... Республиканская молодёжка “Лениншил жас” посвятила “ЗП” целую страницу. Речь о том, как мы освещаем темы межнациональных отношений, языковой политики, национальной культуры. Повод — наша заметка в ответ на откровенно хамскую публикацию “ЛЖ”. Теперешняя — “покруче” прежней. Собраны те наши публикации (с 1988 года!), в которых хоть к чему-нибудь можно придраться. Даже наши ответы авторам (почему мы отказали им в публикации), даже материалы, полученные от АПН из Москвы. При всём при том явно просматривается аргументация письма “группы граждан” с требованием отставки ряда руководителей (в том числе — моей и моих замов), пару месяцев назад поступившего в обком и ЦК Компартии Казахстана. Похоже, всё это — одних рук дело.

Любопытно, как строится статья в “Лениншил жас”. Берётся заведомо неприемлемый тезис, приписывается “ЗП”, а затем гневно разоблачается. Получается вроде очень убедительно, и понятно, какую вызывает реакцию у потенциального читателя: “ЗП” — сборище мракобесов, шовинистов, людей с имперским мышлением. Грязно, бессовестно, зато достигает цели.

Какое же может быть гражданское и межнациональное согласие, когда люди таким способом проводят в жизнь идею национального возрождения? Никогда не считал и не считаю нашу работу лишённой недостатков, но такое откровенное передёргивание, такая подмена понятий просто обескураживают. Как тут можно дискутировать, спорить о нюансах, сопоставлять позиции?

В субботу ездили в совхоз: брат Шура, Пашка Бабенко и мы с Данькой. Заехали к отцу на кладбище, постояли у затравневшей могилы со скромным памятником. Стоя на кладбище, вдруг подумал: а ведь у меня в этом общежитии мёртвых, знакомых, пожалуй, не меньше, чем в самом совхозе. И мне теперь не неприятно, как было когда-то, приходиться на кладбище...

Потом поискали грибов, но не нашли. Перекусили прихваченной из дома снедью на Красном Кордоне — ушедшем в небытие бывшем отделении совхоза. Некогда посаженные здесь сосны набрали силу, этот необычный уголок природы очень красив, как, впрочем, и вся округа. Громяхают по рельсам поезда, идущие по железной дороге за ближним лесом, как-то по-особенному шумит ветер в кронах сосен, пахнет смолой. Снова и снова замечаю: никогда и нигде мне не бывает так хорошо, как здесь, в совхозе, где я уже двадцать с лишним лет не живу.

Побывали и у нашего старого дома, который по-прежнему стоит заброшенным, полуразрушенным. А на нашей бывшей кухне играют ребятишки. У

них тут что-то вроде своего собственного дома: чисто подметено, в углу куклы, колясочки... Странное зрелище: место для игр — бывшая наша кухня в бывшем нашем доме, который уже без крыши...

Брат Шура отправился домой, а вместе с ним Ольга и Данька — в гости, в Идринское... Пашка — с нами. Пока ведёт себя хорошо.

1 августа

Критикуем очередное дурацкое нововведение нашей торговли: хочешь купить бутылку водки — сдай сначала пустую. По мнению “рационализаторов” из облторгуправления это поможет снять проблему стеклотары. Но на деле — полная глупость: раньше пустые бутылки сдавали, не задумываясь, а теперь придерживают — на всякий случай. У вино-водочных магазинов предприимчивые старушки приторговывают не только семечками, но и стеклотарой — по рублю за пустую бутылку.

Похоже, аэробуса в Павлодаре не будет не только в этом, но и в следующем году. О причинах пишет Ярослав Лесовский, дотошно разбиравшийся в срыве реконструкции взлётно-посадочной полосы. Заказчик, подрядчик, субподрядчики “валят” друг на друга, а работы ведутся черепашими темпами. Эту ситуацию Ярослав очень точно назвал “парадом производственных суверенитетов”.

3 августа

Некоторое время назад ко мне пришёл павлодарец В. А. Мусин и попросил опубликовать его письмо-обращение к ветеранам “группы особого риска”. Как оказалось, он был среди первостроителей города Курчатова, других объектов ядерного полигона, был свидетелем первого атомного взрыва. До этого момента ни он, ни многие другие не знали, что строят; ходили слухи, что это будет сверхмощный секретный аэродром. Переписка с родными велась через Москву, домой после службы В. А. Мусин возвращался через Семипалатинск и Новосибирск, в то время как напрямую до Павлодара — меньше трёхсот километров.

В 27 лет женился, двое детей, есть внуки. Здоровье — далеко не блестящее, но лечится многие годы за свой счёт: Минобороны СССР отказалось подтвердить факт его службы на полигоне, а в военном билете — лишь ничего никому не говорящий номер части. То есть никаких льгот ему не положено.

Теперь В. А. Мусин хочет найти других ветеранов полигона, чтобы вместе с ними добиваться справедливости. Вряд ли из этой затеи что-нибудь получится, но даём его рассказ о событиях почти полувековой давности и адрес, по которому с ним можно связаться.

В Иртышском районе рабочий автошколы и два его поделщика-водителя спилили 23 деревянных столба действующей (!) линии электропередач. Через полсуток их нашли, но украденные ими столбы использовать нельзя — теперь короткие...

Заходил Л. Л. Хмельницкий. Посвежевший, спокойный. В ответ на мой вопрос, как ему удаётся так выглядеть после того что с ним сделали товарищи по партии, ответил: живётся ему неплохо, нервотрёпки и суеты не стало, и теперь он, наоборот, полнее ощущает все краски жизни...

Рассказал ему вкратце о нашем житье-бытье. А он мне — о том, как его “выкуривали” сначала из обкома, а потом из Дома политпросвещения...

Комитет Конституционного надзора СССР обратился к Б. Н. Ельцину с просьбой приостановить указ о департизации — до тех пор, пока не будет вынесено постановление о его соответствии правам человека. Б. Н. ответил: он уважает комитет, но не находит оснований для отмены своего указа.

Несколько дней назад на литовской таможне убиты шесть местных таможенников. Убийство — жестокое, демонстративное — выстрелами в голову. Свидетелей нет. Идёт расследование. Тому, кто укажет на преступников, обещано 500 тысяч рублей.

В эти же дни — другое преступление: в пассажирский поезд было подложено взрывное устройство. В результате погибло 15 человек.

Раньше подобное и в кошмарном сне не могло присниться.

6 августа

Сегодняшнюю передовую “На тему дня” посвятили торговле фронтовыми наградами. Оказывается, торгуют и ими — в прямом смысле. Правда, не открыто, а втихаря. Орден Ленина можно купить за две-три тысячи, а медаль “За отвагу” — за 500 рублей.

Все отцовские награды: орден Славы третьей степени, орден Красной Звезды, медали “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “За взятие Кёнигсберга”, “За победу над Германией” — хранятся после его смерти у меня. В день Победы мы перебираем их с Данькой и Димкой.

Подумал сегодня: может, и хорошо, что отец не дожил до нынешних времён.

М. С. Горбачёв заявил по ЦТ, что новый Союзный договор готов к подписанию. Какой это будет Союз, по-моему, никто толком не знает...

Тяжёлое объяснение с Гришиной — обо всех наших делах, о конторе, о наших с ней служебных взаимоотношениях. В конце концов вынужден был сказать, что в пору моего редакторства ей всегда создавались привилегированные условия (за что, кстати, на меня многие обижались, но я, ценя её талант, продолжал гнуть свою линию), а вот встречных шагов с её стороны не наблюдалось — всё она была чем-то недовольна и не только сама не проявляла инициативы, но и мои начинания воспринимала или равнодушно, или скептически.

Ну вот мы уйдём, отвечала она, и тебе станет жить легче, спокойнее. Не это мне надо, а чтобы мы, пусть и расставаясь, оставались людьми во всём этом хаосе, сказал в сердцах я.

Вроде — проняло... Но не знаю — надолго ли. Да и не до меня ей — она готовит к печати пробный выпуск своей газеты “Людмила” — пока под эгидой областного совета женщин.

Были с А. М. Мухамеджановым у Б. В. Исаева. Убедили, наконец, снять из наших газет лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”, заменить его выходными данными: “Общественно-политическая газета. Учредители — областной Совет народных депутатов и обком партии”. Хоть маленькая, но победа. По большому счёту даже не наша, а здравого смысла надкосностью.

8 августа

Второй день отбиваюсь от звонков: вчера звонила, возмущённая до предела, первый секретарь Щербактинского райкома партии Т. В. Войтик, сегодня — председатель райисполкома М. Б. Жакин. Суть дела: Ю. А. Ковхаев побывал в колхозе “Большевик” и опубликовал большой материал в защиту местного арендатора Можახоева — недостойного, по их словам, человека, от которого стонет вся округа.

Возражая им обоим, сказал: да, мы поддерживаем новые формы хозяйствования на селе, инициативных людей вообще и впредь это будем делать. Однако надо же слушать не только одного Можახоева, возражали Войтик и Жакин, но и односельчан, руководителей хозяйства, специалистов; Ковхаев же пообщался лишь с Можახоевым, а колхозники теперь настроены добиваться его выселения с территории “Большевика”.

У меня были небольшие сомнения насчёт того, что Ковхаев не встретился ни с председателем, ни с главным зоотехником (написал: хотел, но не застал, они были в отъезде, да и что, мол, они могут сказать — оба работают недавно). Но материал мне понравился и я даже похвалил его на планёрке.

Теперь же чувствую: не всё там так однозначно, как он написал, вложив в эту корреспонденцию всю свою нелюбовь к колхозно-совхозному строю.

Щербактинцы настаивали на приезде другого журналиста — для участия в сельском сходе. Послал Марчевского. Вернулся он, выслушав немало нелицеприятных слов в наш адрес, с твёрдым мнением: нельзя было писать о конфликте, не представив позицию противоположной стороны. Помимо того, что результаты работы арендатора не так блестящи, как они представлены в материале, осталось незамеченным и такое важное обстоятельство, как стойкая неприязнь большинства селян к клану “чужаков” Можახоевых. Словом, тут надо было ещё разбираться и разбираться...

Ковхаев — хороший, сильный журналист, но ему, как и многим талантливым людям, подчас изменяет чувство меры...

Подал в отставку И. К. Полозков. Его преемником на посту первого секретаря ЦК Компартии России стал В. К. Купцов — бывший секретарь ЦК КПСС.

Пленум исключил из партии А. В. Руцкого — вице-президента Российской Федерации, организатора фракции российских коммунистов-демократов. Руцкой на решение партии отреагировал так: “Я считаю себя коммунистом, а дураки пусть делают, что хотят”.

10 августа

С первого августа вступил в силу республиканский закон о печати, который мы сегодня публикуем. Всем казахстанским СМИ предстоит пройти регистрацию.

В Экибастузе собираются открыть платную школу, где учёба будет стоить 100 рублей в месяц. В городе уверены: найдётся немало желающих платить такие деньги за гарантию хорошего образования и поступления своих чад в вузы.

12 августа

На пленуме обкома партии единогласно избрали нового секретаря обкома по идеологии К.М. Марданова. А.М. Ажибаева, по некоторым сведениям, готовится к отъезду в Монголию, где будет работать по линии Советского общества дружбы с зарубежными странами.

13 августа

Публикуем проект новой Программы КПСС. В ней пять разделов: “Наши принципы”, “Уроки истории”, “Наши ближайшие цели”, “Чьи интересы выражает партия”, “За партию политического действия”. Пока только “пробежал” текст, подписывая полосы в печать. После общепартийной дискуссии программа будет рассмотрена на внеочередном съезде КПСС.

Депутат И. И. Смелаш “клеймит” в нашей газете коммерсантов, именуя их не иначе как спекулянтами. И призывает к ответу начальника областного УВД, который предложил на сессии облсовета исключить из правового лексикона само понятие “спекуляция”. Генерал пространно отвечает на его письмо, приводит многочисленные факты, когда милиция, борясь со спекуляциями, вылавливала торговцев “левыми” сигаретами, спиртным, прочими дефицитами. Но симпатии читателей, как мне кажется, будут все же на стороне депутата.

Окончание в следующем номере.

Татьяна ЕГОРОВА

*“Торе проходит –
любовь остаётся...”*

Научусь бескорыстью желаний,
 Научусь безмятежности чувств,
 От глупцов и разочарований,
 От грехов удалюсь.
 Окружу себя небом и лесом,
 И бесхитростным милым зверьём...
 Только всё это бесполезно, —
 Плохо дело моё.
 Самой страшной болезнью — любовью
 Сердце с детства заражено.
 Пусть болит себе на здоровье!
 Значит, просто живое оно.

Моей маме Вере Захаровне

С дождём негромкого литья
 На ласковой земле
 У мамы появилась я, —
 И астры на столе.
 Мне подарили мир любви
 И деда взгляд прямой,
 Наш дом, где я и брат росли,
 А папа был живой.
 По-матерински жизнь щедра,
 И мама тут со мной,
 А значит, хватит мне добра
 На весь мой путь земной,
 Мне, брату, близким и друзьям,
 Недаром столько лет
 Мы вместе: мама, жизнь и я, —
 И астры на столе.

**Татьяна
ЕГОРОВА**

окончила Кокчетавский библиотечный техникум и филологический факультет Петропавловского пединститута. Работала в школе, в отделе культуры. Публиковалась в областных газетах, журнале “Провинция”, в коллективных сборниках “Подснежники”, “Подлесок”, “Здравствуй, милая родина!”. В “Ниве” выступает впервые.

Живёт в г. Булаево Северо-Казахстанской области.

В зелёных травах палый лист
И в золотой воде. И всюду.
Сквозь август осень льётся вниз
Безоблачным и тёплым чудом.
Какое счастье просто быть
На этот ясный день похожей!
Кого-то лаской одарить
Как паутиной по щеке,
Как жёлтым яблоком в руке,
Как нежным солнышком по коже.

Мне дарована ласка
В слове медленном “осень”,
В поздних выцветших красках
Скрыт мой праздник неброский:
Небо, низко летящее,
Воздух свежий и влажный —
Мой сентябрь уходящий.
День, когда я однажды
Самым будничным утром
Стала жить, постигая,
Как устроена мудро
Наша жизнь небольшая.

Н. П.

Пожухлая трава сквозь треснувший асфальт...
Бесцветные слова об осени твердят.
Звук вянет. Гаснет мысль.
Ты жалок, одинокий.
Не раскисай! Влюбись
В нахохленный денёк,
В ободранный горсад,
В прошедший листопад,
В досадный снег с дождём,
В продрогнувших девчат.
Влюбись в рябины кисть
И в зиму, что придёт.
Возьми и в жизнь влюбись!
И слово оживёт.
Как вечная трава
Пробьёт асфальт любой.
Земля лишь тем жива,
Что есть на ней любовь.

Вода стеной и волны в ноги.
Плывут и тонут в сером цвете
Пустырь, размытые дороги,
Амбар, насквозь промок и ветер..
Всевышний всё сечёт дождём.
И вкупе нас. И поделом.
Мы засоряем души, землю,
Мы гласу Господа не внемлем,
Нас с нашей суетностью, ложью
Не зря боятся твари божьи.
Создатель! Пожалей людей!
На нашу грязь свой гнев излей,
Чтоб стали мы добрей и чище.
Пусть нам птенцов доверят птицы,
И небо синие глазищи
Не прячет в мокрые ресницы.

Осеннее солнышко поздним теплом
Ласкает седую траву.
Спасибо, судьба! Мне ведь так повезло,
Что я родилась и живу,
Что праздники редко, что жизнь это труд,
Что можно на склоки и зло
Ответить улыбкой. Пусть сплетники врут.
Я счастлива! Мне повезло!
Спасибо за бестолочь и за болезнь,
За несправедливость твою,
За то, что я всё-таки вот она, здесь,
Под солнцем и небом стою.
За то, что беда подарила друзей,
За мысли в бессонную ночь
Спасибо тебе! Среди добрых людей
Есть мама. А я — её дочь.
И осень сбывается в мире моём,
И я сухоцветов нарву.
А главное — солнышко поздним теплом
Так нежно ласкает траву.

Снова сочельник. Чайковский. Сказка.
Чистая, снежная музыка нежная.
Вечер так тих, а морозец так ласков!
Детское что-то и безмятежное
В звуках прозрачных, летящих светло,
В танце волшебных чудо-снежинок.
Чары развеяны. Сгинуло зло.

Праздник грядёт, улыбаясь невинно.
Жизнь победила. Так будет всегда.
Горе проходит — любовь остаётся.
В небе сейчас воссияет звезда,
Снег, словно музыка, падает, вьётся.

От одиночества бешусь.
Кому нужны мои причуды,
Моя любовь, мои простуды
И пироги, и строгий вкус,
Когда почти уже три дня
Никто не навещал меня.
Не умолял понянчить чадо,
Не нёс вязанья и шитья,
Писать контрольные не надо
Для вас, заочники-друзья.
Как будто я исчезла вовсе!
Занять денег — и то не просят.
Но скоро праздник, а ему
Предшествует возня такая,
Что я, запыхавшись, пойму:
Мне вас, друзья мои, хватает!

Снег цвета солнечного зайчика.
Я даже мёрзну не всерьёз.
Когда весна поманит пальчиком, —
И минус тридцать не мороз.
Ах, наконец-то все мы женщины!
Нам мужички купили торт,
Нас поздравляет шеф застенчиво
И даже милыми зовёт,
И баритоном симпатичным
Какой-то стих читает. Лично!
А рядом с этой милой прозой
Назло хорошему морозу
Намёк весны на снег прилёт
И стал чуть-чуть теплей снежок.

Прилягу, лицо запрокину.
Кузнечик! От счастья звеня,
Живи под стволами травинок,
Не зная, что любишь меня.
Я вверх потянусь ветвями,
За землю держась душой.
Округу заполню шмелями,

Душистым горошком, росой.
Когда я взойду вот такая:
Вся в искрах, без веры во зло —
Пусть люди цветы срывают
И радуются светло.

Возьми меня в сёстры, трава!
А выпадет мой черёд,
Я встану в рост такова,
Что чудо произойдёт:
День будет любовью искриться,
Как первый ландыш в росе.
Пусть алая зорька струится,
Как лента к речной косе,
Пусть мамы детей ласкают
И дождик весёлый льёт...
Я знаю, душа родная
Опять в миру подрастёт.
Возьми её в сестры, трава!
Подскажем сестре своей
Растительной тайны слова
О братстве трав и людей.

В. Г. Шестерикову

Жизнь. Обыденность. Серенький видеоряд.
Переростки-герани на старой веранде стоят.
До весны не хватило капусты. Вода в огороде...
Всюду будни: в семье, на работе, в природе.
Всё так скучно, тоскливо даже.
Мы красот здесь искать не будем,
Но поэт своё слово скажет —
И готовы мы полюбить
И печную заслонку в саже,
И давно надоевшие будни,
И уродцы-герани, а также
И соседку, что впору убить.
Потому что всё это становится частью его,
Потому что любви слишком много в нём для одного,
Потому что она, вырастая, весь мир заполняет,
И становимся лучше мы. Вот ведь картина какая!

Михаил НЕМЦЕВ

Тайна “Розовых мальв”

1. Привет от Гребенщикова

Всегда с особым чувством открываю страницы литературного прошлого родного Риддера. Когда не простой житель, но человек владеющий пером живописует родную окрестную местность. Так было и с небольшой повестью Степана Назарова “Свинцовая сопка”, так стало и с сообщением старшего научного сотрудника Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея Ольги Тарлыковой о том, что замечательный русский писатель Георгий Гребенщиков летом 1910 года бывал в “живописнейшем из сёл Алтая” — Риддерском. Она же любезно предложила мне для прочтения странички автобиографии Г. Д. Гребенщикова “Из моей жизни”, где я узнал, что его дед, Лука Спиридонович, и его бабушка, Соломонида Игнатьевна, “жили в своём домике почти в центре Риддерска”.

В то же лето, с целью этнографических и бытовых наблюдений, будущий большой писатель совершил поездку на Алтай. На обратном пути останавливался в Риддерске, поднимался на вершину Ивановского белка. Итогом поездки стала серия историко-этнографических очерков “Река Уба и убинские люди” (1912 г.).

По свидетельству Гребенщикова, дочка риддерского уставщика Георгия Ивановича Ватмана Евлалия в 1912 году напечатала “чудеснейший маленький рассказ “Розовые мальвы” в журнале “Вестник Европы”, в котором заключён смысл большого значения”.

Позднее Е. Г. Ватман вышла замуж за писателя Н. А. Орлова, автора романа “Диктатор”. Весьма своеобразно отозвался на этот факт Г. Д. Гребенщиков: “... Алтаятка, родившаяся и выросшая в Риддерске, Евлалия Ватман, будучи очень талантливой и образованной писательницей, принесла в жертву все свои способности, чтобы любимый ею человек закончил крупную художественную вещь...”.

А сам Георгий Гребенщиков в том же 1912 году зачисляется вольнослушателем Томского университета и выезжает в русские Северные Афины.

2. Под сенью Северных Афин

Нетрудно с высоты сегодняшнего времени представить какие социальные катаклизмы и житейские потрясения ожидали молодёжь второго десятилетия прошлого века. Вихри войн и революций потрясли не только устои некогда великой империи, но перевернули не единожды многие человеческие судьбы, разметав их по всем сторонам ошалевшего света.

Как ни пытался, ничего не смог я найти об авторе “Диктатора”. Он, как и его прекрасная пассия, словно затерялись в отгрохотавшем прошлом, оставив нам в качестве сокровенной тайны обстоятельства своей жизни. Ну а что же “Розовые мальвы”?..

Недавно побывав в Томске, я первым делом обратился в архив и центральную библиотеку города с просьбой оказать помощь в поисках как самого произведения, так и информации об его авторе. Завеса таинственности чуть-чуть приоткрылась. В одном из статистических grossбухов нахожу: “Георгий Иванович Ватман, уставщик Риддерского рудника, кавалер ордена Св. Александра Невского. В семье семеро детей. Дочь Евлалия родилась в посёлке Риддерском в 1891 году. Окончила Барнаульскую женскую прогимназию (четырёхклассное учебное заведение)”. Находка приободрила и воодушевила меня. Хотя что-то, но мы уже знаем об авторе...

Помню, с каким трепетом я перелистывал в читальном зале центральной томской библиотеки им. А. С. Пушкина всего несколько обветшавших, весьма потрёпанных номеров “Вестника Европы” за 1912 год, но тщетно. Ни в одном из них рассказ “Розовые мальвы” не значился. В чём же дело?

Возможно, ошибся сам Гребенщиков, и в названном им году “Розовые мальвы” не печатались. На мой резонный вопрос куратор отдела редких изданий только развёл руками (“чем богаты, тем и рады”), и посоветовал обратиться в более солидную научную библиотеку Томского государственного университета. Туда, где почти сто лет назад посещал занятия вольнослушателем наш земляк молодой Гребенщиков! Чей роман-эпопея “Чураевы” специальным Комитетом интеллектуальной кооперации при Лиге Наций признан выдающимся трудом мировой литературы.

3. В тиши Профессорского зала

Мне было особенно приятно, когда куратор каталога научной библиотеки ТГУ определила мне место для работы в Профессорском читальном зале. Здесь всё хранило на себе печать столетий: и бронзовые балдахины настольных ламп, и потёртый бархат удобно просиженных кресел, и сама атмосфера чопорной аудитории. Казалось, что мы общались с персоналом одними губами. Я заказал для просмотра итоговые, двенадцатые номера “Вестника Европы” с 1910 по 1915 год.

— Вам придётся подождать с полчаса! — услышал я любезный ответ одними губами и с наслаждением погрузился в чтение первого из многочисленных раритетных изданий, выставленных здесь же на стеллажах.

Однако минут через пятнадцать заказ мой был выполнен, и я, незаметно для себя смакуя и слегка поглаживая каждый том, стал вчитываться в пожелтевшие от времени страницы оглавлений: 1910 год ... нет; 1911 год ... нет; 1912 год, как не было, так и нет! 1913... так, это что такое? — стр. 162, Е. Вагман... — “Розовые мальвы”! Хоть и ещё с одной опечаткой, но это то, что нужно. Это наше!!! Значит, либо Гребенщиков ошибся, либо досадная опечатка, но год и месяц издания рассказа нашей Евлалии — октябрь 1913!

Одними губами прошу выдать мне именно одиннадцатый номер “Вестника Европы” за 1913 год. Точно также получаю ответ, что это возможно только завтра, так “как на сегодня книгохранилище уже закрыто и при всём желании поступить по-иному просто невозможно”.

Еле дождавшись завтра, бегу в читальный зал к назначенному времени, получаю желанный номер журнала. Мгновенно проглатываю содержание и ничего не понимаю... Читаю ещё раз более размеренно... Ещё раз — и проникаю в трёхъярусное строение сюжета рассказа. Вот первый ярус — гимн утру, солнцу, детству! Вот вторая часть — бешеный галоп на лошадях — это неотвратимый безумный ритм жизни, грядущих перемен. А вот третья кода — столкновение сиюминутного и вечного, первое постижение глубочайшего смысла жизни и смерти. И всё это на фоне сразу узнаваемых белков, дороги на мост через Тихую (минуя нынешний лесхоз) и Луговатку. Узнаваем и крутой спуск, за которым темнел сосновый бор (напротив плотины первого района), а ведь, если сопоставить с текстом, рассказ написан в 1905 году. Сто лет назад!

Мне представляется, что каждый из сегодняшних читателей после прочтения рассказа по-новому взглянет на наш Риддер вековой давности. Каждый сумеет по-своему оценить не раскрытое полностью дарование талантливой землячки. И, возможно, отыщутся родственники Евлалии Георгиевны Ватман, которые расскажут нам о её судьбе, и, весьма вероятно, найдётся фотография самобытной писательницы.

г. Риддер.

Евлалия ВАТМАН

Розовые мальвы

Рассказ

1.

Полевые мальвы уже распустились.

Там, где желтоватая, усыпанная речной галькой дорога сбегает через мост и делает округлый поворот, подымаясь на крутой, поросший кустарником холмик, разрослись их высокие, пышные кусты, на которых к концу лета распускаются эти громадные, бледно-розовые чаши, с зеленоватыми выпуклыми завязями посредине. Тонкая придорожная пыль покрыла нижние листья, отчего они поблелили и потемнели: они легко высятся, отчётливо выделяясь нежными розовыми пятнами на фоне голубого неба и плавно склоняясь порой под набегающим ветерком...

Когда Лёля увидела на знакомом пригорке распутившиеся розовые цветы, сердце в ней дрогнуло и упало. Ведь всё было испорчено бесповоротно, а между тем именно этот день был так удивительно хорош, как она давно не запомнит.

Лето нынче было очень грустное, очень тоскливое. Все ходили подавленные, и на всех лицах читались затаённая тревога и беспокойство. А от этого так жутко и беспомощно делается на душе, что нельзя, совсем нельзя жить с этой неослабевающей тревожной возбуждённостью, с этим неизбежным предчувствием чего-то тяжёлого. Лёля жадно вглядывалась в лица старших, жадно ловила выражение их глаз и тон их речи, но в ответном взгляде матери в первый раз она не могла уловить ласкового ободрения: мама спешила отвести свой взгляд, в котором была та же тревога и беспокойство. Перед Лёлей в первый раз вставало смутное и тревожное предчувствие того, что жизнь несёт в себе порой такую тяжесть, тоску и тревогу, от которых человеку никак нельзя избавиться, которые он должен принимать и нести, хотя бы вся его душа кричала и противилась этому.

А тут ещё лето... Было просто что-то противозаконное, как нарушение всего естественного порядка вещей, в том, что лето принесло эту тяжесть, тревогу и страх: лето дано для радости, летом нельзя не быть упоённым оттого, что далеко остался город, что над тобой синее вольное небо, что тебя снова встречают родные горы, в которых так привольно пробираться верхом по зарослям кустов или узким тропинкам, или мчаться весёлой и азартной гурьбой по пыльной и гладкой дороге. Лёля не знала, о чём она больше тоскует зимой, когда её увозят в город, в гимназию: о маме ли и братишках, оставленных дома, или о своём Гнедке и вольном ветре, который веет в лицо, когда она мчится верхом, или родных горах, с тёмной зеленью их подошв и суровым величием их снежных вершин. Алтай! Само слово это казалось Лёле красивей всех слов и названий.

И вот с каждым приездом домой Лёлю неизменно встречало родное приволье, любовь и ласка всех окружающих и с первого до последнего дня наполняло таким захватывающим счастьем, такой глубокой радостью, которая делала невозможной всякую мысль о душевной тяжести, тревоге или гнетущих предчувствиях.

Нынче же лето пришло, как и всегда, в своё время — кругом были те же горы, та же зелень и небо, но в душе было что-то смутное и странное, словно вся жизнь была выбита из колеи. Весь дом пропитала тяжёлая тревога, которая болезненной тоской отзывалась в сердце. То тяжёлое, скорбное и гнетущее, что всегда чудилось Лёле во взрослых и отчего ей так страшно было вырастать, сквозило теперь во всех движениях, словах и взглядах окружающих, и Лёле казалось, что всякая радость, всякий душевный покой исчезли навсегда у всех в доме, исчезли и из её души. Но ведь тогда... это значит, что её детству пришёл конец... Правда, она уже давно не маленькая — ей уже четырнадцатый год — но так навсегда и бесповоротно проститься с детством и на всю жизнь уже стать придавленной, скорбной, тоскующей — это так страшно, так тяжело...

А в доме поселилась тревога потому, что в нём была тяжелобольная: хворала бабушка.

Когда Лёля приехала, то бабушка ещё ходила, но и тогда было уже немножко страшно при взгляде на неё. Бабушка была словно и та, и не та. Когда солнце врвалось и заливало весь дом ярким, горячим светом, бросая на пол узорчатые тени от стоящих под окном ящиков и банок с цветами, и Лёля, запыхавшись от хлопотной возни в садике или на пригорке и умирая от жажды, вбегала в комнаты, чтобы напиться или передохнуть от жары, она сразу же обрывала свою песню и звонкий топот, так как взгляд её падал на стоящую у окна бессильную, сгорбленную и словно уменьшившуюся в размерах бабушку. Бабушка была почти слепа — её глаза уже не видели окружающих её красок и блеска горячего летнего дня — она могла лишь вбирать теплоту солнца, греться его лучами, и потому в ней было уже что-то непонятное и немножко жуткое, будившее беспокойство и недоумение. Лёля чувствовала, что она не может, как прежде, подбежать к бабушке, выхватить из её рук кружку и, шумно захлёбываясь и обливаясь водой, рассказать ей о том, что они делают сейчас там, на улице, как жарит сегодня солнце, как невозможно до вечера и думать о поездке верхом, как она уже успела выкупаться, а мальчики даже два раза... о том, как они решили под черёмухой выстроить хутор — и настоящий, чтобы все-все постройки были, а кругом стога накосят... а лошадей и людей уже налепили из глины, и они теперь на поленнице, сохнут на солнце... и вот теперь ей надо скорей, скорей бежать — посмотреть, чтобы их оттуда не сбросила Аннушка...

А нынче Лёля лишь по забывчивости вбегала иногда с прежним топотом, но сразу же притихала и старалась потихоньку и незаметно отыскать в буфете кружку, напиться и выскользнуть обратно. В саду и на дворе ярко светило солнце, лето было во всём разгаре, и болезненная напряжённость, тревога и страх улетали прочь.

Но вот бабушка перестала вставать со своей постели. Она лежала там тихая и молчаливая, не то в дремоте, не то в глубоком, обособленном от всего раздумье. Лёле так хотелось понять, дремлет ли она или думает о чём и как можно так долго, так непрерывно думать... Ведь вот прошло уже много дней, — и Лёля не вспомнит даже, сколько она успела переделать за это время, но думала она... ну, разве несколько минут — больше она никак не может: или так тревожно станет, что она убежит скорей к братишкам. Или же она даже и не помнит, как бросить думать.

А бабушка и утром, и вечером, и ночью всё так же лежит и всё так же думает... Или же она спит? Ведь она больная, а больные от слабости всегда много-много спят...

— Мама, бабушка хворает?

— Да, Лёля, хворает.

Становилось почти совсем спокойно. Значит, правда, бабушка спит, и нет ничего страшного в том, что она всё лежит неподвижно, беззвучно: если б и сама Лёля хворала, она тоже всё бы спала и лежала так же неподвижно дни за днями. Почти готовая смеяться над своей тревогой, Лёля взглядывала на мать, которая стояла с ней у постели, но встречала всё тот же тревожный взгляд, который был у всех в доме и от которого к Лёле сразу возвращались прежнее беспокойство и смутный страх...

Когда бабушка слегла, в доме всё затихло. Папа запретил Лёле и братишкам играть в шумные игры, кричать и бегать и даже кататься верхом. А Лёля не представляла себе лета без верховой езды, без своего Гнедка, в маленьком седле с блестящими медными стременами, с которого она почти не сходила. Недаром мама сказала, что она лишь по ошибке родилась девочкой. И вот теперь надо прожить всё лето без того, что было совсем неотделимо от него... Лёля плохо понимала, как же оно теперь пойдёт, и на душе были двойная тревога и недоумение.

Эта смутная жизнь шла до тех пор, пока не случился тот чудесный, тот удивительный день... Ведь, если бы только не мальвы, если бы только не мальвы, то всё миновало бы, как тяжёлый, кошмарный сон, и кругом всё оказалось бы по-прежнему — радостно, покойно и счастливо. Если б только не мальвы... Но надо рассказать всё по порядку.

Лёля проснулась в тот день очень рано, с какой-то громадной, острой радостью в груди, словно разбуженная ею. Быстро вскочила с постели.

На улице было ещё сыро и холодно. Туман заволакивал горы, трава белела от росы, но птицы уже задорно громоздились в деревьях сада, звонко насвистывая разноголосым концертом.

Среди двора стоял Гнедко, привязанный к телеге, с зелёной и мокрой от росы травой, и лениво, видимо, уже давно насытившись, вбирал её влажными губами, обдавая тепловатым паром своего дыхания.

Острая радость снова шевельнулась у Лёли в груди. Подбежала к Гнедкку. Насторожил уши, повернул голову, с блестящими, словно тоже омытыми росой глазами, дохнул теплотой в холодную щёку. Глядела и ласкала его красивую голову. А туман постепенно редел, и снеговые хребты белков на востоке всё больше начинали открываться глазам, а их снега всё ярче зажигались отблесками разгоравшейся над ними зари.

Лёля посмотрела туда и затем перевела свой взгляд вверх, где смутно синело бледное утреннее небо, до которого не дошли ещё переливчатые краски зари и которое было таким высоким, нетленно холодным и чистым... Закинув голову, Лёля постояла так несколько мгновений и вдруг, сорвавшись с места, помчалась в дом, легко прыгая через две ступеньки.

Через минуту она показалась снова и побежала во весь дух к сеновалу, часто мелькая тоненькими ногами в чёрных чулочках и смокших от росы башмаках, оставляя тёмный след на траве и зажав что-то в руке. Подбежав к сеновалу, она легко взлетела по бревенчатому углу его и мигом очутилась на самой высокой точке — на куче свежесметанного, зелёного, рыхлого сена. Там, напряжённо вытянувшись и высоко закинув голову, замерла она в торжественной и выжидательной позе, обернувшись лицом к востоку...

А снизу, с крыльца, её уже несколько секунд с некоторым недоумением наблюдал отец.

Андрей Александрович проснулся от Лёлиной беготни. Хотя, убежав в дом, она и старалась прокрасться в детскую как можно тише, но, роясь в

своём ящичке, она зацепила подсвечник, вскрикнула, прыгнув и подхватывая его, затем, спохватившись, топнула на себя ногой, обругала себя дурой, заторопилась, хлопнула ящиком, схватив из него нужный предмет, и выскользнула на улицу, впустив в спящий, полный тёплых дыханий дом струю холодную свежести. Она медленно поплыла внутрь комнат и коснулась лёгким дуновением лица разбуженного этим отдалённым переполохом Андрея Александровича.

— Что за шорохи и стуки?.. и в детской... Кто-то вышел на улицу... Придётся встать.

Он быстро и бесшумно поднялся и вышел на крыльцо.

Взгляд его сразу же упал на странно торчащую на верхушке сеновала маленькую, напряжённо вытянувшуюся фигурку, ярко освещённую отблесками багрово-красной зари. Спустя момент, краешек солнечного диска показался из-за гор, и в тот же миг Лёля высоко взмахнула правой рукой, в которой оказался маленький игрушечный револьвер с пистонами из селитры и, выкрикнув что-то на непонятном фантастическом языке, выстрелила вверх, в небо — раз, два, три! Затем, ещё не удовлетворённая совершенным, она громко прокричала в пространство, но уже на обыкновенном русском языке, и Андрей Александрович услышал следующее: “Это мы, огнепоклонники, приветствуем солнце, которому мы служим...”. Тут Лёля торжественно протянула руку на восток, собираясь выполнить какой-то церемониал, но взгляд её как раз упал на отца, растерявшись, сконфузившись, она вмиг скатилась на противоположный склон сеновала и, минуто спустя, была уже в огороде, который всегда являлся ей и братишкам верным прибежищем, где всегда можно было оправиться от какого угодно конфуза или переждать какую угодно угрозу. А Лёле было и стыдно, что увидели её новое чудачество — ими, — говорят — она и так всех извела и, кроме того, на сеновал лазить было строжайше запрещено. Так что грозы не миновать...

Но всё обернулось совершенно неожиданно.

— Нет, этого отнимать от них нельзя, — говорил за чаем матери Андрей Александрович. — Меня всё это положительно потрясло. Ведь ты подумай — исповедует культ солнца, вскакивает до зари, караулит первый луч и палит в небо... Нет, в своё время так же сильно почувствуют они и тяжёлые, ответственные стороны жизни, а сейчас уродовать их солнечные души, право, преступно.

Лёля появилась только к завтраку, но уже не трепетная и сконфуженная, а полная какой-то суровой и строгой серьёзности. С ней почти всегда так бывало, и после всякой выходки наступал этот период сурового самообличения.

... Вот она опять забыла, совершенно забыла о том, что делается в доме, что бабушка больна, что всем тяжело и тревожно — значит, она не умеет любить и не умеет помнить ни о чём серьёзном и важном. А ведь сама же она всегда говорила и ещё третьего дня спорила до слёз с Серёжей Ивиным о том, что только в серьёзном и тяжёлом узнаются люди... настоящие... отзывчивые... и что он ничего не понимает, если смеётся над стихами: “Не шумной беседой друзья познаются”... и что она этого ни за что никому не позволит. Тогда ещё Серёжа, в ответ, принялся нарочно, дразня её, смеяться, не говоря ни слова и не останавливаясь, а она от бешенства и негодования расплакалась — “как самая настоящая девчонка” — закричал Серёжа. И это, конечно, правда, и всегда так: ей кажется, что она многое понимает и чувствует, а на самом деле ничего этого нет, и она просто глупая девчонка, самая последняя девчонка... и вовсе и на мальчика не похожа

ничем... Вот и сегодня — она проделала всё это и ни капельки не помнила ни о бабушке, ни о ком на свете. Ей вдруг показалось, что она уже давно-давно не видела солнца, и что она прямо задохнётся от радости, когда увидит его. Сама не зная ещё, что будет делать, она сорвалась и побежала за револьвером, а тут почему-то вспомнились огнепоклонники... Вот над ней опять будут смеяться, но ведь она и сама знает, что никогда, никакие огнепоклонники не палили из револьверов — она же знает, когда появилось огнестрельное оружие, — но всё равно над ней нельзя не смеяться; какой в ней толк, когда она не умеет... Не умеет... пользоваться тем, что знает и ... помнит, о чём нельзя не помнить... Алексей Иванович вчера об этом же самом говорил с папой, и он сказал ещё: "Таких людей много и таких людей нельзя уважать: это просто умственная и моральная распушенность". Лёля всё это хорошо запомнила, а вот она такая и есть — ну, значит, и говорить нечего...

— Лёля, Лёля!.. Лёлька!.. Уснула?..

Перегнувшись через чайный стол и заливаясь хохотом, уже несколько времени кричит ей братишка, и отец тоже уже давно говорит ей что-то, улыбаясь. Все тоже, смеясь, смотрят на неё.

Лёля очнулась от своей задумчивости.

— ... Ну, так ты за старшую и отправишься, слышишь, Лёля? Колю и Митю под твоё атаманство вручаем. Захватите Серёжу с Зиночкой — их, наверно, отпустят: я напишу записку Наталье Ивановне. Ну и валийте себе, хоть до вечера, и условие только одно: все головы назад привезти.

— Лёлька, да ты слышишь? Верхом, верхо-о-ом! И одни!.. И куда угодно!.. Лёлька! Оглохла!.. Лёлька!

Николай совсем взбесился и готов был перекувыркнуться хоть на чайном столе. Высидеть же за столом братья были положительно не в состоянии, и мама, смеясь, выгнала их.

— Седлать, седла-а-ать!.. Алтайца, Гнедка, Любимчика!.. седла-а-ать! — нёсся сверхъестественный крик со двора, от конюшни.

Лёля вдруг вскочила и, как сумасшедшая, бросилась туда. За столом все рассмеялись.

2.

— Нет, Гнедко решительно отвык ходить под седлом: встряхивает, как кляча, сбивается с рыси, злится и с маху так дёргает и крутит головой, что чуть не вырывает из рук поводья. Горячится он сильно... А вот у Алексея Ивановича на Серке так совсем нельзя ездить в компании: он прямо, как бес, рвётся из рук и даже храпит от бешенства, когда его кто-нибудь норовит опередить... Нет, безобразие!.. Этот Гнедко чуть не вырвал совсем из рук поводья. А Серёжа уже ехидно улыбается, глядя на неё. Нет уж, пожалуйста...

Лёля вспыхнула и, ударив ногой, крикнула, отпустив поводья и подхватывая сразу сбитую порывом ветра шляпу. Она взлетела на бревенчатый выпуклый мост, а за ней гулким грохотом застучали рванувшие вслед лошади остальных всадников. Восемилетний Митя немножко побледнел на своём грузном, громадном Алтайце, на котором так забавна была его маленькая фигурка, и незаметно ухватился за луку, но глазёнки его вспыхнули и загорелись.

Забравши вперёд, Гнедко пошёл ровной размашистой рысью, чутко улавливая наступающее дыхание Серёжиного Каурки и лёгким усилием ускоряя свой бег. Каурый, прядая ушами, упорно наступал, но Гнедко так же упорно уходил и уходил. Становилось азартно и весело.

Вот и первый лог. Немножко цепляясь ногами и встряхивая, лошади дружно сбежали по отлогому склону на спрятавшийся в зелени вѣтл и высокой осоки мостик. И вдруг Серёжа дико гикнул, ударивши сзади плетью Лёлиного Гнедка. Конь, взметнувши головой, рванул из всех сил.

— Не отставать, в погоню!..

Но Гнедко летел, как сумасшедший.

— Лёля, будет.. Митя не может так больше... Лёлька, сдержатъ не можем... Да Лёлька же!

Голоса испуганные и немножко злые.

Лёля опомнилась. — Правда, что же это она... И Гнедко-то чуть не в пене... Она прямо себя не помнит...

Она натянула поводья, и Гнедко, всё замедляя свой ход, наконец, совсем остановился. Лёля встала среди дороги, поджидая отставших.

Сразу же подъехал Серёжа, который скакал следом, и, отвернув в сторону, бросил поводья. Вспотевший Каурка, отфыркиваясь и тяжело дыша, жадно накинудся на траву. Серёжа, немного обозлѣнный неудачей погоны, перегнулся с седла, выбрал длинную и сочную травинку, торчащую из-под ног Каурого, и, расположившись в седле так, словно приготовился ждать целые часы, забрал её в рот и принялся меланхолично покусывать.

У Лёли же созрел план мести за его удар плетью по Гнедку. Она заметила у дороги заросли огромных репейников и с невинным видом подъехала к ним. Серёжа хорошо придумал — надуться и не глядеть... Нарвала полную горсть колючих и цепких шишек, затем, легонько тронув Гнедка, подъехала сзади и швырнула их в застывшего на седле Серёжу.

— Вот так! Это за плеть!

Серёжа подскочил, далеко отплюнул свою травинку, издал какой-то дикий клич и бросился за ней.

— Война! — орал он. — Ну уж берегись!..

Лёля ускользала на своём Гнедке, вертась и описывая круги, Серёжа гонялся с криками и рѣвом, норovia вплотную нацепить репейников на Лёлины косы. Каурка, ничего не понимая, бросался в одну сторону, отдѣргивался в другую, горячился и спотыкался.

Со звонким топотом и раскрасневшимися, возбуждѣнными и потными лицами подъехали остальные. Репьи полетели тучами. Захватив руками волосы, кружась и нагибаясь, Лёля отбивалась на все стороны. Наконец, взмолилась: "Будет, будет!".

С полчаса пришлось приводить друг друга в порядок и оттирать репы. Наконец, тронулись дальше.

Возбуждение улеглось, шалить уже никому не хотелось и ехали молча по широкой, залитой солнцем дороге, среди обступивших её покосов и пашен. Высоко над головою синело чистое, бездонное небо, и отдалѣнные горы на фоне его рисовались удивительно чѣтко.

В этой прозрачности далей, в этом ушедшем ввысь небе и желтеющих красках полей уже чувствовалось дыхание осени, но горячие лучи солнца ещё говорили о лете, которое как будто чаровало на прощанье затаѣнной дремотной силой своей маленькие человеческие сердца, отуманивало смутной истомой светлые задорные глазки...

Дорога подошла к крутому спуску. Степь кончилась. Внизу темнел сосновый бор.

В борo стоял пряный смолистый запах. Ветки порой сплетались над дорогой, но и в их тени было душно. Под ногами взрывались сухие, колючие иглы и опавшие тѣмные шишки.

Но вот потянуло сыростью, и в просвете сосен, искрясь солнцем, блеснула река. Все невольно подбодрили усталых, разморённых лошадей и выехали к мосту. Это был тот самый мост, за которым на каменистом пригорке росли стройные пирамиды мальв...

Ещё при виде блеснувшей реки у Лёли тревожно ёкнуло сердце: а вдруг уже... вдруг они уже качаются там... и, пустив Гнедка через мост, она рысью вбежала на холмик и там, у самой дороги, сразу же увидела высокий пирамидальный куст с большими бледно-розовыми цветами.

— Конечно... Так и знала...

На душе сразу стало тревожно и беспомощно, и трепетная радость, которая наполняла весь день, сразу сжалась, побледнела, потухла...

Дело в том, что каждый год, как только расцветали розовые мальвы и на знакомом холме мелькали в первый раз их большие нежные чаши, Лёля совершенно осязательно чувствовала, что лету приходит конец. Ведь, как ни светило, как бы сильно ни жгло ещё солнце, всё равно не больше, как недели через две, она вместе с Серёжей и Колей сядет в тарантас, и, сквозь застилающие глаза слёзы, перед ней уже в последний раз промелькнут знакомые дома, поля со стогами, бор, каменистый пригорок и, наконец, эти плавно склоняющиеся ей вслед большие розовые чаши мальв. Этот прощальный поклон родимых цветов почему-то действовал на неё всего больней, и самый вид их будил уже не только тоску и мысль о скорой разлуке, но вызывал ещё какую-то более смутную и властную тревогу, вселяя непреодолимую боязнь и предчувствие чего-то тяжёлого. И потому розовый цветок мальвы стал для неё символом неизбежного несчастья.

Смутная и тревожная, возвращалась Лёля домой. Остальные ехали усталые и тоже притихшие.

3.

А несчастье, действительно, уже ждало их: дома в их отсутствие бабушка умерла — умерла так тихо, что никто не заметил...

Лёля слушала маму и чувствовала, что глаза у ней как-то неестественно расширяются, тело слабеет, и колени начинают дрожать мелкой дрожью. Мама увела их всех из комнат, и их отправили к знакомым.

Бабушку хоронили на третий день.

Лёля, осунувшаяся, с сухими, беспокойными глазами, в первый раз в этот день подошла к её гробу проститься. Мама стояла и следила за ней. Лёле было страшно, страшно с самого первого момента, как прозвучало в их доме слово "смерть" — но не покойницы и гроба, а страшно самой смерти, страшно тайны её, которой никто не понимал и не мог объяснить — ни мама, ни отец Василий, никто-никто из живых.

— Только тот, кто сам причастился ей, поймёт её тайну, — говорил ей отец Василий, — теперь мы видим всё словно в зеркале гадания, тогда же увидим лицом к лицу.

Значит, бабушка вот всё поняла и всё знает.. Лёля подошла к гробу покойной.

Лицо в гробу было странно заострившееся и желтоватое, — это не было живое, привычное, дорогое лицо, и в то же время оно всего менее было мертво: оно затаило такое глубокое и просветлённое выражение, что вся душа рванулась ему в ответ. Как в тумане, Лёля шагнула к нему. Осмыслить, понять она по-прежнему ничего не могла, но видела лишь это светлое, это покойное и

новое лицо, которое даёт человеку смерть. “Которое дает человеку смерть”... как будто звенело и прорывалось ежеминутно сквозь хаос мыслей и чувств, хлынувших в душу — “которое даёт человеку смерть”...

Гроб вынесли из дома, медленно пронесли в церковь и поставили на середине её.

В церкви, маленькой, деревянной, обросшей зеленью, стоял полумрак, было прохладно, и вверху, под куполом, плавали синие струйки кадильного дыма. В глубине слабо и беспомощно звучал старческий голос священника, но от этого словно ещё сильнее вставало величие произносимых им слов и потрясающий смысл творящегося акта — смысл великий и простой, где примиряется жизнь со смертью, где смерть растворяется в жизни.

В уголке, в полумраке, склонившись на колени, тихо и беззвучно, но неудержимо плакала Лёля, но не с отчаянием или иступлённостью, а с каким-то новым, неведомым чувством и боли, и примирённости, которое всю её потрясало тихими рыданиями...

— ... Но жи-и-знь бесконечная... — звучала, разрастаясь, надгробная песнь, песнь смерти, поющая о вечности жизни.

Гроб вынесли из церкви и тихо направились к кладбищу.

Снова был яркий, сверкающий день, какие посылает, уходя от нас, лето. Ветерок, налетая, играл краями одежд, прядями волос дьякона и развевал струйками дымок кадила в его руках.

Под горячими лучами августовского солнца, мягко утопая ногами в желтеющей лужайке, медленно шли люди с телом ушедшей от них, и под высоким куполом неба так плавно, так мучительно прекрасно звучало последнее рыдающее пение “Святой Боже”... Напоённая солнцем, мягкая, дышащая паром земля принимала в себя останки того, кто так же, как и она, был наполнен теплом и жизнью, принимала, казалось, затем, чтоб и в сумрачных недрах её тоже творилась великая, вечная тайна чудесного, непонятого нам возрождения...

В венке полевых цветов, который кто-то повесил на крест, Лёля увидела знакомый нежно-розовый венчик мальвы. Ветерок, набегая, колыхал веночек, но розовый цветок уже не склонялся под привычной лаской: он отяжелел, сморщил свои лепестки и поник головкой.

Лёля смотрела на него, и в ней всплывали воспоминания о страхе и тёмных предчувствиях, которые неизменно будил в душе её этот цветок, но она чувствовала, что они отодвинулись в какую-то смутную даль, и она вспоминает их, как вспоминает порой тяжёлый предутренний сон... Лёля чувствовала, что она стала иною. Вот теперь, однако, в самом деле переставала она быть ребёнком — но только в ней не было ни тяжёлого страха, ни беспокойства, ни гнетущей скорби. Значит, она ошиблась, и взрослые не таковы, как думала она всегда? И жизнь не такова? Теперь она готова и расти, и сделаться взрослой и войти в эту жизнь, для которой родятся люди: коснувшись страха смерти, душа её раскрывалась для жизни.

Подняв глаза, Лёля стояла у свежей могилы, а перед ней на высоком кресте висел и медленно умирал под горячими лучами родимого солнца розовый поникший цветок... А внизу шелестела желтоватая травка, которой поросло всё кладбище, и от свежего рыхлого земляного холма поднимался лёгкий, прозрачный, тепловатый пар.

(Полный вариант оригинального текста).

“Вестник Европы” № 11, 1913 год, г. Санкт-Петербург.

Светлое имя Пушкин

Осенью 2007 года Государственному музею А. С. Пушкина исполняется 50 лет. В 1957 году было издано распоряжение Совета Министров РСФСР о создании в Москве, где родился будущий поэт, музея, посвящённого его жизни и творчеству.

В Астане почётным гостем и участником конференции по итогам Года Пушкина в Казахстане и Года Абая в России была заместитель директора по учёту, хранению и реставрации музейных коллекций Государственного музея А. С. Пушкина Елена Усова. Предлагаем вниманию читателей её рассказ.

“Москва... как много в этом звуке...”

Вообразите, Пушкин — родовой москвич, но до середины XX века в первопрестольной не было музея поэта. Более того, не было предметной базы, музей начинался с нуля. После смерти Пушкина вещи, связанные с его именем, долгое время хранились у членов семьи поэта, родственников, друзей, знакомых. Начиная с 1899 года, столетия со дня рождения Пушкина, они начали стекаться в единый центр, образуя всероссийское пушкинское собрание. В 1937-м, в год столетия со дня гибели поэта, в десяти залах Государственного Исторического музея на Красной площади в Москве была открыта грандиозная выставка. В годы войны её экспонаты эвакуировали. А потом, так случилось, что в Москве не нашлось места, где можно было эту коллекцию распаковать и экспонировать. Таким образом, Москва оказалась не только без музея, но и без материалов. Огромное собрание выставки Исторического музея легло в основу коллекции Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Петербурге — в Царском Селе и на Мойке, 12.

Музей поэта в Москве открылся 6 июня 1961 года. Москвичи так ждали это событие! Вы не представляете, какой хлынул поток экспонатов в музей! Сразу стала складываться московская музейная пушкиниана.

Если говорить вольным языком, Пушкин был бездомным человеком, всю жизнь — на съёмных квартирах. Родился он в

Особняк Хрущёвых-Селезнёвых на Пречистенке. Начало XX века.

нанятом С. Л. и Н. О. Пушкиными доме в районе Немецкой слободы, позднее, в 1831 году, после венчания с Натальей Гончаровой он три месяца снимал квартиру на Арбате; дом на Мойке — последнее прибежище поэта — принадлежал сестре Сергея Волконского... Для нашего музея был выделен старинный особняк на Пречистенке — единственная сохранившаяся в Москве городская усадьба пушкинских времён. По Пречистенке шла дорога от Кремлёвской башни в Новодевичий монастырь, к иконе Пречистой Божьей Матери... Усадьба была возведена в 1814 году по проекту выдающихся московских зодчих Доминико Жилярди и Афанасия Григорьева и принадлежала герою Отечественной войны 1812 года гвардии прапорщику Алексею Хрущёву.

Первым директором музея был Александр Зиновьевич Крейн, руководивший им более тридцати лет. Он воспитал высокопрофессиональный коллектив, заставил осознать ценность музейного дела как дела государственной важности и высокого духа. Я счастлива признать, что принадлежу к огромному отряду музейных работников, кто считает его своим учителем.

Музей забирает целиком, но потом и воздаёт сторицей. Мои коллеги и я, действительно, каждое утро приходим в некий храм. И даже не всегда можем оценить то счастье, которое нас сопровождает ежедневно — анфилада старинных комнат, обставленных ампирной мебелью карельской берёзы и красного дерева, вещи ручной работы и многое другое... Это создаёт особую ауру, неповторимую атмосферу, которая формирует людей. Я пришла в музей студенткой филологического факультета МГУ. Мне, кстати, посчастливилось заниматься в семинаре у незабвенного Сергея Михайловича Бонди, известнейшего исследователя творчества Пушкина. Работаю в музее больше 30 лет, пройдя путь от лаборанта до заместителя директора.

“Есть в мире сердце, где живу я...”

Меняется ли с годами интерес к Пушкину? Наш музей в некотором роде “школьный музей”. Каждый год, когда по программе начинается изучение творчества Пушкина, к нам нескончаемым потоком идут школьники. По доброй ли воле? Не знаю. В музее создан детский центр, проводятся разнообразные тематические программы для школьников и их родителей. Мне кажется, что интерес к Пушкину никогда не иссякнет. Давайте вспомним историю. После смерти поэта память о нём хранилась в узком кругу его семьи и самых близких людей. Лишь в 1855 появилась первая биография поэта, изданная П. В. Анненковым. До 1860-х, а точнее — до 1880 года наблюдалось определённое затишье. Всколыхнуло общественное мнение открытие памятника Пушкину в Москве и 100-летний юбилей поэта. Пушкин глубок, неисчерпаем. Не надо из него делать поэта для всех. Пусть он будет для каждого свой. Я не отношусь негативно к юбилеям поэта. Да, бывает много лишнего, шумного, пиарного... Хорошо известно, как отразились в жизни русского общества юбилеи поэта 1899, 1937, 1949 годов. Последний, 200-летний, ещё предстоит оценить учёным-пушкинистам, психологам и социологам. Но в связи с юбилеями появляются интересные произведения — в кино, в театре, выходят книги, юбилеи становятся этапными вехами для развития музеев.

Сейчас музей А. С. Пушкина живёт в другой эпохе. Он сильно изменился, расширились его территориальные границы, появились филиалы. Музей занимает всю территорию усадьбы — это целый квартал по периметру. В 1986 году к комплексу присоединилась “Мемориальная квартира А. С. Пушкина на Арбате”. Это очень счастливый дом, первая семейная квартира, где поэт счастливо прожил три месяца. Помните, он писал: “Я женат — и счастлив; одно желание моё, чтобы ничего в моей жизни не изменилось — лучшего не дождусь...”. В 1991 был открыт филиал “Мемориальная квартира Андрея Белого”, знаменитого поэта-символиста и философа. Две квартиры — Пушкина и Белого, — расположенные по адресу Арбат, 53 и 55, разделены лишь небольшим двориком, что ещё раз подчёркивает неразрывность и преемственность русской литературной традиции. Сейчас коллектив музея трудится над созданием дома-музея Василия Львовича Пушкина на Старой Басманной.

С 1991 года во главе музея встал его нынешний директор, заслуженный работник культуры РФ Евгений Богатырёв. Осуществлены грандиозные работы по реконструкции и реставрации музейного комплекса. Действуют 18 экспозиционных и 12 выставочных залов, концертный и читальный залы, современное фондохранилище, реставрационные мастерские.

Чтобы дать представление о наших коллекциях, недостаточно и книги. Выросла не только численность хранимых предметов, несравнимо вырос объём знаний о них. Ежегодно проходят десятки выставок, реализуются межмузейные выставочные проекты, мы вывозим свои экспозиции в другие

Фонд живописи XVIII—XX веков.

города и страны. Наша коллекция позволяет делать выставки монографические, на собственных материалах. Например, к юбилею возвращения Пушкина из ссылки в 1826 году и коронации императора Николая Павловича. Результаты своей научно-атрибуционной деятельности музей представляет в различных изданиях: “... Портреты, мысли, имена. Мир Пушкина в гравюрах и литографиях коллекции Я. Г. Зака”, “Русский живописный и графический портрет XVIII-XIX веков в собрании Государственного музея А. С. Пушкина”, “Виды, жанр, интерьер в живописи и графике XVIII-XIX веков в собрании Государственного музея А. С. Пушкина” и многие другие.

“На лире скромной, благородной...”

Наш музей по праву стали называть музеем даров. Как известно, первый в России памятник Пушкину был сооружён в Москве в 1880 году на деньги, собранные “в народе”. Та же благородная традиция пожертвования, меценатства почти через сто лет способствовала формированию коллекции московского музея А. С. Пушкина.

Портрет Н. Н. Пушкиной-Ланской.
1849 г.

Портрет императора Александра I.
1817 г.

Экспонаты музей приобретает и получает в дар. Попадая в музей, они как бы “утрачивают” свою цену, вернее, цена предмета переходит в иное измерение и продолжает существовать в сфере некой парадоксальной “экономики бесценности”, как говорил А. З. Крейн. Что движет дарителями? Наверное, сам Пушкин, желание соучаствовать в делах музея, служить людям и вносить Пушкина в их жизнь. В “Подражании Корану” поэт писал:

*Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О, сеятель благополучный!
Строицею воздаст она твоим трудам.*

В Книгу даров музея занесены тысячи имён дарителей разных социальных категорий, возрастов и профессий: тех, кто принёс в музей одну вещь, тех, кто отдал целые коллекции — 200, 5000, 10 000 единиц. Сейчас дары музею составляют пятую часть предметов изобразительного искусства и три четверти книг из почти 200-тысячного его собрания.

Государственный музей А. С. Пушкина — один из крупнейших литературных музеев России. В нашей уникальной коллекции хранятся материалы, связанные с жизнью и творчеством А. С. Пушкина, с историей литературы и пушкиноведения, живопись и графика XVIII–XX веков, экспонаты декоративно-прикладного искусства, книги, рукописи, кино-, аудио- и фотодокументы.

Так, в 1960-е годы музею была подарена библиотека И. Н. Розанова, одно из лучших книжных собраний XX века. Учёный-литературовед собирал её шесть десятилетий. Это поэтическая летопись России за два с лишним столетия — 10 тысяч томов, и 250 изданий пушкинских сочинений, в том числе и редкие — прижизненные. В музее открыт единственный в России генеалогический кабинет. Здесь собрана история русского дворянства, в его основе — коллекция известного историка Ю. Б. Шмарова, рукописное собрание, со схемами, наклеенными на листы портретами. У нас сосредоточено всё творческое наследие юной художницы Нади Рушевой, говорившей, что Пушкин для неё “самый родной поэт”.

В коллекции значительное собрание документов, рукописей, рукописных сборников пушкинской эпохи. Например, письмо Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к Афанасию Николаевичу Гончарову 1830 года о предстоящей женитьбе Пушкина, знаменитое письмо А. С. Грибоедова к С. Н. Бегичеву 1824 года, касающееся творческой истории “Горя от ума”, письмо из Сибири М. Н. Волконской, последовавшей в ссылку за мужем-декабристом, письма П. А. Вяземского к Нащокиным и Шереметевым.

Рукописный кабинет музея располагает полным комплектом фотокопий всех дошедших до нас рукописей Пушкина. Листы фотокопий (их около 15 тысяч) напечатаны в размер оригинала, на старой бумаге, организованы в том же порядке и имеют те же шифры, что и подлинники. Наш фонд широко используется московскими исследователями и издателями произведений Пушкина. Сами рукописи собраны в Пушкинском Доме (ИРЛИ АН). Дороже этого в России ничего нет..

“Я просто русский мещанин...”

Какие экспонаты самые ценные? Конечно же, мемориальные предметы. Непосредственно вещей Пушкина в нашем музее наперечёт. Впрочем, их и вообще немного, большинство из них находится во Всероссийском музее А. С. Пушкина в Петербурге. В Москве вы можете увидеть гусиное перо, лежавшее на столе его кабинета в день смерти, посмертную маску, которую снял скульптор Гальберг. Картину “Кавказ. Вид Дарьяльского ущелья” художника Н. Г. Чернецова из кабинета поэта на Мойке. Мы храним автограф Пушкина: на списке книг, взятых поэтом из библиотеки в имении Гончаровых Полотняный Завод — в него Пушкин приписал названия нескольких книг.

Вещи в музее часто приобретают имена и биографии. У нас есть портрет Пушкина-ребёнка. Это первое прижизненное изображение поэта, выполненное Ксавье де Местром — художником-непрофессионалом, дружившим с родителями Пушкина и его дядей Василием Львовичем. Портрет находился в полном забвении с 1802 года. Мы “раскрутили” его историю. Надежда Осиповна в 1830-е годы подарила портрет в семью

Портрет А. С. Пушкина. 1826 г.

домашних врачей Великопольских, где он передавался из рук в руки. Одна из последних представительниц рода в середине 1950-х годов была в театре имени Ермоловой на спектакле о Пушкине по пьесе Андрея Глобы. Там блистательно, как писали газеты тех лет, играл поэт Всеволод Якут. Артисту и была подарена семейная реликвия. А В. Якут передал её в 1960 году создающемуся пушкинскому музею. Это один из самых дорогих наших экспонатов... Интересен и портрет “Пушкин с бакенбардами” Вивьена де Шатобрена. В музейной коллекции есть редкие портреты современников поэта, русских царей, видных го-

сударственных и военных деятелей, героев войны 1812 года, писателей, поэтов, художников, музыкантов, врачей, московских и петербургских красавиц. Авторы работ невозможно перечислить!

Потомки Пушкина по линии его детей Александра Александровича и Натальи Александровны рассеяны по всему миру. Правда, со смертью Григория Григорьевича Пушкина прекратилась прямая ветвь потомков Пушкина по мужской линии. Отдельные предметы, относящиеся к внукам Пушкина, продолжают поступать в музей. Музей — это, прежде всего, хранилище старинных предметов. Но мы комплектуем как старую пушкиниану, так и современную. Из последних приобретений могу назвать миниатюрный портрет Исаака Абрамовича Ганнибала, двоюродного деда поэта. Пушкин никогда его не видел, как и генерала Ивана Абрамовича — героя Чесменского сражения. Видел он только Петра Абрамовича в имении Петровское во время ссылки в Михайловское. Но в Псковской губернии в пушкинское время с необыкновенной плотностью жили Ганнибалы: у Исаака было 14 детей. Это троюродные братья и сёстры Пушкина, с которыми он часто общался. Георгий Николаевич Дубинин — потомок по линии дочери Исаака Ганнибала передал в музей портрет своего предка. По семейной легенде — это прижизненное изображение на миниатюре XVIII века. Но музейная экспертиза показала, что вещь вторичная, выполненная примерно в 1890-е годы. Тем не менее, это обстоятельство не умаляет ценности предмета — ведь портрет является единственным изображением двоюродного деда Пушкина.

В музей поступила рукопись Натальи Александровны Пушкиной, дочери поэта, во втором браке графини фон Меренберг. Она занималась литературным трудом, на старом немецком языке написала автобиографическое произведение с вымышленными именами — “Вера Петровна. Петербургский роман”. Праправнучка поэта графиня Клотильда фон Меренберг перевела его на современный немецкий язык, а исследователь Владимир Фридкин сделал русский перевод. Книга издана в Москве, а у нас хранится оригинальная многостраничная рукопись...

“Я ехал в дальние края...”

Государственный музей А. С. Пушкина занял важное место в культурном пространстве Москвы и России, стал интеллектуальным центром столицы. Сюда стремились попасть и выступить на нашей сцене выдающиеся учёные-пушкинисты, литературоведы, блестящие чтецы, актёры, певцы и просто почитатели Пушкина. Один из циклов вечеров, организованных писательницей Лидией Либединой, назывался “Поэты читают Пушкина”, тогда свои стихи читали Мустай Карим, Давид Кутультинов, Кайсын Кулиев. Поддерживаем мы контакты и с Казахстаном.

В начале XIX века многочисленные дороги пересекали обширную территорию Российской империи с севера на юг и с запада на восток. По многим из них не раз ездил Пушкин. Помните “Дорожные жалобы”?

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

Подсчитано, что из двадцати послелицейских лет около восьми поэт провёл в дороге, что уложилось в 34 тысячи вёрст. Пушкин никогда не был за границей, но исколесил почти всю европейскую часть России: Москва, Петербург, Тверь, Псков, а также Молдавия, Украина, Казахстан, Крым, Кавказ. Такова далеко не полная география путешествий поэта.

В музее А. С. Пушкина в Москве хранится немало предметов, так или иначе связанных с казахской землёй. Например, в уже упоминаемой библиотеке И. Н. Розанова представлены переводы замечательных образцов казахской поэзии: сборник стихотворений “Гроза” (1946) Касыма Аманжолова, три сборника стихов военных лет Джамбула Джабаева, избранные стихи Таира Жарокова (1949), Гали Орманова (1949), сборники стихов акынов Казахстана, изданные в Алма-Ате и Москве в 1949 и 1958 годах.

Мною как ведущим редактором и координатором проекта издательства “Белый ворон”, работающего над серией художественных альбомов региональных музеев России, был подготовлен и выпущен альбом Государственного музея искусств имени А. Кастеева в Алматы. Я общалась с его директором — заслуженным деятелем РК, профессором Байтурсыном Умарбековым. Он является также президентом Национального комитета ИКОМ. Напомню, Международная организация ИКОМ (Международный совет музеев) призвана способствовать развитию музейного дела и пропагандировать мировой опыт в сфере сохранения культурного наследия. В коллекции вашего музея есть два предмета, связанных с Пушкиным. Это “Портрет Екатерины Второй в дорожном костюме”, выполненный предположительно Дмитрием Левицким. Картина приобретена алматинским музеем из Государственного исторического, куда она попала из усадьбы Остафьево, владелец которой — князь Пётр Андреевич Вяземский, близкий друг поэта. Пушкин неоднократно у него бывал, туда приезжали Карамзин, Жуковский, Гоголь... Второй предмет — портрет терапевта Василия Дмитриевича Шервинского. Он хорошо известен в нашем музее, так как фамилии Пуциных, Фонвизинных, Шервинских связаны с Пушкиным...

Из Астаны в библиотеку музея я привезла издание “Евгения Онегина” на казахском языке, книги об А. С. Пушкине заслуженного работника РК Сауытбека Абдрахманова, а также календарь “Пушкинский хронограф”, изданный преподавателями и студентами историко-филологического факультета Евразийского национального университета имени Л. Гумилёва.

Я уже говорила, что мы работаем над рядом межмузейных проектов, в частности, создаём сообщество пушкинских музеев России и стран СНГ. Надеюсь, у нас сложатся дружеские отношения с музеем Уральска. Может быть, на юбилейной выставке нашего музея будут представлены и их экспонаты.

Выступая в Пушкинской гостиной в ЕНУ имени Л. Гумилёва, я передала в их музей один из каталогов музея и портрет А. С. Пушкина — гравюру Н. И. Уткина с портрета О. А. Кипренского. Это современная печать с гравёрной доски 1827 года. Студенты задавали много вопросов, их занимает личность Пушкина, его творения. Особая тема — дни, проведённые Пушкиным в Казахстане. Есть над чем работать, ведь литературное краеведение — важный раздел литературоведческой науки, в том числе и пушкинистики. Уральская пушкиниана ждёт своих исследователей, которых мы будем рады видеть и в стенах нашего музея.

Год Пушкина в Казахстане и Год Абая в России обогатил наши народы, наметил новые направления для культурного сотрудничества. Для Пушкина органична и понятна взаимосвязь всех творческих людей:

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует;
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью...*

Пушкина и Абая роднит принадлежность к избранной касте небожителей. Ни границ, ни политических систем, ни времени, ни пространства не существует для родства высоких духом. Поэты, являясь духовным и нравственным знаком своих народов, способствуют их единению и миру. Надеюсь, что так будет всегда. И мы будем ощущать прекрасные мгновения своей причастности к светлому имени Пушкин.

Записала Наталья КУРПЯКОВА.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

Реквием по верному другу

К 70-летию известного казахского журналиста, писателя, переводчика Тельмана Жанузакова (а родился он почти на самом краю древней земли Семиречья — в Нарынколе, откуда виден величественный пик Хан-Тенгри) его дочь Майра Жанузакова, в своём творчестве тоже шагнувшая по стопам отца, составила книгу воспоминаний о нём, выпущенную в свет республиканским издательством “Жалын” (“Пламя”). Печально и трогательно название этой 288-страничной книги — “Сагынамын кун сайын...” — “Тоскую каждый день...”.

О непростой судьбе Тельмана Жанузакова проникновенно, а главное — правдиво говорят в этой книге наши именитые писатели и журналисты Шерхан Муртаза, Аким Тарази, Калихан Исакулы, Абилямжин Жумабаев, Нурмахан Оразбек, Сатимжан Санбаев, Иосиф Будневич, Виталий Энголи, Геннадий Толмачёв, Туткабай Иманбеков, Мынбай Илес, ветеран Великой Отечественной войны Мария Мединская — вдова героического защитника Брестской крепости, а затем белорусского партизана, уроженца Нарынколя Нурума Садыкова, вице-президент Международного фонда Д. А. Кунаева Серик Абдрайыулы, лауреат Международной премии “Алаш” Бек Тогысбайулы, профессор-медик Аукен Машкеев, литератор и кинорежиссёр, лауреат Государственной премии Казахстана и премии Киноакадемии Франции Сатыбалды Нарымбетов...

И для меня Тельман тоже близок и дорог — как журналист, единомышленник, как верный друг, много сделавший благополучного для родного Семиречья и всего Казахстана. Поэтому не отозваться на просьбу его дочери я не мог и отдал ей для книги свой о нём очерк. Здесь же особо скажу, что личность Тельмана и поныне видится мне совершенно обаятельной и, несмотря ни на какие житейские передряги, нешуточные драмы и горькие, отнюдь не оптимистичные трагедии (скажите, пожалуйста, а какая же бывает Жизнь без них?), абсолютно честной перед Временем и людьми, которые это архисложное Время создали, не ведая, что им же придётся его безжалостно сокрушать и потом искренне сожалеть о содеянном.

Однако сам Тельман уже никогда не узнал об этом сокрушении: он слишком рано ушёл от нас, немногим более 40 лет от роду — 12 сентября 1978 года.

Но в 1967 году он, уже тогда опытный журналист, замредактора республиканской молодёжной газеты “Лениншил жас”, отнюдь не сам искал самую авторитетную и могущественную в нашей общей державе газету (о “Правде” 70-х годов, увы, минувшего XX века только именно так, а не иначе думали в СССР, во всём социалистическом содружестве и далеко за его пределами), а “Правда” сама нашла Тельмана.

И вот что примечательно: он без всякого испытательного срока, сразу же отменно проявил себя в ней *собственным корреспондентом* первой десятки — среди своих, насколько помнится, то ли 50-ти, то ли 60-ти остальных коллег этого непростого номенклатурно-журналистского ранга, распределённых волею

редколлегии “Правды” и с полного ведома тогдашних высших властных сил по всей необъятной Стране Советов.

Там, среди этой журналистской (и в известном смысле весьма привилегированной) элиты, были, считаю и ничуть не идеализирую, невероятно (в самом добром смысле) способные люди, асы и виртуозы исключительно строгого и ответственного ремесла. Это они в Москве и Казахстане, каждый в свой *правдистский* срок, — Саша Скрыпник, Василий Шепель, Буген Ибраев, Геннадий Иванов, Габдулла Касенов — полностью отождествляли свою партийность со всегдашней готовностью по справедливости разобрататься в самом сложном конфликте, обоснованно и решительно взяты сторону слабого, без запоздания прийти на помощь несправедливо обиженному или же гнусно оболганному. Такой же высоконравственной валентности во всём, что прямо или косвенно касалось его журналистской работы в “Правде”, был и наш Тельман.

Власть прессы тогда (и не только центральной) была непререкаемо-железной, и Тельман употреблял её всегда с присущей ему взвешенностью и осмотрительностью только во благо родного Казахстана и всей державы, чьё крушение Президент братской России Путин в канун 60-летия Великой Победы советского народа во Второй мировой войне неспроста назвал “крупнейшей катастрофой XX века”.

Немудрено, что принципиальная позиция Тельмана была многим его антиподам костью в горле, постоянно добавляя ему явных и скрытых оппонентов. Причём самого разного рода и оттенка — от погрязших и в поныне бессмертной коррупции вождей и вождят всяческих рангов и служб (начиная с коммунальных) до тупоголовых академиков и прочих рвачей из мира науки. Но верных союзников и друзей, причём не хамелеонистых, а самых надёжных, у него всё-таки везде, по всей республике и далеко за её пределами, было больше.

Отечески доброжелательно (и, не скрою, требовательно!) относился к нему и наш Первый — незабвенный Димаш Ахмедович Кунаев, с которым мне волею судьбы довелось проработать немало лет и, право, не только в официальной должности его помощника. Не без ведома Первого “Правда” крепко поддержала классика нашей литературы, ставшего с её, “Правды”, участием лауреатом Государственной премии СССР Абдиджамила Каримовича Нурпеисова, которого иные из его профессионально-завистливых коллег по литературному цеху готовы были слопать живьём и без соли. Не удалось.

“Правда” благожелательно отметила на своих страницах отменную постановку нашего ТЮЗа — театра юного зрителя (ныне имени Героя Социалистического Труда Наталии Сац) по актуальной пьесе Николая Николаевича Гусева “Человек с белой гвоздикой” — о национальном герое греческого народа Никосе Белояннисе, чьим верным другом был казахстанец Гусев, в Отечественную войну защитник Крыма и Сталинграда, а после неё — корреспондент ТАСС в Афинах. И эта объективная правдистская похвала воздавалась (внимание!) чуть ли не сразу после того, как сам товарищ Суслов лично начертал на рукописи пьесы Гусева категорически запретное: “Несвоевременно!”. См.: Динмухамед Кунаев. От Сталина до Горбачёва. “Санат”, Алматы, 1994, с. 249.

“Правда” (опять же стараниями Тельмана и, что скрывать, не без моего тут, как всегда, с ведома Первого, участия) не дала на своих страницах гнусно расправиться с остропроблемным произведением ныне народного писателя Казахстана Ивана Павловича Щеголихина — “Другие зори”. Это оно вызвало бурную волну номенклатурно-чиновничьего гнева, активно спровоцированную прототипом этого честного повествования — всемогущим производственным владышкой, единовластным вершителем трудовых судеб тысяч людей, членом ЦК, депутатом

Верховного Совета, кавалером Золотой Звезды и прочая и прочая. Идти же против непрошибаемой воли этого заласканного Москвой, всесторонне заслуженного и обильно обрегального монстра при его колоссальных связях в самом ареопаге правящей партии, прекрасно знакомого лично с Леонидом Ильичом Брежневым, было непросто и даже безрассудно. Но Тельман не был бы Тельманом, если бы отступился тут. И он не пошёл на попятную, тонко сделал всё, чтобы уже подготовленный (помимо него) зубодробительный материал не вышел в свет.

И таких коллизий и фактов в бытность его правдинским *полпредом* можно назвать немало.

Свою родословную и её ономастику он уважал, как следует. Во всяком случае, героическое житие мужественного сына немецкого народа Эрнста Тельмана (нашими оборотнями ныне тоже неимоверно оболганное) знал назубок и мог всегда точно сказать, когда его бессмертный тёзка возглавлял в Германии Союз красных фронтовиков, когда был депутатом рейхстага, когда выдвигался от своей партии в президенты...

Одним из самых близких ему друзей был прекрасный человек, талантливый литератор, влюблённый в жизнь и людей, — Сабит Жиренов. Вот и сегодня, как наяву, вижу их — его и нашего Тельмана — ясноглазыми и молодыми, спортивно скроенными, острыми на слово. И себя с ними тоже. Начитанность и эрудиция обоих была мне радостна, мечты — близки и понятны.

Сусальщина с маниловщиной претили нам. Помню, как однажды Тельман сказал, что не прочь стать дипломатом, и не где-нибудь, а непременно в странах Магриба или же в Новом Свете, но только не в стране алчного дядюшки Сэма, а там, где, как он (не без пафоса) выразился, “можно было бы принести явственную пользу общему делу”. Жиренов же грезил о милой его сердцу славе Аркадия Гайдара — как наиболее (так считал Сабит) талантливого *детского* писателя. Мы же с Тельманом, как могли, укрепляли в Сабите эту, быть может, по-своему наивную, но отнюдь не лишённую устойчивой творческой опоры, истовую веру.

Тем же временем оба — и Тельман, и Сабит, исподволь и с большим желанием одаривали меня такими бесподобными психологическими *этудами*, многие из коих, с полного их согласия, вместе с собственными наблюдениями я позже вверстал в свои лишь слегка мистифицированные, а на самом деле почти дневниково списанные с жизни *наверху* повести и романы — “Просто Ивановы”, “Лирическое отступление”, “Закон Бернулли”, “Летайте “Буазеном”, “Вернуться и ничего не забыть” и другие. Нагорело мне за них *по линии* партийных инквизиторов из Центра крепко. Пока Димаш Ахмедович был в силе, он сдерживал аппетиты этих профессиональных костоломов. Но потом всё пошло кувыркром. И тем не менее ни о чём не жалею: дело-то сделано.

Сбыться же мечтам Сабита не дал внезапный неодолимый недуг, против которого все наши настойчивые старания (включая тут и участие Первого), как у нас дома, так и в Москве, оказались бессильны, хотя и смогли календарно отдалить роковой день.

Самого Тельмана тоже не миновала ни одна из суровых и безжалостных сложностей многоликого Бытия.

Да, это так. И, полагаю, мне нет нужды вновь пространно говорить об этом, коль его вдовой Фаридой Дюсенбековной Жанузаковой, ныне, увы, покойной, созданы весьма неординарные повести “Второе рождение” и “Замкнутый круг”. Разумеется, к ним можно относиться по-разному и даже корить автора за излишнюю обнажённость души и описываемых обстоятельств. Но убери всё это из повестей, чего бы они тогда стоили?

Эту диологию благословили в свет дорогие мне люди — главный редактор самой старейшей в Казахстане русскоязычной газеты “Огни Алатау”, популярного литературно-художественного журнала “Простор”, других солидных изданий Вениамин Иванович Ларин и давний сотрудник “Казахстанской правды”, историк литературы, признанный критик и эссеист Павел Петрович Косенко. Тельман был очень дружен с ними. Не скажу, что он был во всех ипостасях и смыслах идеален. Так, наверное, не бывает ни с кем из нас. Так (и это уже определённо) не будет и с теми, кто идёт нам вослед. Зато сколько на нашей памяти остаётся истинно добрых дел, честно и бескорыстно сотворённых Тельманом — на посту главного редактора сатирического журнала “Ара-Шмель”, в отечественной кинодокументалистике, в розыске и поддержке истинных героев Великой Отечественной войны...

Бесконечно жаль, что его земной круг оборвался столь жестоко и рано. Любому честному журналисту и писателю не понять тех чинуш, которые не столь уж и давно ликвидировали существовавшую в Казахстане журналистскую премию имени Тельмана Жанузакова, видимо, лишь потому, что апогеем его творчества стала (ещё до операции на сердце) его безупречная деятельность в перво-степенной партийной газете. Простите, но по такому признаку уже давно пора упразднить, к примеру, память о великом казахском акыне Джамбуле Джабаеве, чьи стихи “Правда” публиковала беспрестанно, или о замечательном поэте, воине-журналисте, фронтовом корреспонденте “Комсомольской правды” Баубеке Булкышеве, павшем смертью храбрых в 1944 году, а заодно разогнать всех ветеранов журналистики, да и не только её.

Примечательно: смолоду Тельман мечтал о славе альпиниста (похоже, что значок “Альпинист СССР” был милее ему всех других наград), но истинно большие высоты ему дались в журналистике, в умении от Бога: радостно открывать недюжинные таланты и дарования в других людях, заботливо опекать и поддерживать их, а ещё — в *достоверном* художественном переводе. “Последний из могокан” Джеймса Фенимора Купера, “Гиперболоид инженера Гарина” Алексея Толстого, роман Фридриха Дюрренматта “Судья и палач”, пьесы Артура Миллера, зазвучавшая на родном языке “Стрела Махамбета” Ануара Алимжанова — всё это его, Тельмана, переводческая работа.

Кончина застала его над переводом на казахский язык книги о Рихарде Зорге, чья трагическая героика была полностью созвучна самым потаённым струнам души моего верного друга. По красноречивому признанию знатока перевода Абильмажина Жумабаева, труды Тельмана Жанузакова в этой труднейшей, благородной, но далеко не всегда благодарной сфере стали “одним из ценных сокровищ в нашей литературе” (с. 157).

Так почему же сегодня они втуне?

Много ли знают о Тельмане выпускники и выпускницы кузниц наших журналистских кадров? А что о нём нынче слышно в братской России? В дружественной Италии, которую он почти полувек назад заново открыл многим своим читателям в отменных репортажах из Рима и Неаполя?

О! Есть и другие вопросы.

Но, хвала Всевышнему, есть уже и прекрасная книга о Тельмане Жанузакове — сыне фронтовика, погибшего на Великой Войне, и сыне всего Семиречья. На малой родине Тельмана, там, где гордо высится вечный Хан-Тенгри, есть школа имени Тельмана Жанузакова. А есть ещё и высокая, гордая школа его многотрудной и честной Жизни, целиком и полностью отданной честным людям.

И это, согласитесь, уже немало.

Всё остальное, полагаю, не сразу, но непременно приложится.

г. Алматы.

Елизавета МАЛИНОВСКАЯ,
кандидат искусствоведения, доцент,
академик МАИ, директор галереи “ARK”

Планета, сотворённая художником

Творчество для Чингиза Ногайбаева — поиск собственных ответов на незадаанные жизнью вопросы, в чём всегда помогали литература, мировая киноклассика режиссёров-реформаторов (М. Форман, А. Паркер, О. Стоун). Меняя предмет своего созерцания, он не изменяет фокусу отношения к истинам, впитанным из данных жизнью уроков. Сложение личности — многотрудная работа, чьи составляющие познаются лишь на временном расстоянии — отклик всего, как формулирует сам художник. Прежде всего, семьи. Пример профессиональной самоотдачи, фанатизм преданных театру великих казахских актёров, народных артистов СССР Идриса Ногайбаева и Фариды Шариповой. С ними был всегда рядом, на репетициях и спектаклях, во время гастролей, когда Чингиз объехал многие большие и маленькие города, что, казалось, не могло не определить выбор профессии. Но, лепя с детства, мечтал о скульптурном отделении, однако в тот год не было набора, и судьба распорядилась по-иному. Чингиз поступил на театральное отделение, а художественное училище дало, по его словам, уроки преодоления прессинга трудолюбия провинциала.

Затем — учёба в Москве, у педагогов, для которых профессия — не работа, но сама жизнь: Курилко, Бархин, Мессерер, Левенталь, Боровский. Были и многие другие, менее известные, но преподавшие не менее важные уроки жизни — бесстрашия в открытии новых путей в искусстве. Стажировка у Ю. Любимова, где познал себя на практике. Театр-студия “Иллюзион” — урок, по его словам, другого искусства. И, конечно, сокурсники, большинство из которых из известных в нескольких поколениях творческих династий (А. Салахова, И. Глазунов, А. Вертинская и др.), которые для него олицетворяли меридианы традиции семейных ценностей нескольких поколений. Это не подавляло, но породило необыкновенную жажду работы в разных плоскостях самопознания, чьи уроки извлёк из выставок, когда педагоги, демонстрируя то, что называли несколько сухо — культура сопровождающего видеоряда — определили потребность в равноценной работе в станковых формах.

Поиск собственных ответов подтолкнул к кинематографическому опыту — главной роли в фильме “Голубиный звонарь”, отмеченной Гран-при в Италии. Пронизанная психологизмом, аллюзиями, символикой кинолента, помимо всего, дала Чингизу урок ощущения накала современной трагедии, которая не менее значима для него как сценографа, чем пафос античного мифа.

Чингиз Ногайбаев — сценограф по образованию. По жизненным проявлениям — мудрец и пронизательный созерцатель. Сумел соединить векторы того и другого, рождая в многоликом творчестве — живопись, графика, сценография — свою особую реальность. Реальность, которую не спутать ни с чем... Мир, населённый его героями, предметами, страстями, событиями — только его, им сотворённая, личная планета. Ни на что другое не похожая,

неповторимая, обжитая в системе вещественных и эмоциональных координат, если не предсказуемых, то узнаваемых после первого же знакомства с его картинами. Они — персонажи и предметы, живущие рядом с ними — убедительны в своей самодостаточности и равнозначности права обретения места в мире, рождённом фантазией мастера.

Менуэт.

одежда, веера, растоптанная обувь, старая шинель патриота, затёртые орден — не столько любовно демонстрируемый реквизит, сколько проявление до времени скрытого в человеческой природе. Того, что причудливые, эмоционально точные и выверенные визуальные ходы расплетают в непроявленном, за ширмой жеста и позы, в мистической таинственности полурассыпанных слов детских кубиков, предметной среды, пунктиром обозначающей настроения и характер героев.

Полотна Ч. Ногайбаева — составляющие неведомой пьесы, где предметы (ложки, вилки, ножи — “Дыня”) могут в сценическом порыве, преодолевая косность материи, пританцовывать и демонстрировать себя, бросая вызов пластике человека. И, напротив, мир подвижных форм — людей и животных рядом с ними — вдруг замирает, и жанровая сценка своей рельефной выверенностью чувств и состояний становится сродни натюрморту (“Агностик”, “X: 23”).

Чингиз во всех полотнах — он ясно осознаёт это — сценограф, демонстрирующий своего рода зал, как его обычно видит, из закулисы. Зал, где зрители расслабленно и психологически обнажённо, вне масок повседневной скрытности, взирают на сцену. Но главный, захватывающий спектакль для художника не сценическая, но сама жизнь, трансформируемая причудами его фантазии в иллюзорный, но от этого не становящийся менее реальным мир персонажей “из зала”. “Подглядев” его, со всеми перипетиями судьбы и поступков, художник преподаёт нам своеобразный урок мудрой в своей безапелляционности жизни, признаваясь искренне и простодушно — “Да, шок!” (любимые им корриды, герои любовных “треугольников”).

На этом просцениуме человеческой истории, как и в жизни, всё так переплелось! Подчёркнутая обыденность, неловкость позы, естественная, без ханжества интимность повседневных жестов прихорашивающихся, задумывающихся женщин (“Письмо”, “Купальщица”, “Бикини”, “Спичка”, “Раушан”). Вне оглядки на регламентированность, раскованно хохочущая толпа, а рядом — свобода от патетики и избыточности чувств замерших в своеобразном предстоянии героев (“Смешинка”). Очевидна естественность и одновременно надбытийность мизансцен, где персонажи, существуя на фоне задымленных задников убого-привычного существования пристанционной жизни, проходящей мимо, как поезда (“Девушка с козой”). Или же, напротив, его герои превосмогают заданность нравственных координат среды обитания, приземляющей жизненные ситуации и чувства (“А и Б сидели на трубе”, “Посёлок городского типа”, “Микрорайон”).

Аллегии заблуждений и увлечений, сомнений и раздумий, пафоса и самовлюблённости — буффонада полотен Чингиза (“Искушение грехов. Предрассудок”). Нет водораздела между ними и эскизами грима и костюмов, которые воспринимаешь портретами и жанровыми сценками, с удивлением осознавая ошибку, обнаружив не лица, но маски (поэтому и украсили его эскизы экспозицию музея современного искусства). Художник — пересмешник и шутник, играет образами,

когда неразличимы земные и небесные персонажи (“Рыжий ангел”). Постулирует галантные сцены спектакля, куртуазных кавалеров и дам на кринолинах через систему ширм, где живая материя и вещественный мир взаимопереплетены и трудно различимы. Сценический взгляд на жизнь, срастаясь со щедро впитанными с детства впечатлениями мира литературы, кино, театра — не секрет, что сценограф — эрудит и эстет, трансформирует реальность в иллюзию, а абстрактность, символику чувств и вещей — в подлинность. Где грань? Та грань, что разделяет в самом Чингизе живописца и графика от художника театра? Её нет. Да и зачем она?! Сценография как в калейдоскопе, меняет взгляд, преображая волшебной призмой подлинное — в мнимое, серьёзное — в гротеск, без усмешки и самобичевания.

А художник, не забывая истоки, каждое лето приезжает в родной город, где много работает, выставляясь в алматинских галереях. Счастливо и легко, как и должно быть у такого талантливого человека, сопрягает в своём, далёком от лозунговой патетики, евразийстве две великие культуры — Запад и Восток, особо не задумываясь об этом.

Посёлок городского типа.

Спичка.

Мы все влюбились в Казахстан!

Уважаемый Владимир Романович!

Прежде всего, примите слова глубокой искренней благодарности за публикацию в № 5 "Нивы" моего "пушкинского" материала.

Хочу сказать и о том общем добром впечатлении, которое оставляет Ваш журнал. Недавно познакомилась с 4-м и 5-м выпусками "Нивы" за этот год. Пока ещё не всё прочла, а уже прочтённое — понравилось, и даже очень — воспоминания А. Устинова, А. Булекпаева, А. Пройдакова. Они замечательны живым словом, интересны, полезны молодым. И в моей душе и памяти всколыхнули многое...

Мне довелось побывать в Казахстане в 1979 году. ЦОЛИУВ (Центральный ордена Ленина институт усовершенствования врачей) проводил в Алма-Ате с 7 по 25 сентября XX цикл лекций по истории медицины для ассистентов и доцентов медицинских и фармацевтических вузов Союза. И я, начинающий тогда историк медицины (вынужденно "изменила" своей иммунологии вирусных инфекций по причине тяжёлой болезни — аллергизации), была в числе участниц двадцатого — юбилейного цикла.

Удался он необыкновенно! Это отмечали все. И организаторы, проводившие подобные циклы в разных городах нашей тогда "необъятной" Родины (им было с чем сравнивать). И участники — из Минска и Риги, Фрунзе и Душанбе, Тернополя, Рязани, Оренбурга, Хабаровска, Тюмени, Иркутска, Перми, Волгограда, Воронежа, Омска, Свердловска, Ленинграда, Москвы... В незатейливом "Тимне XX цикла историков медицины", прощаясь с Алма-Атой, пели мы в вестибюле гостиницы, встав в круг, обнявшись и ... плача:

*... Дорогим мы хозяевам
Шлём сердечный "Салем!"
От души приглашаем к нам —
Приезжайте ко всем!*

А к общежитию уже подкатывали автобусы, чтобы увезти нас — молодых, сидящих или совсем седых — кого-то в аэропорт, кого-то на железнодорожный вокзал...

Надо сказать, в Алма-Ате была одна из немногих в Советском Союзе самостоятельных кафедр истории медицины. Руководимая проф. А. Р. Чокиным, прекрасным специалистом, она сделала всё для того, чтобы мы, гости казахстанцев, при расставании с ними так вот пели и совсем не сдерживали слёз... И лекции (в частности, министра здравоохранения Казахской ССР проф. Т. Ш. Шарманова и К. С. Туменовой — о развитии медицины и здравоохранения в республике, зав. кафедрой социальной гигиены проф. Р. И. Самарина — о медиках-панфиловцах, проф. А. Р. Чокина — об Аль-Фараби), и семинары, и практические занятия, и работа с материалами кафедры — всё это весьма существенно обогатило участников цикла новыми знаниями. Я, например, нашла тогда очень пригодившийся документ — "Историческую записку об учреждении Медицинского факультета при Императорском Новороссийском Университете (читана при закладке зданий Медицинского факультета 5 сентября 1896 года)".

Хорошо запомнилось посещение лечебных заведений: прекрасных ЦРБ в Капчагае и Каскелене, ФАПа в совхозе "Таугуль". Мы побывали в музеях истории

медицины, археологии, изобразительных искусств, в Центральном государственном музее КазССР, Доме-музее Джамбула, библиотеке им. А. С. Пушкина. А разве можно забыть ту воскресную вылазку в горы Алатау — под проливным дождём?! Разве можно забыть Медео?..

24 сентября я пошла на концерт во Дворец им. Ленина, где впервые услышала произведения Курмангазы в исполнении Казахского государственного академического оркестра народных инструментов под руководством народного артиста Ш. Кашгалиева (назавтра я, "покорённая" этой необыкновенной музыкой, стала искать пластинку Курмангазы и нашла-таки, увезла домой). И вообще концерт произвёл на меня большое впечатление: выступали Б. Тулегенова и Р. Рымбаева, К. Кулышева и С. Курмангалиева, М. Мусабаев и В. Яковенко, Г. Есимов и А. Днишев... Потом на сцене появлялись артисты Государственного ансамбля песни и танца Казахской ССР, Государственного театра оперы и балета им. Абая. Помню, что программу вела заслуженная артистка республики С. Алимходжаева. В заключение сводный хор в сопровождении симфонического оркестра исполнил (ах, с каким блеском он это сделал!) финал кантаты Жубанова "Хлеб и песня".

Я была тронута до глубины души...

Думаю, не было среди участников XX цикла человека, который бы не влюбился тогда в Казахстан. Каких людей мы повстречали за короткое время! Добрых, внимательных, предупредительных. И — с чувством собственного достоинства. Ассистентов и доцентов кафедры истории медицины, работников Алма-Атинского областного и районных отделов здравоохранения — многих из них я помню поимённо. Мы узнали, что такое "восточное гостеприимство". Пребывание в Казахстане — это один из лучших периодов моей жизни. Храню и иногда, будоража память, просматриваю фотографии той поры, перечитываю письма и открытки, которые стала получать по возвращении домой, — из Караганды, Ленинграда, Ворошиловграда, Куйбышева... Карагандинка Наиля Фуадбековна Сейфуллина, тогдашний ассистент, теперь, может быть, профессор, зав. кафедрой?..

Убеждена, что многие мои коллеги очень здорово выросли как специалисты, "сделали карьеру". Мне вот не удалось. Ещё и потому, что "выбила" меня своей "Тойотой" некая "новая украинка". Пришлось перенести четыре операции, металлостеосинтез, заново училась ходить и — жить. В новых жёстких (жестоким неоправданно!) условиях. На пенсии занялась историей литературы, выпустила 5 книжек, из них 2 — поэтических. С 2000 года я — член Союза писателей России. Очень больно переживаю распад Союза. Сегодняшняя украинская политика (политики) угнетает нестерпимо...

Но, пожалуй, довольно этих откровений — боюсь напугать Вас объёмом своего письма.

... Тогда из Алма-Аты, кроме пластинки Курмангазы (сыну, всем моим близким музыка тоже очень понравилась, хотелось бы послушать её сейчас, да игл к проигрывателю не достать), я увезла в Одессу набор сине-белых с золотом пиал и платье синего шёлка с белой каймой по рукавам и подолу. Но сегодня это блузка: расставила бока подолом, и служит она мне верой и правдой! Как говорил Егор Полушкин у Б. Васильева, "своя, к телу льнёт, ластится", а не как иностранная: "от противности электричество вырабатывает"...

Да, и ещё со мной привезённые из Казахстана колье и кольцо со скарабеями.

Сейчас вот понимаю: как же мне повезло, что хоть ненадолго прикоснулась к Казахстану!

*С глубоким уважением и сердечным теплом —
Людмила ВЛАДИМИРОВА,*

г. Одесса.

Виктория ОРЕШКИНА

Машина времени

Историко-фантастический рассказ

1

Пустыня. Бескрайняя, безжизненная пустыня покуда хватает глаз. Планета остановилась, перестав вращаться вокруг своей оси, и нещадное солнце палит с безоблачного неба круглые сутки, так, что уже нет ни дня, ни ночи. Дмитрий очнулся от липкого, изматывающего видениями, забытья. С трудом поднялся, сел, огляделся вокруг. Болела голова. Дотянулся и дёрнул за руку лежавшего рядом товарища:

— Марк...

Тот, будто тоже очнувшись, вздрогнул и посмотрел на Дмитрия пустым, ничего не видящим взглядом.

— Ё! — произнёс он недоуменно и испуганно. Шарахнулся в сторону и на четвереньках пополз куда-то. Дмитрий поднялся на ноги и подошёл к другому лежавшему поодаль мужчине.

— Поль... — позвал Дмитрий, — Поль! — Человек не шевелился. Дмитрий сел рядом с ним. Лицо его друга почернело и распухло от жары. — Поль, счастливый Поль! Знаешь, по тебе сейчас ползали бы мухи и, может быть, даже черви... если бы на Земле выжили мухи и черви... но их нет. Никого нет. Остались только мы с тобой, да ещё этот сумасшедший Марк... Поль, ну что ты молчишь? Молчаливый ты труп, Поль... а я — труп разговорчивый...

Дмитрий поднялся, накрыл лицо Поля своей курткой и пошёл в сторону.

Зачем он ещё жив? Может, это часть уготованной ему казни? А может, остался какой-то шаг, который он ещё должен был сделать?

— Господи, это — ад. — Липкое забытьё опять накрыло его, и он в сотый раз с необыкновенной реальностью пережил своё прошлое вперемешку с тяжёлыми ирреальными видениями...

2

8 лет назад спокойной и радостной была жизнь молодого инженера-изобретателя Дмитрия Шолохова. Буквально на днях он закончил сборку и провёл весьма успешные испытания своего изобретения — машины времени

**Виктория
Борисовна
ОРЕШКИНА**

родилась 14 апреля 1986 года в г. Караганде. Студентка IV курса Карагандинского Государственного технического университета. Работает специалистом в области тестирования программного обеспечения.

В 2005 году два её рассказа опубликованы в студенческом сборнике “Молодые дарования”. В 2006 году печаталась в Карагандинском еженедельнике “Взгляд”.

Участница международного литературного интернет-конкурса “Вся королевская рать”, где заняла II место в номинации “Фантастика и приключения”.

(чудо-техники на основе ЭВМ). Поэтому, проснувшись солнечным мартовским утром, он не вскочил с постели, как делал обычно, а остался лежать, улыбаясь какому-то светлому беспричинному ощущению счастья внутри себя. Потом потянулся рукой к столу и включил радио. Зашипел динамик и вместе с шипением ещё прежде, чем раздался голос диктора, тревожное напряжение заполнило комнату, а затем охватило и Дмитрия. Через несколько секунд, разом отодвинув шипение на задний план, зазвучал голос всесоюзного диктора Левитана: “От Советского Информбюро... — сквозь сдержанный тон всё явственнее сквозили нотки чего-то тревожного, угрожающего, — вчера, 5 марта 1953 года в 21 час 50 минут безвременно оборвалась жизнь Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии, Генералиссимуса Советского Союза, председателя Совета Министров СССР, великого вождя, учителя, отца и друга всего советского народа, — диктор сделал паузу, — Иосифа, — пауза, — Виссарионовича, — пауза, — Сталина. Ничем не восполнить эту утрату, но Коммунистическая партия, все трудящиеся ещё теснее сплывают свои ряды...”. Дальше Дмитрий уже не слушал. Сталин, светлый Сталин умер, его больше нет.. Как это нет? Может, это просто шутка или сон? Умер от сердечного приступа? У него мог быть сердечный приступ? Он вообще мог умереть?! Как?! Почему?! Для чего жить дальше, если его нет? Кого благодарить за мирное небо и яркое солнце, что светит каждый день над головой, за возможность мечтать и верить, что твои мечты сбудутся? Он ощутил в груди щемящую пустоту, подтянул согнутые в коленях ноги к животу и лежал так минут десять без мыслей, без движения.

В дверь постучали. Он тяжело поднялся и пошёл открывать. На пороге стояла плачущая соседка. “Дмитрий...” — едва произнесла она и, обняв его, зарыдала. “Ольга Петровна, как же теперь?..” — беспомощно сказала он. Они сели вдвоём на диван. Женщина сквозь слёзы горестно шептала: “Дмитрий, как же это, а? У меня дочка, Леночка, только вышла замуж. Как же они теперь без него?.. Если бы только... если бы он снова был жив... если бы только всё можно было вернуть и не допустить этого приступа... Я бы всё ему отдала!.. Даже жизнь свою... только бы он жил...”. Дмитрий одной рукой обнял её за плечи и, глядя куда-то в пустоту, другой гладил её седеющие волосы, заколотые сзади шпильками в старушечью “дульку”.

Соседка ушла. Дмитрий бродил по трёхкомнатной квартире, словно бесплотная тень, ничего не слыша, ничего вокруг не замечая. Отчего, думал он, умирают люди? Люди, которые так нужны сейчас окружающим? За всю его жизнь у него не было ни одного родного человека. Отца и мать почти не помнил, а когда совсем ещё ребёнком он часто плакал, воспитатели детского дома утешали его, говоря, что есть товарищ Сталин, друг всех детей. Он их любит и обо всех заботится.

С его именем он шёл в бой, не страшась смерти, мысль о нём помогла выжить в немецком плену; для него, не имевшего семьи детдомовца, он был отцом, учителем и до сих пор оставался родным и самым близким человеком.

Вдруг ощущение преграды перед собой заставило Дмитрия очнуться, и он увидел, что стоит рядом со своим изобретением — машиной времени. Он посмотрел на неё с недоумением, словно не понимая, что это и откуда, поморщился и, аккуратно обойдя её, пошёл дальше, подумав: “Чем она может мне теперь помочь?”. И вдруг в голову ему пришли слова соседки:

“Если бы только всё можно было вернуть и не допустить этого приступа...”. “Ну, конечно! — радостно выкрикнул он. — Конечно!”. Он лихорадочно бросился к машине, вставил вилку в розетку, придвинул стул и надавил на рычаг питания: “Давай, милая, давай!”. Пальцы с молниеносной быстротой застучали по тяжёлым клавишам пульта управления. “Вы действительно хотите осуществить данные действия?” — высветил монитор. “Да”, — Дмитрий с силой вдавил в клавишу подтверждения и какой-то непроглядный мрак в одно мгновение охватил его, и он почувствовал как всё глубже и глубже проваливается куда-то. Через несколько мгновений или часов — он не мог бы сказать точно, Дмитрий очутился в незнакомом месте, по виду напоминающем загородный дом или дачу. Из дома вышли несколько человек, и он с волнением узнал в них Сталина, Берию, Маленкова, Хрущёва и Булганина. Возле них крутился ещё кто-то не знакомый, лет сорока, скорее всего человек из дачной охраны Сталина.

— Доброй ночи, Иосиф Виссарионович, — услышал Дмитрий голос Берии.

— Доброй ночи, Лаврентий. До свидания, товарищи, — ответил Сталин и по очереди пожал всем руки.

— Лаврентий, стой! — вдруг окликнул он Берию.

— Да, товарищ Сталин, — услужливо повернулся тот.

— Что это, — он кивнул на охранника, — как его?..

— Хрусталёв, товарищ Сталин.

— Он сегодня вместо Старостина?

— Да. Он будет замещать его до утра.

— А что, этот, как его... Хрусталёв, хороший охранник?

— Один из самых лучших.

— Ладно, спасибо, Лаврентий. Доброй ночи.

— Доброй ночи, товарищ Сталин.

Гости сели по машинам и уехали.

— Проходите, товарищ Сталин, я закрою двери и выключу свет, — немного помолчав, сказал охранник.

— А что, Хрусталёв, ты спать не хочешь? — вдруг, неожиданно повернувшись, спросил Сталин, сверля охранника испытующим взглядом жёлтых кошачьих глаз.

— Нет, товарищ Сталин, — ответил тот, стараясь держаться как можно свободнее, но невольно вытягивая руки по швам.

— Ну-ну... — усмехнулся Сталин и вошёл в дом.

Охранник ещё с минуту постоял на крыльце, вдыхая по-зимнему холодный мартовский воздух, потом запер двери, выключил свет и пошёл в дежурку. Зайдя в тёмный коридор, он, с непривычки, долго искал выключатель. Кто-то отворил дверь в комнату, и коридор осветился потоком хлынувшего из неё яркого света.

— Ты чего там, Василич? Хозяин страху нагнал, боишься шаг сделать? — услышал он весёлый голос из комнаты, — проходи, не трусь!

— Ой, ребята, чуть от страха не помер! — так же весело, в тон, сказал Хрусталёв, входя в комнату. В просторной дежурке, за некрашеным деревянным столом, сидели четверо рослых охранников. Двое молодых, один лет 35 и начальник смены Курцев — совсем седой, с цепким взглядом светло-голубых глаз.

Оглядев комнату, Хрусталёв уже серьёзно продолжал:

— Распоряжение только какое-то странное. Говорит: “Ложитесь-ка вы все спать. Мне ничего не надо. И я тоже ложусь. Вы мне сегодня не понадобитесь”.

— Прямо чудо какое-то! Ты не врешь ли? А? — недоверчиво ухмыльнувшись, спросил один из молодых охранников.

— Да нет. Чего врать-то? Мне и спать не очень охота. Я ведь у вас только до утра, потом меня Старостин заменит.

Молодой с сомнением переводил взгляд то на Хрусталёва, то на начальника смены.

— Всё-таки странно это. Хозяин таких распоряжений никогда не давал. Надо пойти, узнать у него наверняка.

— Вы чего, ребята? Не верите мне, что ли?

— А чёрт тебя знает, правду ты говоришь или нет. Мы ведь тебя первый раз видим, — поддержал товарища охранник постарше.

— Обидно мне это... Я такой же охранник, как и вы. Зачем мне врать? Что я с этого иметь буду?.. Ну идите, спросите сами, если не боитесь...

— Хватит, ребята! — примирительно сказал Курцев. — Не обижайся, Василич, ты ведь сам охранник. Садись... Мы ведь не абы кого охраняем, а ты у нас человек новый.

— Ладно, забыли. Дело житейское, — улыбнулся Хрусталёв, — спать давайте. Приказ — он превыше всего.

3

Машина времени, словно верный слуга-волшебник, переносила Дмитрия из одного места в другое вслед за разворачивающимися событиями. В дежурке свет давно потушен, и все охранники, послушные приказу, спокойно спят. Все за исключением Хрусталёва. Он встал или, скорее, и вовсе не ложился, и уже идёт по длинному тёмному коридору по направлению к сталинской спальне. За ним, неслышно ступая по мягкому ковру, следует Дмитрий. Он и сам не может ещё до конца поверить в реальность всего происходящего. Став невольным свидетелем разговоров, увидев близко людей “высших” и в особенности Иосифа Виссарионовича, перед которым он испытывал чувство благоговейного трепета, он и забыл уже, как и для чего оказался здесь; и сейчас, когда Хрусталёв, открыв дверь и бесшумно войдя в комнату Сталина, заполнял шприц лекарством, Дмитрий смотрел на вождя как смотрит истово верующий на лик святого — со страхом и упованием. И в это время Хрусталёв сделал шаг к постели...

Будто бомба разорвалась в голове Дмитрия — в один миг исчезло оцепенение. Товарища Сталина, его товарища Сталина пытаются убить! Ему и в самом невероятном сне не привиделось бы такое. До этого момента он даже и не подумал о том, зачем солгал Хрусталёв своим товарищам, с какой целью шёл сейчас сюда, и зачем он, Дмитрий, преследует его. Мгновенно все эти факты сложились в одно целое; он вдруг осознал, почти физически ощутил, как беспомощен сейчас этот человек, вселявший страх в миллионы людей. Дмитрий кинулся навстречу Хрусталёву и, увидев его, тот на мгновение опешил, но этого было достаточно, чтобы Дмитрий скрутил ему руки и выволок в коридор. “Сволочь!” — произнёс он сквозь стиснутые зубы и наотмашь ударил охранника по лицу. “Сволочь, сволочь, сволочь!!!” — повторял он придушенным шёпотом, всё продолжая в какой-то

вдруг охватившей его неистовой злобе бить упавшего на пол охранника. Потом схватил его за воротник форменной куртки, резко дёрнул на себя и зашипел в самое лицо: “Говори! Говори, кто тебя послал?”. — “Берия, — в бессильной злобе прохрипел Хрусталёв, — но до него тебе не добраться!”. Дмитрий разжал руки. Ему вдруг стало страшно. Слова Хрусталёва не укладывались в голове. Берия... Неужели правда? Избитый охранник корчился на полу, пытаясь встать. “Нет! Это неправда! Ты лжёшь!”, — закричал Дмитрий и с размаху ударил Хрусталёва по лицу. Охранник придушенно захохотал: “Романтик...”. — “Нет! Ты слышишь? — снова зашипел Дмитрий в лицо Хрусталёву. — Нет! Я не позволю тебе его убить, не позволю!”. Он ещё раз наотмашь ударил охранника по лицу и схватил его за горло; судорожный хрип, и тело безвольно обмякло на полу. Дмитрия била крупная дрожь, по лицу сбегал омерзительный холодный пот, руки стали ледяными. Ему хотелось поскорее избавиться от всего этого, убежать, забыть. И, подгоняемый этим желанием, он вытащил тело охранника подальше в сад и кое-как закопал его. Дрожь стала ещё сильнее, сознание качнулось на грани безумия, он сделал несколько шагов от могилы и, не в силах больше выносить напряжение, упал на мёрзлую, обжигающе-холодную землю и потерял сознание.

4

Ему снилась страшное. Холод, тьма. Что-то всё время мучило его, не давало покоя. Одно видение сменялось другим. То он бежит куда-то через свежеспаханное поле беззвёздной ночью, из-под ног взлетают чёрные птицы, задевая лицо мягкими крыльями, борозды становятся всё глубже, отвалы земли всё выше; то он уже не бежит, а ползёт, мягкие крылья птиц становятся землёй, он пытается остановиться, подняться на ноги, но тьма, тьма повсюду, и он не знает, куда идти. Вдруг тьма редет, будто пылью рассыпается по ней свет, затем сгущается, из него выходит светловолосая девушка и садится на корточки рядом с ним.

— Лена... Леночка... — он протягивает руку, с усилием пытаясь прорваться сквозь липкую тьму. Образ девушки то исчезает, то становится прозрачным, и он никак не может прикоснуться к ней, почувствовать, убедиться, что она действительно рядом. Светлой пыли становится всё больше. Уже целые снопы света льются к нему из-за спины девушки.

— Лена... Леночка... Солнце моё... — шепчет Дмитрий.

Девушка улыбается ласково. “Солнце, — отвечает она, — да не твоё...” — и исчезает.

... Он проснулся в своей кровати от безудержно льющегося из окна прямо на него солнечного света. В душе тупая боль. Ликующе поёт радио:

*Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля...*

Болит голова. Что с ним? Какие тяжёлые сны... Тьма, птицы, свежеспаханное поле... свет, Лена... И ещё обжигающе-холодная земля, липкий пот, охранник Хрусталёв, Сталин... Почему ему вдруг приснилось всё это? Ведь он был счастлив, завершал испытания машины времени, дописывал диссертацию... Какие тяжёлые сны... Дмитрий сел на постели, провёл рукой по лицу. Посмотрел в окно, прислушался к радио:

*Кипучая, могучая,
Никем не победимая...*

Поднялся, прошёлся по комнате.

— Блин! Вот бред. Приснится же такое! — сделал усилие улыбнуться, — Сталин, Хрусталёв...

Разрывалось от счастья радио:

*... Страна моя, Москва моя,
Ты — самая любимая!*

— Уф! — Дмитрий ещё раз провёл рукой по лицу, поднял обе руки вверх, с наслаждением потянулся. — Никогда ещё так не любил эту песню!.. Свежевыбритый, он вышел из ванны, нашёл под кроватью тапочки, надел шорты и футболку. Едва вошёл в кухню, как в дверь позвонили. На пороге — соседка. За пять лет их совместного проживания в этом доме он никогда ещё не видел её такой счастливой. Кажется, что от радости добрая половина морщинок разгладилась на её лице.

— Димочка, доброе утро! — широко улыбнулась она. — Как вам спалось? Вы знаете, моя дочь Леночка вчера вышла замуж! Они с мужем уже переехали в общежитие! Вы знаете, им скоро обещали квартиру! Димочка, пойдёте скорее, я испекла замечательный пирог. Пойдёмте ко мне, попьём чаю. Ах, если бы отец Леночки вернулся с войны и мог видеть всё это, как он был бы счастлив....

Она хватает его за руку и тащит через два этажа наверх, в свою квартиру. Какое счастье сидеть в просторной уютной кухне, на белом табурете, за столом, накрытым свежей скатертью! Он, улыбаясь, жуёт пирог и слушает безудержно-радостный рассказ Ольги Петровны.

— ... Вот так вот они и познакомились. А через четыре месяца он сделал ей предложение. Как хорошо, милый Димочка, как хорошо, что всё так сложилось, что светит солнце, и на земле нет войны. Теперь наши дети — моя Леночка с мужем и ваши дети, они ведь будут у вас, смогут жить счастливо! Спасибо за это товарищу Сталину. Как же хорошо, что он жив и здоров и вместе со всеми нами!

Тупая боль в душе Дмитрия, спрятавшаяся было куда-то, при последних словах Ольги Петровны выскочила и засела вновь.

“Жив... жив? Иосиф Виссарионович жив? — думал он про себя и никак не мог понять, что именно его в этом так мучает. — Ну да, жив. А что?.. Стоп. Он ведь... умер... Вчера объявили по радио. Или... сегодня. Шестого числа. А сегодня какое? Сегодня, значит, седьмое. Тогда как же он может быть жив? ...А если он умер, почему у меня нет ощущения утраты? И чему так рада Ольга Петровна?”

— Так вы говорите, Иосиф Виссарионович жив? — спросил он вслух Ольгу Петровну.

— Да... А почему вы спросили?.. Что с вами, Дима? Вы побледнели. Вы здоровы?

— Да, всё в порядке, — он широко улыбнулся. — Простите меня, Ольга Петровна, мне нужно идти. Спасибо за пирог. Лене привет и пусть будет счастлива!

— Знаете, а жаль, что не вы стали мужем моей Леночки, — уже у дверей немного грустно улыбнулась хозяйка. — Вы ведь ухаживали за ней одно время.

— Всё, что совершается, — к лучшему, — улыбнулся Дмитрий и почти выбежал на лестничную площадку.

По лестнице, насвистывая что-то весёлое, вприпрыжку спускался чумазый сорванец лет десяти.

— Эй, мальчик, — окликнул его Дмитрий, — какое сегодня число?

— Шестое, — немного удивившись, ответил тот.

— А месяц?

— Март... — парнишка судорожно глотнул.

— А ...год?

— 1953. Вы чего, дядя? — удивление мальчишки перерастало в испуг.

— Спасибо...

Буквально слетев несколько пролётов вниз и нагнав своего товарища, он громко зашипел ему в ухо: “Слышь, Колька, там дядька год не знает!..”. Из квартиры высунулась бабка, опасливо шепча и хватая внука за воротник: “Никитушка, это сумасшедший! Зайди домой, а то поймает!”. — “Не поймает!” — озорно крикнул тот и, вырвавшись из цепких рук бабки, выскочил на улицу.

— Шестое число... — Дмитрий в растерянности ходил по комнате. — ...Это значит, что о смерти Сталина должны были объявить сегодня, но... не объявляли... Значит, он жив... И мой сон о Хрусталёве, о его убийстве вовсе не сон... — он сел, обхватил голову руками, несколько минут сидел так, осознавая происшедшее. — А как же Лена, поле, птицы?.. — вдруг вслух заговорил он, вставая и продолжая ходить по комнате. — Какое это могло быть поле? Где? ... Нет, этого быть не могло. Лена выходила замуж. Да, замуж за моего друга. Лена... — образ светловолосой девушки вновь предстал перед ним. — Как там она говорила: “Солнце, да не твоё”... Вернуть бы назад время, вернуть Лену. — Он в волнении подошёл к окну, распахнул рамы, выпрямился, вдохнул полной грудью. — Лена-а! — почти крикнул он. — Я люблю тебя!.. — Он вдруг опустил голову: — Я люблю тебя. Люблю, и поэтому не стану ничего возвращать. Просто будь счастлива!

Катился по весенним улицам солнечный день. Куда-то спешили люди, спешило солнце, спешили капли, спешила весна. Не было ни слёз, ни разочарований, ни злорадства по поводу смерти И. В. Сталина. Не было ни бесконечной толпы, ни насмерть задавленных в страшной давке людей, обезумевших в стремлении проводить Отца, Учителя и Друга в последний путь. Была весна. Был мир. Нелогичный, неправильный, покорёженный небывалым и невозможным доселе вмешательством. Мир, который через несколько месяцев стал Третьей Мировой войной.

5

Скоротечна и неумолима река времени. Она бежит то горным водопадом, срываясь с острых камней в неведомые глубины, обдавая всё вокруг искрящимися брызгами, то течёт спокойно и величаво меж цветущих берегов, то едва струится под лучами палящего солнца, но всегда вперёд, всегда только так, как должно быть. Никому ещё не дано было изменять русло этой реки, никому не удавалось по мановению мысли отпустить её в другие берега.

Кто же тот, который решился сделать это?!

Ангел ли он или слуга сатаны? Пророк или марионетка?.. Увы, это всего лишь человек. Ибо кто, кроме человека, может получить божественную силу и использовать её в угоду своей слабости?..

Дмитрий очнулся от тяжёлого забытья. На душе было спокойно. Он уже почти не чувствовал разницы между сном и реальностью. Всё существование его представлялось теперь беспрестанным кружением воспоминаний. Он будто катался на адской карусели, снова и снова возвращаясь туда, откуда начал. Кто-то остановил карусель, позволив ему очнуться. Он лежал и смотрел в ослепительно голубое высокое небо. “Неужели, — думал он, — потребовалось шесть с половиной лет беспрестанной пытки над всей землёй лишь для того, чтобы я понял, как я бессилён?”. Он порывисто встал и оглядел выжженную пустыню. “Боже! — закричал он и воздел руки к небу, — Боже, ты слышишь меня?! Отец мой! Господи!”. Небо без единого облачка, палящее солнце над безжизненной пустыней, в тягучем раскалённом воздухе плывёт горизонт. “Господи... — прошептал человек. — Отчего ты молчишь?..”. Он опустился на колени, взглянул перед собой — что-то ослепительно блестело в пятистах метрах перед ним. Он поднялся и пошёл туда, не думая ни о чём. “Может, мираж?” — мелькнуло в голове, но предмет был вполне реален: машина времени. Присел перед ней и набрал программу. Без мыслей, без сомнений, без страха. Знакомый рычаг, и он вновь проваливается в прохладную кружащуюся тьму...

Та же дача и жёлтый свет из окон, те же машины, люди и тот же, слово в слово, разговор. И охранник Хрусталёв всё так же крутится рядом в ожидании своего часа. Только теперь Дмитрий уже не будет ему мешать...

— Как странно, не правда ли — из поступков злых людей рождается добро? — вдруг услышал он позади себя чей-то звучный и в то же время мягкий голос. Чуть вздрогнув, резко обернулся. Перед ним стоял, задумчиво улыбаясь, высокий черноволосый человек со странно белым лицом.

— Здравствуй, товарищ Дмитрий! — улыбаясь, сказал он. — Ты позволишь тебя так называть? Не узнаёшь меня? А между тем мы давно с тобой знакомы — вот на этом самом месте восемь лет назад мы впервые встретились.

— Кто вы?

— Люди не очень-то любят произносить вслух моё имя. Можешь звать меня, ну, скажем, Чёрный Человек, или товарищ, или даже... мой друг. ... Но это ты вряд ли скажешь, не правда ли? — он улыбнулся чуть насмешливо. — Ты, я вижу, раскаялся и хочешь всё исправить, — продолжал он уже серьёзно, — но всё, товарищ Дмитрий, не так-то просто. Если бы ты украл, убил, обманул, искалечил, предал, то это куда ни шло, но ты покусился на ход истории, на само Время. Ты возомнил себя всемогущим. Ты вторгся туда, куда нельзя вторгаться человеку! Но... Ты всё понял, осознал свои ошибки... и мог бы попасть в рай. Но ты сам отрёкся от него — твоя душа не жаждет света. Пожелай ты его — и не я сейчас стоял бы рядом с тобой.

Дмитрий помолчал, а затем медленно, с паузами, произнёс:

— Единственное, чего я хочу — это покоя. Моя душа не жаждет света, ... у меня не осталось на него сил. Сейчас я спокоен, но это спокойствие человека, до конца осознавшего свое бессилие... перед вечностью, перед временем и перед небом... и перед преисподней...

— Пойдём. — Чёрный Человек крепко сжал руку Дмитрия.

— Постой... А Земля будет жить?

— Будет... — эхом отозвался Чёрный Человек и, легко оттолкнувшись от земли, повлёк Дмитрия в небо, полное ярких звёзд.

Александр ВЛАСЕНКО

Захват

Начальник управления внутренних дел города Н. что есть силы колотил кулаками по массивной железной двери. Набив руки до фиолетового цвета, он выхватил из кобуры рядом стоявшего заместителя пистолет и его рукояткой продолжил дубасить дверь.

— Зюкин, выходи! Ты окружён со всех сторон, деваться тебе некуда! Выходи, говорю! — закричал он, начиная сатанеть.

— Не выйду, начальник, — спокойно раздалось из-за двери. — Мне терять нечего.

Полковник обвёл тяжёлым взглядом толпившихся рядом подчинённых и остановился на замке.

— Не выйдет, товарищ полковник, — ответил тот на взгляд руководителя. — Может, попробовать “черёмухой” выкурить?

Полковник досадливо махнул рукой и на минуту задумался.

— Вот что, Кузьма Иваныч, найди его мать и привези сюда, — распорядился он.

Заместитель вернулся быстро, бережно ведя под руки маленькую, будто высушенную годами старушку. Она виновато и заискивающе смотрела на окружающих её людей в форме, словно прося прощения для себя и своего непутёвого сына.

— Миша!.. Сынок!.. Ну выйди ты, Христом Богом тебя прошу, — захныкала она, вплотную приложившись губами к холодному металлу. За ним слышалось влажное сопение.

— Эх, мамаша-мамаша! По живому режете, — всхлипывающе донеслось из-за двери, но тут же голос окреп и твёрдо сказал: — Не выйду! Точка!

— Та-ак! Ладно! — опять начал выходить из себя начальник. — Извините, Марья Гавриловна, что побеспокоили вас. Проводите гражданочку!

С десяток крепких услужливых рук подхватили под локоточки старушку и, не давая ей касаться ногами земли, вынесли из подвала.

— Командира спецназа ко мне! — рявкнул полковник.

— Я здесь!

— Слушай, капитан! Через пять минут ты должен представить мне этого орла, но смотри: он мне нужен целым и невредимым. Чтобы ни одной царапины! Головой отвечаешь!

Капитан, экипированный на случай ведения многолетних боевых действий вдали от базы снабжения, принялся давать указания своим бойцам.

— Всё готово! — доложил он.

— Движение вокруг здания перекрыто, всюду наши люди, вертолёт поднят в воздух, — добавил заместитель.

— Начинайте! — приказал полковник и, погрозив кулаком двери, добавил: — Ну, я тебя возьму!

В целях безопасности участники операции отошли в глубь подвала. Грохнул взрыв. Крепкие парни в бронезилетах кинулись на образовавшуюся кучу битого кирпича, поверх которой лежала искорёженная железная дверь.

— А-а-а! — чихая от поднятой взрывом пыли, но с победным криком полковник бросился на кучу, расшвыривая обломки. Из-под них в замасленной спецовке появилось тело Зюкина, бережно прижимавшего к груди разводной ключ.

— Я говорил, что возьму тебя?! Говорил?! — захлёбывался он, помогая Зюкину встать на ноги и стряхивая с него мусор.

— Ну, говорил, — хмуро ответил тот.

— Говорил! — грозно повторил полковник, но тут же, сменив тон, продолжил:

— Петрович, не губи! Что же ты со мной делаешь, а? Всё управление без воды и тепла сидит, а ты тут истерики закатываешь.

— Не буду я работать! Подписывай заявление! — сорвался Петрович. — Надоело! Всё гнилое, в одном месте сделаешь — в другом летит! Как проклятый за гроши горбишься. Подписывай заявление!

— Не могу я тебя отпустить без замены. И сам знаешь, что нет у меня денег. Фонды урезали! Мои люди за такие же гроши сутками работают и ...

— Товарищ полковник! — перебил его заместитель. — На третьем этаже проводку замкнуло. Вся криминалистика без света сидит.

Начальник управления внутренних дел города Н. тупо уставился на Зюкина.

— Дудки, Семёныч! — заволновался тот. — Ищи себе электрика где хочешь, а я теперь только сантехник.

И с видом человека, уверенного, что никакая милиция ничего не сможет ему сделать, посвистывая и помахивая своим ключом, он отправился устранять аварию.

Торговка и поэт

Он был поэт. Насквозь пропитавшийся ямбами и хорейми, по уши погрязший в буколиках и панегириках, он целыми днями слонялся по квартире и, взмахивая руками, бубнил себе под нос: роза-заноза, любить-купить, цветы... бу-бу-бу... мечты. Вергилия и Петрарку, Китса и Пастернака он считал своими приятелями.

Она была торговка. Пропахнувшая на жарком, пыльном базаре луком и селёдкой, возвращалась она домой, втаскивая в прихожую огромные баулы с товаром. Наскоро сполоснув руки, оставив всё остальное на потом, она спешила на кухню готовить ужин. С любовью, лившейся потоком из широко, по-детски распахнутых глаз, прислушивалась к звукам, доносившимся из-за двери: сердца-дверца, губы-зубы, бу-бу-бу, бу-бу-бу.

После, незаметно подкладывая ему лучшие куски, она с тем же выражением на лице слушала его:

— Ах, зачем, ах, зачем увидал я тебя? Увядая, спросил одуванчик ея... Ну как?

— Замечательно! — восторженно отвечала она.

— Зачем? — восклицал он, прожёвывая кусок ветчины и запивая его чешским пивом.

— Зачем нам всё это? Эта пицца, — тут он сытно икал, — эта квартира, эти люди, живущие рядом, этот город, этот... этот твой рынок? Зачем? Бросим всё! Бросим, и я уведу тебя в девственный лес, где прохладный ручей будет шептать нам своими хрустальными водами о нашей любви! Где будем только я, ты и поэзия. Будем жить в шалаше у ручья и станем кушать воду с травой.

— Я согласна, — не раздумывая, отвечала она. В эту минуту она была счастлива.

Был день, когда в одной газетке было опубликовано его четверостишие. Переделанное от начала до конца, исправленное твёрдой редакторской рукой, оно

сохранило от начального варианта лишь фамилию автора. Томный и рассеянный, сидел он за столом и меланхолично жевал приготовленную утку в ананасах.

— Зачем? — удивлённо спрашивал он. — Зачем судьба так шутит над нами?! Я и ты! Какой есть смысл в нашей встрече? Я... и ты? Странно, — он внимательно, как будто в первый раз увидел, принялся разглядывать её. — Не понимаю!

Затем он ушёл, плотно прикрыв за собой дверь. А она, растерянная, но всё с тем же выражением огромной любви на лице мыла посуду и прислушивалась:

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу.

На следующий вечер он молча ел, как и вчера, внимательно смотрел на неё и пожимал плечами. Уходя к себе в комнату, только и сказал:

— Странно. Не понимаю.

Через минуту послышалось знакомое “бу-бу-бу”.

И на следующий день всё такой же томный и недоумевающий, он вошёл в кухню, и его недоумение стало ещё больше. Она сидела за столом и на листке бумаги карандашом наносила тонкие штрихи.

— Вот, — застеснявшись, начала она. — Хочу вернуться к своему делу, своему любимому делу. Ведь когда-то я закончила художественное. И ты действительно прав: не в деньгах счастье...

— Какое дело? Какое художественное? — перебил он её, и его глаза беспokoйно забегали по пустому столу. — Какие искусства?! Где ужин?

— Ой! Я сейчас! — засуетилась она. — Ты будешь яичницу? А может, овсянку сварить?

— Ка... кая овсянка? — его лицо вытянулось. — Сума спятила? Я сосисок с гарниром хочу, — объявил он и, как делают только маленькие дети и поэты, выпятил нижнюю губу.

— Так ведь нет их, сосисок. Я сегодня не была на рынке, — ответила она.

— Зачем не была?! Почему не была? — возмутился он. — Я кушать хочу! Слышишь ты, глупая женщина?

Она слышала, но не знала, что ему сказать, и молча смотрела на него.

— О боже! — вскричал он и, с силой хлопнув дверью, выскочил. Через час, приоткрыв дверь, он заглянул в щёлку, но, увидев её сидящей всё так же за пустым столом, опять грохнул дверью. Ещё через час он предстал перед ней, одетый для выхода. Руками он крепко прижимал к груди толстый портфель, набитый рукописями.

— Я ухожу. Прощай. Как корабли среди океана, должны мы разойтись. Таков удел наш, — продекламировал он и в самом деле ушёл. Ушёл навсегда.

Уже вечером этого дня он сидел в доме заведующей гастрономом и, черпая ложками чёрную икру, пел ей:

— Ах, зачем, ах, зачем повстречал я тебя? Удивлённо спросил соловейка у ней.

— Прелестно! — искренне выдыхала хозяйка, подкладывая ещё икры.

— Зачем? — сытно икая, спрашивал он. — Зачем нам всё это: эта пицца, эти ковры, хрусталь в серванте, машина в гараже? Зачем? Бросим всё и уйдём в девственный лес, где на берегу прохладного ручья я расскажу тебе о своей любви!

— Я согласна, — не раздумывая, отвечала она, готовая бежать с ним хоть на край света. Бежать от всех этих неприятностей на работе, от этой комиссии, вскрывшей её махинации, из-за чего её в лучшем случае снимут с должности, в худшем — прокуратура заведёт дело. Плевать! У неё есть свой поэт, самый настоящий, так нежно, преданно и горячо любящий её. Она пошла собирать чемодан. Он, потягивая из бокала вино, пел:

— Уйдём туда, где я и ты, где ты и я, где оба мы, бу-бу-бу, бу-бу-бу...

г. Караганда.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 10.09.2007 г.

Подписано к печати 10.10.2007 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 4900.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.